63
Φ-336

Гв
62

Берегите книги!

Не перегибайте книгу во время чтения.
Не загибайте углов.
Не делайте надписей на книге.
Не смачивайте пальцев слюною,
перелистывая книгу
Завертывайте книгу в бумагу.

C. A. V.

1933 г.

КНИГА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

О

СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Сѵнодальная Типографія.
1890.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать позволяется 15 Декабря 1890 года.

Цензоръ Архимандритъ *Григорій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
ЗЕМЛЕДѢЛІЕ	1
2. Почва	6
3. Удобреніе почвы	9
4. Удобреніе толокой или паромъ	14
Травосѣяніе	17
СКОТОВОДСТВО	20
САДОВОДСТВО	28
ПЧЕЛОВОДСТВО	44
1. Старое и новое научное пчеловодство	45
2 Теорія пчеловодства	49
3. Кое-что изъ практики пчеловодства.	62
4. Враги пчелъ	75
Болѣзни пчелъ	79
6. Кое-что объ ульяхъ	85
ШЕЛКОВОДСТВО	89

ПОПРАВКИ.

	Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
Стр. 53, *строка* 8 *св.*:	въ ея личинкахъ	въ ея яичникахъ.
— 54, — 19 *см.*:	много капу	много калу.
— — — 17 —	изъ себя капъ	изъ себя калъ
— 75, — 12 —	темнота же въ центрѣ	теплота же въ центрѣ.
— 76, — 12 —	только, если Богъ	только если Богъ.
— 77, — 3 *св.*—	холодная сыта	холодноватая сыта.
— 81, — 9 *се.*—	смереской	смерской.

Кромѣ того на стр. 30-й фиг. 4 должна быть поставлена фигурой 1-й и помѣщена выше всѣхъ прочихъ фигуръ.

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.

1.

Земледѣліе было и донынѣ остается первымъ и самымъ важнымъ занятіемъ для человѣческаго рода. Когда народы, умножаясь, разошлись по разнымъ странамъ земнаго шара, то въ продолженіи многихъ вѣковъ и даже тысячелѣтій сельское хозяйство находилось, за исключекіемъ только нѣкоторыхъ странъ, на очень низкой степени развитія, не требуя, впрочемъ, и усовершенствованія. Земля была очень рѣдко заселена и находилась въ полнотѣ своей еще почти нетронутой производительности и безъ особеннаго ухода давала хорошій урожай. Плугомъ служилъ сукъ, затесанный или самородный, или прикрѣпленный къ другому, горизонтально положенному суку; такіе плуги встрѣчаются еще и въ настоящее время у народовъ, стоящихъ на очень низкой ступени развитія, какъ напр. у первобытныхъ жителей Сибири и Уссурійскаго края и даже у образованныхъ народовъ, хозяйничающихъ на очень урожайныхъ земляхъ. Такъ, египетскій феллахъ (крестьянинъ) пашетъ въ настоящее время такимъ же плугомъ, какимъ пахали его предки при первыхъ фараонахъ (царяхъ), 5000 лѣтъ тому назадъ; жители урожайныхъ рѣчій надъ Рейномъ пашутъ и теперь плугомъ, воспѣтымъ еще древнимъ римскимъ поэтомъ Виргиліемъ.

Но какъ ни полезно и пріятно сельское хозяйство, особенно въ странахъ урожайныхъ при благопріятномъ климатѣ, несмотря на то, многіе народы, чуждались земледѣлія, для котораго требовался ручной трудъ и осѣдлость, къ чему никакъ не могли привыкнуть народы-охотники и народы-пастухи, перекочевывавшіе съ своими стадами съ мѣста на мѣсто.

Впрочемъ, исторія свидѣтельствуетъ, что и пастухамъ и охотникамъ трудно приходилось жить безъ *хлѣба*, питаясь однимъ молокомъ и мясомъ. Охотникъ Исавъ, старшій сынъ патріарха Исаака, продалъ самое дорогое для него право первородства брату своему Іакову за блюдо *чечевицы*. Патріархъ Іаковъ, имѣя громадныя стада всякаго скота, пользуясь въ изобиліи мясомъ и молокомъ, нуждается въ хлѣбѣ, и въ неурожайный годъ, когда его негдѣ было достать поближе, посылаетъ своихъ сыновей за хлѣбомъ далеко въ Египетъ. Египетъ же считался въ старину хлѣбнымъ амбаромъ для сосѣднихъ съ нямъ странъ, онъ же былъ и первою школою сельскаго хозяйства, доставлявшею своимъ жителямъ несмѣтныя богатства продажею хлѣба.

Но познакомимся ближе съ Египтомъ. Эта страна занимаетъ такое же пространство, какъ любая изъ нашихъ большихъ губерній въ европейской Россіи. Самая плодоносная часть его первоначально имѣла не болѣе 30 верстъ ширины и 900 верстъ длины. Это—низменная равнина, окруженная горами, посрединѣ которой протекаетъ величественная рѣка Нилъ, дающая всему Египту жизнь и изобиліе даровъ Божіихъ. Она вытекаетъ изъ далекихъ горъ изъ двухъ источниковъ, называемыхъ Сиимъ и Бѣлымъ Ниломъ. Направляясь къ Средиземному морю, Нилъ принимаетъ въ себя воды многихъ притоковъ. Во время дождя, который въ этихъ горахъ бываетъ ежегодно съ мая мѣсяца по сентябрь, Нилъ и притоки его переполняются дождевой водою и, выходя изъ береговъ, разливаются по всей египетской равнинѣ, придавая ей видъ моря съ небольшими островами.

Вода Нила чиста, какъ кристаллъ, но во время наводненія она принимаетъ сначала темно-желтый, а затѣмъ красный оттѣнокъ отъ земли, которую она смываетъ и несетъ съ собою изъ неизмѣримыхъ болотъ, лежащихъ подъ горами;—это и есть плодоносный илъ и красноватый мергель (рухлякъ). Послѣ наводненія, когда рѣка входитъ въ берега, она оставляетъ послѣ себя въ видѣ грязи эти плодотворныя вещества, замѣняющія самые лучшіе навозы, поддерживающіе въ землѣ влагу. Тогда выходятъ сельскіе хозяева съ своими плугами, собственно ралами, и поскорѣе засѣваютъ землю, въ которой все растетъ съ удивительною силой, давая дѣйствительно сторичные урожаи, а въ травѣ по лугамъ пасется только крупный скотъ, овцы же ходятъ въ ней, какъ въ лѣсу.

Чѣмъ больше и продолжительнѣе наводненіе, тѣмъ богаче жатва. Малое же наводненіе считается въ Египтѣ народнымъ бѣдствіемъ.

Благодѣянія такихъ наводненій и удивительный послѣ нихъ урожай хлѣба уже въ очень древнія времена обратили на себя вниманіе умныхъ людей и царей египетскихъ (фараоновъ), изъ которыхъ особенно одинъ, *Мэридъ*, позаботился о томъ, чтобы этимъ благомъ пользовались и болѣе удаленныя отъ Нила мѣста. Съ этой цѣлью фараоны приказывали, мучая народы, копать каналы, а фараонъ Мэридъ задумалъ впустить воды Нила въ пространную, отдѣленную отъ Нила скалами пустыню, величиною въ 448 квадратныхъ верстъ. (Вотъ какіе уже въ то время были разумные хозяева!). Дѣло это стоило неимовѣрныхъ трудовъ, но за то пустыня обращена была въ рай, покрылась цвѣтущими садами, огородами и полями. Кромѣ каналовъ, по приказу фараоновъ строили египтяне и плотины, для того, чтобы илъ, наносимый на почву однимъ наводненіемъ, не былъ смытъ другимъ. Такими каменными плотинами египтяне, такъ сказать, врѣзались въ рѣку Нилъ. Раньше они строили дома и села только на мѣстахъ, удаленныхъ отъ наводненій или по скалистымъ возвышенностямъ, теперь же стали строиться и на такихъ плотинахъ, выдающихся надъ водами Нила даже во время наводненій.

Пользуясь плодородіемъ Египта, другіе народы, преимущественно греки и римляне, имѣли съ нимъ торговыя сношенія, при этомъ они ознакомились съ сельскимъ хозяйствомъ и полюбили его, а занявшись у себя земледѣліемъ, они передавали любовь къ нему и другимъ народамъ. У римлянъ земледѣліе пользовалось большимъ уваженіемъ. Самые именитые, богатые люди, убѣгая отъ своихъ занятій въ Римѣ, съ любовью предавались земледѣльческимъ трудамъ, и римское государство было могущественно и непобѣдимо, пока земледѣліе, простота и чистота нравовъ и древнія добродѣтели были въ уваженіи и мѣста ихъ не заняли роскошь, лѣнь и междоусобная вражда. Какъ почиталось у римлянъ земледѣліе,

показываетъ примѣръ *Цинцинната*, которому въ трудное время сенатъ предложилъ неограниченную диктаторскую власть надъ всѣмъ государствомъ. Посланники отъ сената застали его за сохой на полѣ. Онъ остановилъ воловъ и выслушалъ рѣшеніе сената. Не отказываясь отъ службы отечеству, онъ выпрягъ воловъ, переодѣлся и пошелъ спасать Римъ. Въ шестнадцать дней Цинциннатъ побѣдилъ враговъ и, возстановивши миръ, снова возвратился на свое поле къ своей сохѣ и продолжалъ пахать свою ниву.

Примѣръ египетскихъ фараоновъ показываетъ намъ, какъ высоко надо цѣнить производительность земли и какъ надо не щадить трудовъ для удобренія ея; примѣръ Цинцинната научаетъ насъ, какъ надо любить свою родную ниву, а равно и свое отечество.

Сельское хозяйство—промыселъ и всегда считалось промысломъ самымъ доходнымъ и притомъ доставляющимъ хозяину много удовольствія и наслажденій. Земля—это основной капиталъ, инвентарь и подвижной капиталъ—дополненіе къ нему, ежегодный урожай и увеличеніе живаго инвентаря (скота, роевъ пчелъ) и всякая другая прибыль—проценты. Чѣмъ большій процентъ приноситъ сельскому хозяину его хозяйство, тѣмъ лучшимъ хозяиномъ онъ считается, и тогда о немъ говоритъ, что онъ ведетъ свое хозяйство *раціонально*, то есть разумно.

Но чтобы вести свое хозяйство раціонально, необходимо имѣть много познаній и обширный опытъ. Никакой другой промыселъ не требуетъ знакомства съ столькими разнообразными отраслями науки, какъ сельское хозяйство. Но и никакой другой промыселъ не возвышаетъ такъ человѣка, какъ раціонально устроенное сельское хозяйство, потому что здѣсь человѣкъ заставляетъ всѣ силы природы служить ему. Поэтому сельское хозяйство для мыслящаго человѣка занятіе не только полезное, но и очень привлекательное. Оно представляетъ всегда новыя задачи для разрѣшенія, усугубляетъ силы природы и требуетъ изученія ея законовъ до мельчайшихъ подробностей. Это занятіе не только возвышаетъ умъ человѣка, оно облагораживаетъ и его сердце. Живя, такъ сказать, подъ глазомъ Всевышняго и вмѣстѣ съ Нимъ творя въ пользу человѣчества, сельскій хозяинъ окруженъ всѣми чудесами Его творенія. Онъ не можетъ быть невѣрующимъ; поэтому то вѣра въ Бога и искренняя набожность всегда были выдающимися чертами земледѣльческихъ народовъ, у которыхъ и теперь она встрѣчается вмѣстѣ съ чистотою нравовъ и христіанекой добродѣтелью. Въ сельскомъ хозяйствѣ всякая работа начинается крестнымъ знаменіемъ и краткою молитвою: „Господи Боже, благослови!“—и оканчивается тоже крестнымъ знаменемъ и словами: „Слава Тебѣ, Господи“! Самая тяжелая работа дѣлается вѣмъ семействомъ охотно, [illegible] Разумный трудъ представляетъ удовольствіе и наслажденіе. Неотлучный спутникъ сельскаго хозяйства—надежда. Она пробуждаетъ хозяина еще до восхода солнца, она укрѣпляетъ въ страдную пору его изнемогающія силы, она заставляетъ его открывать новые источники дохода, она не оставляетъ его и во время испытаній и самыхъ тяжелыхъ бѣдствій—въ годы неурожая, засухи, наводненій, градобитія, падежа скота, пожара и пр. Всѣ эти бѣдствія онъ переноситъ съ удивительнымъ терпѣніемъ.

Сельское хозяйство считалось издревле школою мудрости, о чемъ свидѣтельствуютъ тысячи разумныхъ пословицъ, относящихся къ хозяйству и вообще къ практикѣ жизни сельскаго хозяина. Бываетъ, что изнѣженный житель города во всю свою жизнь не видитъ восхода солнца, а между тѣмъ даже безграмотный се-

лянинъ тщательно наблюдаетъ обращеніе небесныхъ тѣлъ. Ночуя въ полѣ, крестьянинъ по положенію созвѣздій узнаетъ, который приблизительно часъ ночи; онъ наблюдаетъ обороты луны и безъ календаря, даже при закрытомъ тучами небѣ, знаетъ, когда новолуніе, полнолуніе или четверть, и по своимъ признакамъ, по направленію вѣтровъ и другимъ явленіямъ на горизонтѣ, онъ часто весьма удачно предсказываетъ погоду за нѣсколько дней впередъ; и сознавая свою практическую мудрость, онъ съ достоинствомъ иногда говоритъ о себѣ: „*я себѣ хозяинъ!*“ значитъ: я человѣкъ почтеннаго труда, я человѣкъ опыта, притонъ независимый, свободный на своемъ участкѣ земли,—и съ сожалѣніемъ смотритъ онъ на недоучекъ и гордецовъ, унижающихъ его честное сословіе. Онъ знаетъ, что умомъ и трудомѣ своимъ онъ кормитъ и одѣваетъ міръ, что на его сословіи, самомъ здоровомъ и численномъ, опирается государство, которое всегда защищали его предки отъ нашествія иноплеменниковъ, которому и онъ служитъ искренно, любя Царя, какъ Помазанника Божія, и готовъ на всякія жертвы за честь и благо родины.

Сельское хозяйство не только кормитъ и обогащаетъ народы, оно украшаетъ и обогащаетъ и самую землю. Оно осушаетъ болота, наводняетъ и орошаетъ сухія мѣста, очищаетъ и воздѣлываетъ пустыри, непріятные даже на видъ, и превращаетъ ихъ въ росконіные огороды, сады, луга и поля; оно засѣваетъ рощами безлѣсныя мѣста, истребляетъ лѣса, гдѣ они не нужны, то есть тамъ, гдѣ они занимаютъ громадныя пространства, и устраиваетъ на очищенной почвѣ хлѣбопашное хозяйство.

Кому Богъ судилъ имѣть свой участокъ земли, тотъ долженъ его любить и охотно употреблять для него свой разумный трудъ и усердіе. Онъ долженъ уважать преданіе отцовъ, потому что оно основано на разумной многовѣковой практикѣ, но долженъ и запастись необходимыми знаніями для лучшаго веденія хозяйства и внимательно смотрѣть на примѣры опытныхъ хозяевъ.

Въ настоящее время сельское хозяйство уже очень высоко поставлено въ густо заселенныхъ странахъ западной Европы и Америки, а также и въ нѣкоторыхъ полосахъ нашей Россіи. Но есть у насъ нѣлыя пространныл полосы, гдѣ только что начинаетъ между крестьянами зарождаться стремленіе къ усовершенствованію хозяйства. Такъ было еще недавно и у другихъ народовъ, и тамъ всякія улучшенія въ хозяйствѣ прививались крестьянамъ только очень медленно, и тамъ долго чуждались всякихъ нововведеній, пока современемъ не убѣдились въ громадной ихъ пользѣ. Только съ половины прошлаго столѣтія двинулось сельское хозяйство у англичанъ, французовъ, бельчйцевъ, нѣмцевъ и продолжаетъ постоянно совершенствоваться. Учительницей ихъ была бѣда. Когда населеніе до того умножилось, что при старой системѣ хозяйства земля не была въ состолніи его прокормить, нужно было или удобрить землю, чтобы она гораздо больше производила, или часть населенія должна была оставить родину и искать себѣ убѣжища въ другихъ странахъ. Много англичанъ, особенно ирландцевъ, бельгійцевъ, нѣмцевъ и др. переселилось въ Америку и Австралію и немало колонистовъ поселилось въ Россіи. Изъ Россіи же никто не выселялся за ея предѣлы, потому что она богата землею, имѣетъ громадныя пространства, еще нетронутыя плугомъ, которыя ждутъ только трудолюбивыхъ рукъ и держатся въ запасѣ для своихъ русскихъ людей, когда и имъ современемъ сдѣлается тѣсновато въ густо населенныхъ мѣстахъ. Въ Россіи всегда было достаточно хлѣба не только для себя и для покрытія мѣстныхъ случайныхъ неурожаевъ, но и для вывоза заграницу.

Но вышеупомянутые иностранные народы, отпуская часть своего населенія въ качествѣ колонистовъ въ другія страны, позаботились и о томъ, чтобы ихъ собственная земля была доведена до высшей степени производительности и доставляла имъ насущный хлѣбъ съ излишкомъ даже при раздѣлѣ ея на мелчайшіе участки. Производительность уменьшеннаго пространства земли должна была уравновѣситься удобреніемъ, глубокимъ разрыхленіемъ почвы и навозомъ. Большой переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ сдѣланъ былъ нѣмцемъ Иваномъ Шубартомъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, научившимъ хозяевъ сѣять *клеверъ*. Бѣднѣйшій народъ скоро убѣдился въ большой пользѣ, приносимой клеверомъ; во всѣхъ странахъ Германіи появились нивы съ клеверомъ, а послѣдствіемъ этого было увеличеніе количества скота и навоза, удобренная земля стала давать богатѣйшія жатвы, улучшилась и порода скота, поднялась и цѣна на него, потому что клеверъ доставлялъ отличный не только зеленый, но и сухой кормъ. Клеверъ научилъ держать скотъ весь годъ на дому и паръ сдѣлалъ лишнимъ; такъ что сельскій хозяинъ вмѣсто двухъ третей могъ ежегодно засѣвать *весь* свой участокъ земли, и удобряя его часто навозомъ, получать такимъ образомъ гораздо больній доходъ. Клеверъ поставилъ бѣдствовавшее на западѣ сельское хозяйство на ноги, и голодные годы, очень часто навѣщавшіе Германію, Англію и другія страны, стали случаться только очень рѣдко. Въ настоящее время клеверъ во всѣхъ своихъ породахъ—красный, шведскій, ползучій бѣлый, а также люцерна, эспарцетъ и пр., занимаетъ большія пространства земли, и на немъ, какъ на твердомъ основаніи, зиждется раціональное хозяйство. Австрійскій императоръ Іосифъ II даровалъ за это Шубарту дворянское достоинство. Другой великій человѣкъ, оказавшій сельскому хозяйству большія услуги, былъ учитель химіи Юстусъ Либихъ, учившій и доказавшій на дѣлѣ на своемъ нарочно для того купленномъ, совершенно неурожайномъ полѣ, что можно имѣть богатую жатву, не удобряя поля даже скотскимъ навозомъ, а только минеральными и химическими веществами и мукой изъ молотыхъ костей. Онъ научилъ сельскихъ хозяевъ, изъ какихъ составныхъ частей состоятъ всякія растенія и чѣмъ они питаются, чего прежде никто не зналъ.

Съ тѣхъ поръ сельское хозяйство утвердилось на нерушимыхъ основаніяхъ науки и даетъ большіе доходы даже на земляхъ, считавшихся раньше совершенно неспособными къ обработкѣ. Впрочемъ, не одно только земледѣліе, но и другія отрасли сельскаго хозяйства нашли по всѣмъ странамъ земнаго шара усердныхъ учителей. Какъ высоко стоятъ въ настоящее время огородничество, садоводство, пчеловодство! До какого совершенства доведено скотоводство! О всѣхъ этихъ и другихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства подробно говорится во многихъ книгахъ и журналахъ на всѣхъ языкахъ образованныхъ народовъ.

Россія, дорогая наша родина, богата всѣми дарами Божіими, богаче всѣхъ другихъ странъ міра. Она имѣетъ почти всѣ климаты и всякія почвы. Она имѣетъ у себя дома все, въ чемъ нуждается человѣкъ, она составляетъ свой отдѣльный міръ. Много добра лежитъ въ ней еще нетронутымъ, много только теперь открывается. И еще много богатства явится въ ней, когда весь русскій земледѣльческій народъ примется за раціональное хозяйство. Тогда совсѣмъ другой видъ представятъ наши села: они украсятся лучшими домами и постройками, чудными садами, и дороги къ нимъ будутъ обсажены сливами, яблонями, грушами, грецкими орѣхами, липами, ивами, шелковицами, вербами; деревья эти дадутъ

плоды и пріятную прохладу во время зноя, взятокъ пчеламъ и кормъ шелковичному червю. Тогда не будетъ болотъ и обнаженныхъ холмовъ; болота обратятся въ роскошныя поля и луга, по обнаженнымъ горамъ явятся рощи или зацвѣтетъ эспарцетъ, любящій пустыри и дающій самый лучшій кормъ скоту и бѣлый ароматный медъ пчеламъ. Тогда скотъ русскаго человѣка безъ труда потянетъ легкій желѣзный плугъ, а пчела будетъ выдѣлывать чудныя ячейки своихъ сотовъ въ рамкахъ и сугубо вознаградитъ разумнаго пчеловода за его уходъ.

Земледѣльческій русскій народъ уже стоитъ на пути къ своему благосостоянію, принявшись усердно за школьную науку. Школа поведетъ къ предположенной цѣли, такъ, какъ повела уже другіе народы, опередившіе насъ въ раціональномъ веденіи сельскаго хозяйства.

2. Почва.

Почвой называется верхній слой земли, который открытъ для дѣйствія на него воздуха, солнечныхъ лучей и влаги и который вспахивается для посѣва на немъ разнаго рода хлѣбовъ. Слой земли, находящійся подъ почвой, который не разрыхляется, называется *подпочвой*.

Почва почвѣ рознь. На огромномъ пространствѣ Россіи находятся всякаго рода почвы, отъ совершенно безплодныхъ до самыхъ урожайныхъ; и соотвѣтственно климату и другимъ мѣстнымъ условіямъ, бываетъ и разнаго рода сельское хозяйство.

Какая бы ни была почва, изъ которой селянинъ долженъ добывать свой насущный хлѣбъ, онъ обязанъ ее любить, какъ мать-кормилицу свою и своихъ предковъ; для нея не долженъ онъ жалѣть ни труда, ни разумнаго ухода.

Онъ долженъ знать, что не одно плодородіе почвы доставляетъ ему насущный хлѣбъ и благосостояніе, ибо очень часто бываетъ, что на самыхъ плодоносныхъ почвахъ живутъ очень бѣдные люди, и напротивъ, бываютъ на скудныхъ почвахъ зажиточные, даже богатые хозяева.

Земля доставляетъ богатство только при разумномъ трудѣ, при бережливости, трезвости, нравственности, смышлености хозяина и его семейства, умѣньи пользоваться ея плодами и искусствѣ дѣлать ее болѣе производительной съ помощью науки и новыхъ изобрѣтеній.

Стараясь увеличить производительность почвы, сельскій хозяинъ долженъ избѣгать двухъ крайностей: первое—не требовать отъ своей почвы невозможнаго, превосходящаго ея силы, и второе—не злоупотреблять богатствомъ почвы, чрезмѣрно высасывая ея составныя вещества, что бываетъ при неразумной плодопеременѣ. Плодопеременою называется порядокъ, въ какомъ слѣдуетъ одинъ посѣвъ за другимъ, напримѣръ, послѣ пшеницы картофель, послѣ картофеля ячмень съ клеверомъ, послѣ—два года клеверъ, а послѣ клевера рожь или ячмень или овесъ. Никогда не слѣдуетъ сѣять колосъ на волосъ, или лнетъ на листъ, а листъ на колосъ и обратно колосъ на листъ. Такъ, не слѣдуетъ сѣять ржи послѣ уборки пшеницы, гречихи послѣ гороха или картофеля и наоборотъ. Клеверъ на клеверъ сѣется только послѣ шести лѣтъ. Только на унавоженномъ полѣ можно сѣять, что угодно, такъ какъ навозъ доставилъ почвѣ всѣ потерявшіе составныя части для какихъ бы то ни было растеній.

Хозяинъ долженъ стараться увеличить свою землю, гдѣ это окажется возможнымъ, или покупкой, или обращеніемъ дикой почвы въ плодородную. Осушеніемъ сырой болотной почвы, истреблешемъ кустарниковъ, гдѣ ихъ не нужно, и унавоженіемъ многіе хозяева пріобрѣли значительный приростъ почвы, безъ котораго обходились ихъ отцы, оставлявшіе и болота, и кустарники въ покоѣ и вывозившіе навозъ, какъ ненужную вещь, въ рѣки и провалы.

Гдѣ невозможно увеличить землю въ длину и ширину, тамъ можно ее увеличить въ глубину улучшеніемъ ея качества. Въ Бельгіи, Англіи и другихъ краяхъ малоземельные хозяева копаютъ землю, какъ въ огородѣ, заступами и получаютъ удивительную жатву, особенно корнеплодныхъ растеній и кормовыхъ травъ. Клеверъ они косятъ по 3—4 раза въ лѣто, а люцерну иногда и по 5 разъ, потому что корни этихъ растеній проникаютъ въ глубину почвы и, находя ее тамъ рыхлой и удобренной истлѣвшими корнями прежнихъ растеній, даютъ богатые урожаи. Поэтому одна десятина копанная, т. е. увеличенняя въ глубину, приноситъ плодъ двухъ десятинъ и того больше.

Но не всякая почва выноситъ глубокую вспашку и глубокое копанье. Это свойственно только черноземy, иногда и порѣчіямъ, имѣющимъ подпочву, состоящую изъ такихъ же минеральныхъ веществъ, какъ и верхняя почва, и изъ истлѣвшихъ растительныхъ веществъ, т. е. корней разныхъ растеній.

Почва, не выносящая глубокой вспашки и копанья, подъ которой песокъ или камень или такъ называемая мертвая земля, называется *мелкоземомъ*. Въ ней находятъ питаніе только танія растенія, корни которыхъ не идутъ въ глубину, питающіяся болѣе воздухомъ, напримѣръ, горохъ, гречиха, лупинъ. Такая почва, не имѣющая урожайной подпочвы, скоро истощается и нуждается въ частомъ удобреніи, такъ какъ занасъ питательныхъ и для небольшихъ корней растенія веществъ скоро исчерпывается вспашкой и жатвами.

Какъ почва бываетъ различнаго рода, такъ и уходъ за нею различный. Иной уходъ за черноземомъ, иной за пескомъ и опять иной за сырой суглинистой и лѣсной почвой. Черноземъ любитъ глубокую вспашку, потому что его почва теплая, сухая, пропускающая влагу. Но именно поэтому частая вспашка слишкомъ ее изсушаетъ, корни растеній не находятъ въ ней достаточной влаги, и потому эта почва очень чувствительна къ засухамъ. За то работа на черноземѣ идетъ быстро. Пусть дождь идетъ и цѣлую недѣлю, а только подуетъ вѣтеръ и пригрѣетъ солнце, черезъ нѣсколько часовъ на черноземѣ можно пахать и сѣять, между тѣмъ какъ на суглинкахъ или пескѣ съ непропускающею воду подпочвой вода стоитъ нѣсколько дней въ бороздахъ и углубленіяхъ, пока не высохнетъ отъ вліянія воздуха и солнца. На суглинкѣ легче пахать, но такая почва скоро уплотняется, поэтому нужно ее еще разъ перепахивать, и чѣмъ больше ее разрыхлять, тѣмъ лучше. На черноземѣ посѣешь въ сырую землю, только не слишкомъ мокрую, и будетъ хорошій урожай, на глинѣ только и смотри, чтобы за сохой и боронами курилась пыль, тогда только можно надѣяться на урожай; посѣешь въ сырую землю, взойдетъ сорная трава и заглушитъ посѣянный хлѣбъ, а наступитъ засуха, земля затвердѣетъ, какъ камень.

Раціональное хозяйство успѣло превратить и сырую, малоурожайную глинистую почву въ хорошую, плодородную тѣмъ, что осушаетъ ее *дренажемъ*. Дренажемъ называется употребленіе глиняныхъ трубъ, которыя кладутся въ канавкахъ по разнымъ направленіямъ осушаемой нивы, какъ по большинъ городамъ

кладутся водопроводныя трубы. Вода изъ почвы проникаетъ въ болѣе тонкія трубы и изъ нихъ проходитъ въ болѣе толстыя, которыя проводятъ ее въ канавы, и почва осушается. Тамъ, гдѣ прежде бывалъ только въ благопріятные года посредственный овесъ, или гдѣ бывало грязное пастбище, послѣ проведенія дренажа и удобренія родится отличная пшеница и всякіе хлѣба и кормовыя травы.

Какой уходъ нуженъ за разнаго рода почвами, научаетъ насъ не только наука раціональнаго хозяйства, но и многолѣтній опытъ. Одинъ и тотъ же хозяинъ имѣетъ иногда разныя почвы, требующія и разной обработки. Одну ниву онъ пашетъ глубоко, но только разъ, а затѣмъ до посѣва озимаго хлѣба только ралитъ, чтобы глубоко не разлыхлять земли, дорожащей влагой, а другую пашетъ мелко, но два раза. Подъ яровой посѣвъ онъ пашетъ черноземъ подъ зиму (зяблитъ) и на веснѣ сразу сѣетъ, а на суглинкѣ онъ непремѣнно пашетъ еще разъ до посѣва весной. На черноземѣ онъ сѣетъ рано весною, какъ только стаютъ снѣга, на холодномъ суглинкѣ онъ ждетъ, пока почва не высохнетъ и не обогрѣется. Черноземъ онъ унаваживаетъ только разъ въ 6 или 7 лѣтъ; сырая глина требуетъ хорошаго навоза каждый четвертый и даже мѣстами каждый третій годъ. Есть и танія почвы, которыя унаваживаются ежегодно.

Но бываетъ иногда и многовѣковая неразумная практика, потому что въ старыя времена крестьяне не разбирали или не могли разобрать, что и какъ лучше, жалѣли своего труда или не имѣли времени и средствъ для усовершенствованія своего хозяйства. Вмѣсто того, чтобы улучшать хозяйство, они предавались суевѣріямъ, иногда очень вреднымъ. Вмѣсто разумнаго ухода за домашнимъ скотомъ, обращались съ нимъ небрежно, а когда скотъ болѣлъ или коровы давали мало молока, приписывали это чарамъ вѣдьмъ и всякой нечистой силы, хорошихъ же, умныхъ хозяевъ и ихъ женъ, усердно ухаживавшихъ за скотомъ и получавшихъ отъ него хорошій доходъ молокомъ и работою, считали союзниками злаго духа. Они придумывали себѣ разные дни (непраздничные, по церковному уставу), въ которые будто бы не годится пахать, въ другіе прясть и проч., предаваясь въ такіе дни лѣни и пьянству. Они считали грѣхомъ прикасаться къ тому, что, по ихнему, Богъ далъ съ тѣмъ, чтобы его не трогать. Въ древніе вѣка приписывали люди цвѣту бузины больную цѣлебную силу, называя его даже „sambucus *utilissima*“ (бузина *полезнѣйшая*), и чтобы ее не истребляли, пустили въ ходъ басню, будто подъ ея корнемъ кроется діаволъ. Кто его обезпокоитъ, онъ ревматизмомъ поломаетъ тому кости. Эта вѣра еще нынѣче въ полной силѣ, и бузина растетъ преспокойно, заглушивая огороды. Текъ ручеекъ среди поля, разливался по долинѣ, крестьяне тысячу лѣтъ ѣздили по этой дорогѣ, много разъ въ грязи опрокидывали подводы съ сѣномъ и снопами, но считали того врагомъ, кто говорилъ имъ: прокопайте канаву, высушите долину и постройте мостикъ,—и до сихъ поръ мѣстами все осталось нетронутымъ, какъ было при отцахъ и дѣдахъ.

Но самое неразумное, что осталось по преданію отцовъ въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи, это—убѣжденіе сельскихъ хозяевъ, что земля не нуждается въ унавожніи и что отъ навоза она только портится. Это самое пагубное преданіе! Еще кое-какъ можно извинить тѣхъ, кто живетъ въ благословенной черноземной полосѣ, но что сказать о тѣхъ, у которыхъ земля бѣдна, проситъ навоза, а они его вывозятъ въ рѣки и провалья или даютъ помѣщикамъ, нѣмцамъ, чехамъ, жидамъ, и хотя видятъ пользу отъ унавоженія полей, всетаки упорно держатся преданія отцовъ. Въ настоящее время наука и разумная практика доказали, что

и самая плодоносная земля нуждается въ унавоженіи, потому что и въ ней истощаются вещества, питательныя для растеній, и не подлежитъ сомнѣнію, что и на такихъ земляхъ въ настоящее время жатвы бываютъ не танія, канія бывали при дѣдахъ и прадѣдахъ, и чаще случаются неурожайные годы, такъ какъ при увеличеніи народонаселенія земля мало отдыхаетъ. Въ Бессарабіи, въ Румыніи, въ Буковинѣ, гдѣ главнымъ хлѣбомъ является кукуруза, ее сѣетъ крестьянинъ уже сотни лѣтъ на одной и той же нивѣ. Восьмидесятилѣтніе старцы разсказываютъ, что они сами, и отцы, и дѣды ихъ ничего другаго не сѣяли, и что ихъ нивы никогда не отдыхали. Зачѣмъ же, говорятъ, унаваживать землю, если она и такъ хороша, ежегодно родитъ? Но еслибы удалось убѣдить тамошняго крестьянина, чтобы онъ, по примѣру помѣщика или колониста, попробовалъ унавозить часть своей нивы, то онъ увидѣлъ бы, что его обыкновенный урожай былъ только третьею частью настоящаго урожая, который можетъ ему доставить его нива послѣ унавоженія—какъ количествомъ, такъ и качествомъ зерна и корма для скота.

Поэтому въ странахъ съ густымъ населеніемъ, гдѣ нужда научила народы унаваживать землю не только скотскимъ, но и минеральнымъ удобреніемъ, навозъ назвали *душею* хозяйства, чѣмъ онъ и есть въ дѣйствительности, такъ какъ онъ поднялъ хозяйство, а съ нимъ и благосостояніе народовъ до небывалой высоты.

3. Удобреніе почвы.

Куда бы мы ни пошли, почти вездѣ услышимъ жалобы хозяевъ на то, что богатые урожаи теперь не такъ часты, какъ въ былое время. Танія жалобы слышимъ и въ тѣхъ странахъ, которыя славятся, какъ самыя плодородныя. Мы не имѣемъ Нила съ ежегодными его наводненіями, оставляющими по себѣ плодоносный илъ, а только тотъ илъ на нашемъ черноземѣ, который оставленъ намъ послѣ потопа, и который въ теченіи тысячелѣтій, хотя медленно, но всетаки исчерпался, и притомъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ чаще мы его пахали и засѣвали, т. е. получали зерно и солому изъ нашей почвы, и за то ничего ей не давали, кромѣ развѣ тѣхъ остатковъ и корней соломы, которые послѣ жатвъ остаются на полѣ. Если же почва постоянно только даетъ и даетъ, а въ замѣнъ ничего не получаетъ, то должно, наконецъ, придти такое время, когда дары ея будутъ скуднѣе, а затѣмъ могутъ даже и совершенно прекратиться. Еслибы урожаи слѣдовали ежегодно, одинъ за другимъ, сила нашей земли еще бы скорѣе истощилась, но Богъ посылаетъ неурожайные годы съ засухой и тѣмъ даетъ отдыхъ утомленной землѣ.

Поучительнымъ примѣромъ для насъ могутъ быть въ данномъ случаѣ американцы. Получивъ во владѣніе дѣвственную землю, они стали пользоваться ея огромными запасами, ея плодородіемъ, и лѣто за лѣтомъ высасывали ее посѣвами одной только пшеницы, какъ самымъ цѣннымъ для торговли хлѣбомъ; но уже послѣ десятковъ лѣтъ они замѣтили, что пшеницу глушатъ сорныя травы и на ней появляется ржа, жатва значительно уменьшилась количествомъ и зерно выходило тощее и маловѣсное. Поэтому волей-неволей они принуждены были оставить такой хищническій способъ хозяйства и придумали срѣзывать только колосья, а всю солому оставлять на полѣ. Послѣ уборки колосьевъ они припахивали всю солому, и урожаи хотя не вполнѣ возвратились, но значительно улучшились. Вотъ какъ земля заявила свои права, и человѣкъ, не видя другаго исхода, долженъ былъ ее удовлетворить.

Но гораздо умнѣе и полезнѣе давать землѣ то, что она любитъ, въ чемъ она нуждается, тѣмъ болѣе, что намъ это не нужно, а именно—навозъ. Солома и намъ нужна. Ею мы покрываемъ крыши, рѣжемъ ее на рѣзку, кормимъ ею скотъ (а безъ скота мы не знаемъ хозяйства), солома служитъ ему и подстилкой, которая зимой его обогрѣваетъ. Такимъ образомъ мы получаемъ навозъ даромъ, и онъ намъ не нуженъ, мы должны его убирать, чтобы не заражать имъ воздуха; но онъ необходимъ для земли, какъ кормъ, чтобы удержать ее въ полной силѣ производительности. Хозяйство безъ навоза, т. е. такое хозяйство, которое отъ земли только получаетъ, а землѣ ничего не возвращаетъ, называется хозяйствомъ *хищническимъ*, собственно: лжехозяйствомъ. Хозяйство же съ навозомъ и тщательнымъ уходомъ за нимъ называется разумнымъ или *раціональнымъ*.

Никто у насъ—скажетъ намъ малороссъ въ черноземной степи,—не вывозилъ навоза въ поле, а какіе бывали у нашихъ отцовъ урожаи пшеницы, проса и всего, чего душа проситъ! А степи наши покрыты были травой выше человѣческаго роста. Бодяки росли какъ лѣсъ, а волы рогами пролагали себѣ путь въ травахъ; и коли козакъ выѣхалъ съ лошадью въ степь къ стаду, то только голова его виднѣлась изъ травы.

Вѣрно, такъ бывало; но въ томъ то и дѣло, что тогда земля получала очень много удобренія отъ перегнивающихъ бодяковъ и травъ, которыхъ никто не убиралъ, а сверхъ того и отъ скотскаго навоза отъ стадъ, пасшихся по степямъ отъ снѣга до снѣга. Такая сильно и безъ человѣческаго труда унавоженная земля, когда ее вспашутъ, родила чудную колосистую пшеницу, и неизвѣстны были тогда ни ржа на стеблѣ, ни *снѣть* (ржа на самомъ колосѣ). И хватитъ у такихъ степей еще на сотни лѣтъ силы родить, что угодно, потому что тысячи лѣтъ унаваживала ее сама природа, и накопилось въ ней очень много и азота, и калія, и фосфора, и кремнія—веществъ, столь необходимыхъ для всякаго рода растительности; и можно назвать счастливыми людей, живущихъ на такой почвѣ. Но степи эти только недавно перепаханы, а гдѣ уже плугъ или соха и рало роютъ и такую хорошую землю съ незапамятныхъ временъ, тамъ уже замѣчается оскудѣніе ея силъ. Вотъ и надобно подумать о томъ, чтобы покормить кормилицу-землю, такъ какъ она, матушка, требуетъ хоть и немного пищи, а всетаки требуетъ, чтобы поправить свои силы.

Но если и самая плодоносная земля начинаетъ уже просить для себя пищи, тѣмъ болѣе она нужна землѣ бѣдной по своей природѣ, на мелкоземѣ, на пескахъ, и на сырыхъ, холодныхъ, лѣсныхъ глинахъ. Тамъ уже дѣйствительно навозъ *душа хозяйства*; онъ, только онъ наполнитъ ригу хлѣбомъ, онъ воспитаетъ хорошую расу скота, онъ доставитъ хозяину доходъ и возвыситъ его благосостояніе.

Но не на всякую землю стоитъ возить навозъ. Что пользы возить его на чистый песокъ или болотистую почву? Чтобы и чистый песокъ сдѣлать пригоднымъ для удобренія и плодоноснымъ, прежде всего надобно ему дать хотя немного земли плотной, суглинку, и покрыть его суглинкомъ, если онъ есть подъ рукой. Болотистую же почву прежде нужно осушить и добавить къ ней песку, если она торфяная, а послѣ перепахать и тогда уже унавозить хлѣвнымъ навозомъ. Трудъ большой, но и плоды его будутъ замѣчательные.

Разумный хозяинъ долженъ ознакомиться съ разными родами удобреній и не пренебрегать ничѣмъ, что служитъ для удобренія почвы. Иногда идешь и видишь, какъ по селамъ высыпаютъ на улицу золу, потому что не знаютъ, что зола тоже

полезна, какъ удобреніе. Зола, особенно изъ соломы, содержитъ въ себѣ много калія, который полезенъ особенно для растеній, растущихъ въ листъ, каковы картофель, капуста, свекла, клеверъ, горохъ и пр. Разсыпанная по навозу или прямо по грядкамъ огорода или *по лугамъ*, зола приноситъ пользу хозяину, улучшая ростъ растеній. — Иногда идешь и видишь, какъ народъ полетъ просо, пшеницу, ячмень или огороды и сорныя травы складываетъ на кучи по полямъ, при дорогахъ, а изъ огородовъ выбрасываетъ ихъ черезъ плетень на улицу или въ пустыя мѣста. На улицѣ или дорогѣ пропадаетъ польза ихъ, пропадаетъ сила, высосанная изъ земли. Гдѣ при межѣ истлѣетъ такая куча, тамъ на будущее лѣто покажется на томъ мѣстѣ сильный и рослый всходъ засѣяннаго хлѣба или зелени, но на это нашъ крестьянинъ не обращаетъ вниманія. Не лучше ли принести или привезти выполотое зелье и бросить его на обору, гдѣ оно превратится въ навозъ? Такъ высыпаютъ вонъ и старую известь, и сажу, и падаль, и шерсть, и кости и внутренности животныхъ, и выливаютъ на улицу кровь и помои, вмѣсто того, чтобы сложить все это въ яму, гдѣ приготовляется навозъ. У хозяевъ, распоряжающихся раціонально, ничего подобнаго и быть не можетъ,—тамъ все это идетъ въ дѣло.

Въ настоящее время кости составляютъ значительный предметъ торговли. Ихъ перемалываютъ въ устроенныхъ къ тому мельницахъ на муку, которую покупаютъ хозяева для удобренія почвы. Посыпанныя такой мукою нивы родятъ много *тяжеловѣснаго* зерна.

Хлѣвный навозъ, удобрительныя качества котораго достаточно извѣстны хозяевамъ, живущимъ въ мѣстностяхъ съ бѣдной почвой, бываетъ и сильнѣе, и слабѣе, смотря по тому, какимъ кормомъ питается скотъ и какъ приготовляется самый навозъ. Чѣмъ лучше и жирнѣе кормъ, даваемый животному, тѣмъ лучшій отъ него получается навозъ, потому что въ изверженіяхъ и мочѣ остается больше такихъ веществъ, которыми питаются растенія. Главныя изъ этихъ веществъ: азотъ, калій, фосфоръ, кремній. Навозъ отъ скота, который кормится хорошимъ сѣномъ—клеверомъ, эспарцетомъ, люцерной, свеклою, рѣпой, отрубями и даже зерномъ, гораздо жирнѣе, чѣмъ навозъ отъ такого скота, который живетъ только одною соломой и еле влачитъ свою жалкую жизнь. Очень важенъ тоже уходъ за навозомъ. Такъ, у разумнаго хозяина и навозъ лучше, у плохаго—и навозъ хуже. Разумный хозяинъ никогда не выбрасываетъ навозъ на кучу, лежащую на открытомъ воздухѣ, гдѣ онъ прѣетъ (горитъ), а отъ того теряетъ почти половину своей силы и вѣса. Онъ выбрасываетъ его на дворъ, укладывая его ровно въ нѣсколько углубленномъ мѣстѣ, по которому проходятъ люди и скотъ и убиваютъ его такъ, что онъ не можетъ горѣть на воздухѣ. Разумный хозяинъ знаетъ, что не только твердыя извержения скота, перемѣшанныя съ соломой, составляютъ навозъ, но и моча, пропитывающая его и удерживающая въ немъ сырость, отъ чего навозъ переходитъ въ густую массу, въ которой разлагается солома и отъ того увеличивается его качество и вѣсъ. У разумныхъ хозяевъ, дорожащихъ каждымъ клочкомъ навоза и каждой каплею мочи, хлѣва такъ устроены, что вся моча изъ подъ скота или прямо входитъ въ подстилку, или стекаетъ на дворъ канавками въ кадь. Если хозяинъ ежедневно выбрасываетъ изъ-подъ скота навозъ, то онъ долженъ свозить его въ яму, гдѣ поливаетъ мочей изъ кади, но лучше оставлять навозъ нѣсколько дней подъ рогатымъ скотомъ, гдѣ онъ перемѣшивается съ мочею и перепрѣваетъ, пока уже слишкомъ много его накопится, и окажется для скота неудобнымъ стоять

на немъ. Тогда самое лучшее выбрасывать его толстыми пластами и такъ слоями ровно укладывать въ гнойной ямѣ.

Неразумный хозяинъ не обращаетъ вниманія на качества навоза; ему удобнѣе выбрасывать на кучу, и онъ равнодушно видитъ, какъ навозъ горитъ, не понимая, какой отъ этого происходитъ убытокъ для его поля. А самое ужъ неразумное дѣло, когда хозяинъ прокапываетъ канавку для мочи и проводитъ ее изъ хлѣва на улицу или въ другое мѣсто, гдѣ она пропадаетъ, а изъ хлѣва выбрасываетъ только сухой навозъ.

Разумный хозяинъ не складываетъ разнаго рода навозъ въ отдѣльныя кучи, но валитъ всѣ въ одну яму, перемѣшивая ихъ такъ, чтобы качества каждаго навоза дополняли качества другихъ навозовъ. Такъ покрываетъ онъ навозъ отъ рогатаго скота слоемъ конскаго, опять кладетъ поверхъ его коровій и перемѣшиваетъ его съ овечьимъ, свинымъ, птичьимъ и пр. Навозъ коровій—самый лучшій, но и конскій, болѣе слабый, когда перемѣшанъ съ коровьимъ, принимаетъ его лучшія качества.

Разумный хозяинъ считаетъ свою гнойную яму сундукомъ, въ который онъ вкладываетъ деньги, потому что выбрасывается ненужное, а за него получатся деньги. Уже выше сказано о золѣ, сажѣ, шерсти, старой извести; добрый хозяинъ всякую тряпку холста, всякій обрѣзокъ кожи, всякихъ животныхъ, напр., неживую кошку, собаку, птицу, крысу, мышь, испорченное яйцо и скорлупы не выброситъ на улицу, а зароетъ въ навозъ или подъ стволъ плодоваго дерева, гдѣ оно принесетъ пользу. Онъ не жалѣетъ труда и ежедневно лопатой очищаетъ свой дворъ, куда приходитъ скотъ, и всякій соръ и скотское изверженіе броситъ въ гнойную яму, которую умные хозяева называютъ *„золотой ямой“*. Онъ постарается и о томъ, чтобы человѣческія извержепія, самый лучшій навозъ, не пропадали, а попадали въ навозъ, въ яму, подъ толстый слой соломы.

Посмотрите, какіе толстые слои самаго лучшаго навоза лежатъ цѣлыми столѣтіями по нашимъ базарамъ въ городѣ! Этого вы не увидите нигдѣ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ уже ведется раціональное хозяйство. Тамъ весною, при первой оттепели, когда, въ глубинѣ земля еще мерзлая, сгребаютъ навозъ на кучи и выручаютъ за него деньги, а базары всегда чисты.

Какъ дорогъ навозъ за границами нашей Россіи, посмотрѣли бы вы на такія страны, какъ Тироль, Швейцарія, въ горахъ Альпахъ. Тамъ ровнаго поля очень мало, а гдѣ оно есть по долинамъ, тамъ все унавожено и родитъ отлично. А есть въ высокихъ горахъ небольшія мѣста по нѣскольку саженей пространства, и они не остаются безъ обработки; а какой нуженъ трудъ, чтобы унавозить такую земельку! Житель тѣхъ горъ въ корзинкѣ на головѣ несетъ навозъ на верхъ горы, перепрыгивая съ нимъ по скаламъ, тамъ его разстилаетъ, перекапываетъ и сѣетъ хлѣбъ, а свою скудную жатву онъ на веревкѣ, по 3—4 снопа, переноситъ далеко домой. Тамъ справедливо можно сказать, что человѣкъ въ потѣ лица своего ѣстъ хлѣбъ свой; но не будь навоза, онъ не имѣлъ бы и этого и не былъ бы въ состояніи прокормить семейство и содержать скотинку, для которой онъ лѣтомъ съ опасностью жизни коситъ висящіе по скаламъ клочки травъ. Какъ же не благодарить намъ Бога за то, что Онъ далъ нашему русскому народу такую матушку-кормилицу землю, которая и безъ большаго ухода родитъ намъ насущный хлѣбъ и которая, еслибы мы ее подкормили навозомъ, доставляла бы намъ вдвое или втрое больше плодовъ!

Но откуда же, спросишь, взять навоза, когда скотинки нѣтъ, потому что нечѣмъ прокормить ее? Бѣдная, суглинистая, холодная земля или легній песокъ,— что возьмешь съ нихъ? Плохую рожь, маленькій картофель, да иногда гречиху. И сосешь постоянно этакую земельку, а ничего ей не даешь. Въ томъ-то и бѣда! Она все болѣе и болѣе истощается и отказывается родить.

Впрочемъ, такъ бывало оно и въ другихъ странахъ. Народъ бѣдствовалъ, голодалъ, а теперь благоденствуетъ. Посмотрѣли бы вы на песчаную пустыню на югъ отъ Берлина! Песокъ и лѣсокъ, и опять песокъ. Но всѣ эти лѣса сажены человѣческой рукой рядами, а пески то желтѣютъ, то синѣютъ, то зеленѣютъ. А на песчаныхъ огородахъ, въ которыхъ постоянное унавоженіе образовало уже слой черной земли, какая зелень, какая роскошная растительность! Посмотрите на поле. Что-же тамъ желтѣетъ и синѣетъ на нивахъ? Что это за большая трава? Это *лупинъ*,—такое растеніе, которое, очень роскошно растетъ и въ самой бѣдной почвѣ и на самомъ чистомъ пескѣ. А нѣмцы сѣютъ его въ огромномъ количествѣ, получая отъ него двойную пользу: кормъ для скота и *зеленый навозъ*.

Что такое зеленый навозъ?

На пескѣ или плохомъ суглинкѣ сѣется сѣмя желтаго или синяго лупина погуще, такъ, какъ вика или горохъ, и въ такую же глубоко вспаханную землю. Есть и бѣлый лупинъ, но онъ не можетъ расти на пескѣ, а желтый и синій ростутъ роскошно, всасывая въ себя больше корма изъ воздуха, чѣмъ изъ земли. Когда лупинъ уже въ полномъ цвѣту, его косятъ на кормъ или прибиваютъ къ землѣ валомъ и перепахиваютъ. Это послѣднее и называется *зеленымъ* навозомъ. Перегниваетъ лупинъ съ цвѣтомъ и съ-корнями и доставляетъ бѣдной почвѣ достаточно тѣхъ веществъ, которыя находятся и въ хлѣвномъ навозѣ, хотя въ хлѣвномъ навозѣ ихъ бываетъ больше; въ немъ они больше сконцентрированы. На такомъ зеленомъ навозѣ родится отличная рожь, а особенно хорошій картофель.

Если же не перенашемъ лупинъ, то онъ дастъ много довольно хорошаго корма скоту, а отъ корма получится навозъ.

Хозяева пустыхъ песчаныхъ земель могутъ себѣ развести сѣмя лупина, купивъ нѣсколько фунтовъ въ сѣменномъ магазинѣ, и могутъ убѣдиться въ громадной его пользѣ. На десятину высѣвается отъ 10 до 14 пудовъ сѣмени. Оно не дорого: пудъ около 2 рублей.

Зеленымъ навозомъ можно поднять совершенно упадающее хозяйство на высосанныхъ, истощенныхъ легкихъ почвахъ. Вмѣсто того, чтобы возить на далекія поля по песчанымъ дорогамъ навозъ, гораздо легче сразу вспахать ниву и засѣять ее лупиномъ. Но какъ ни много выгодъ представляетъ удобреніе поля зеленымъ навозомъ, всетаки оно не можетъ сравниться съ удобреніемъ хлѣвнымъ навозомъ, потому что пища скота, *переваренная въ его желудкѣ*, гораздо лучше воспринимается растеніями. Всетаки не нужно пренебрегать и зеленымъ навозомъ хозяину, нуждающемуся въ хлѣбѣ и кормѣ скота *безотлагательно*. Кромѣ лупина па зеленый навозъ употребляются и другія растенія. На очень истощенной почвѣ съ успѣхомъ сѣется гречиха, тоже не на зерно, а на удобреніе. Когда она выростетъ и будетъ въ самомъ цвѣту, ее перепахиваютъ и послѣ того сѣютъ на суглинкахъ и пескахъ рожь, или ячмень, или овесъ. Также точно воспользовавшись два или, по обстоятельствамъ, и три года покосами клевера, онъ оставляется послѣ того до цвѣта на полѣ, и тогда его перепахиваютъ, чѣмъ замѣняется легкое унавоженіе.

Разумный хозяинъ не только знаетъ, какъ улучшить и умножить свой навозъ въ ямѣ, но онъ знаетъ также, когда и какъ его вывозить, чтобы онъ достался почвѣ во всей своей силѣ. Онъ не дастъ своему навозу разложиться, а будетъ его вывозить тогда, когда онъ набирается на вилы большими пластами и имѣетъ красно-бурый, а не черный уже цвѣтъ. Такой навозъ грѣетъ холодную почву, а очень плотную разрыхляетъ. Мало же перепрѣвшій навозъ, сухой, способенъ, правда, разрыхлить землю, но каждый хозяинъ знаетъ, какъ трудно его равномѣрно раскидать, и бываетъ такъ, что онъ при паханіи чересломъ плуга скучивается, и тогда одни мѣста будутъ слишкомъ сильно унавожены (избалованы), другія же останутся пустыми; на однихъ мѣстахъ хлѣбъ выляжетъ, на другихъ будетъ едва замѣтенъ въ травѣ. Поэтому хорошая раскидка навоза считается признакомъ хорошаго хозяина. Перепахивать разбросанный навозъ слѣдуетъ по возможности скоро, но не велика бѣда, если онъ, хорошо уже перепрѣвшій въ ямѣ, останется нѣкоторое время и на неперепаханномъ полѣ. Это даже полезно для легкихъ песчаныхъ почвъ. Главная же ошибка въ томъ, если навозъ вывезенъ въ поле и лежитъ тамъ продолжительное время въ небольшихъ кучахъ, да и сами хозяева, вѣроятно, замѣтили, что чѣмъ дольше навозъ лежитъ, тѣмъ меньше его становится, потому что отъ дождя и вѣтровъ онъ сверху выполаскивается и вывѣтривается, а внизу подъ кучами очень много удобренія всасывается въ землю, и на такихъ мѣстахъ хлѣба растутъ то слишкомъ роскошно, то весьма слабо. У кого много навоза, тотъ долженъ воспользоваться саннымъ путемъ и вывозить его зимой на поле, но складывать въ большія кучи, гдѣ онъ тщательно побивается, а коль-скоро явится возможность, сейчасъ разбросать его и въ случаѣ нужды перепахать.

Не всякая, впрочемъ, почва одинаково удобряется, и не на каждой удобренной можно сѣять одинаковыя сѣмена. Существуетъ правило, что сильныя почвы— черноземъ и хорошій суглинокъ только рѣдко унаваживаются разъ въ 6, 7 лѣтъ; но онѣ выдерживаютъ и сильное унавоженіе, легкія же почвы любятъ частое, но несильное унавоженіе. На навозѣ въ не очень плотныхъ почвахъ пшеница и ячмень вылегаютъ, лучше сѣять на нихъ коноплю, кукурузу, табакъ, мѣшанку на зеленый кормъ и на сѣно. Свекловица бываетъ на свѣжемъ навозѣ очень большая, но нехороша для сахарныхъ заводовъ. Лучше всего рекомендуется на свѣжемъ навозѣ и на черноземѣ сѣять кукурузу, дающую превосходный сухой кормъ рогатому скоту и много зерна. Только, чтобы она не пострадала отъ весеннихъ и осеннихъ морозовъ, надо сѣять такъ называемую *карликовую* кукурузу (анганы), дающую мелкое тяжеловѣсное зерно превосходнаго качества; она сѣется въ апрѣлѣ или маѣ и совершенно доспѣваетъ въ концѣ іюля. Доставивъ хорошую жатву кукурузы, обогащенная навозомъ почва, смотря по мѣстностямъ, даетъ хозяину въ теченіи 4, 6 и болѣе лѣтъ прекрасные урожаи хлѣба, и онъ убѣдится, что не напрасно назвали нѣмцы и другіе народы гнойную яму „*золотой ямой*“, а человѣческія изверженія просто „*золотомъ*“.

4. Удобреніе толокой или паромъ.

Во многихъ странахъ Россіи еще вовсе не знаютъ удобренія почвы навозомъ, а все удобреніе составляетъ только паръ или толока. Такъ было „съ покона-вѣка“, при отцахъ и дѣдахъ, и навозъ, это настоящее золото, вывозили въ рѣки

и провалья. Гдѣ нѣтъ другаго общественнаго пастбища, тамъ толока служитъ подножнымъ кормомъ для скота, пока не откроется послѣ жнивъ ознмаго хлѣба подложный кормъ по стернѣ; паръ служитъ также для отдыха земли послѣ двухлѣтияго урожая и для очищенія почвы отъ сорныхъ травъ и корней, высыхающихъ на солнсчномъ припекѣ.

Безспорно на унавоженной толокѣ родится самая лучшая пшеница, а на неунавоженной превосходная рожь. Въ очень жирныхъ черноземахъ и подъ пшеницу не нужно унаваживать, но такихъ очень жирныхъ земель немного. У кого такой хорошей земли много, тамъ не мѣшаетъ оставить больиую или меньшую часть ея подъ толоку для озимаго хлѣба. Но гдѣ у крестьянъ мало земли, тамъ оставлять треть ея подъ толоку считается большою потерею, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что это необходимо тамъ, гдѣ народъ не понялъ еще пользы удобренія, сѣлнія кормовыхъ травъ и кормленія скота на дому. Наши хозяева увлекаются и тѣмъ, что послѣ толоки родится озимый хлѣбъ не только роскошнѣе, но и качество зерна бываетъ лучше и полновѣснѣе. Что же дѣлать?

Положимъ, у хозяина есть всего три десятины пахатной земли. Одну онъ долженъ обязательно оставить подъ толоку на пастбище для скота, на второй десятинѣ опъ имѣетъ озимый хлѣбъ, а на третьей всѣ необходимые яровые хлѣба и коноплю, лепъ и пр. Измѣнить такой освященный вѣками норядокъ очень трудно. Тутъ можетъ подѣйствовать только примѣръ другихъ народовъ. И у нихъ былъ точно такой же порядокъ; такъ хозяйничали и нѣмцы, и англичане, и бельгійцы и пр. Только когда съ концомъ прошлаго столѣтія эти народы паучились сѣять клеверъ, все сразу перемѣнилось къ лучшему. Клеверъ сдѣлалъ толоку излишнею. Кормъ, иногда очень скудный, который скотъ находилъ на толокѣ, замѣнешь былъ клеверомъ, посѣяннымъ на половинѣ такого пространства, которое шло подъ толоку, такъ что если у хозяина было всего три десятины поля, а онъ засѣялъ клеверъ на половинѣ десятины, то у него оставалось для посѣва еще двѣ съ половиной десятины. Гдѣ въ прошломъ году была гречиха, онъ могъ посѣять овесъ, гдѣ былъ ячмень или онесъ, онъ сѣялъ гречиху, и у него прибавилось хлѣба съ половины десятины. А что же онъ нотерялъ? Ровно ничего, напротивъ, много выигралъ. Вопервыхъ, его скотъ кормился теперь лучше, коровы прибавили молока, лошади, кормленныя клеверомъ, работали также хорошо, какъ еслибы получали овесъ. Кромѣ того, весь скотъ, стоя или лежа дома на соломѣ въ хлѣву или на павозной ямѣ и только иногда немного прогуливаясь, оставлялъ дома весь навозъ и мочу, которыя почти пропали бы даромъ въ полѣ на дождѣ, вѣтрѣ и солнцепекѣ. Такой хозяинъ убѣждался, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и порода его скота улучшилась, стала крупнѣе и жирнѣе. Теперь онъ уже не жалѣлъ навоза подъ клеверъ и сѣллъ его, перемѣшивая еще съ другими травами—райграсомъ, тимоееевкой и пр., отъ чего кормъ дѣлался слаще и вкуснѣе, а главное безопаснѣе для скота; потому что, какъ ни полезенъ клеверъ, но если скоту, особенно рогатому, не привыкшему къ нему, дадимъ его совершенно свѣжнмъ, сочнымъ, онъ производитъ вздутіе, отчего иногда скотина погибаетъ. Да, клеверъ очень полезная вещь, но падобно обращаться съ нимъ разумно, т. е. клеверъ слѣдуетъ давать скоту только провядшій, за день раньше накошенный, или, если на дворѣ сыро, то только въ смѣси съ соломой.

Сдѣлавъ такой опытъ съ клеверомъ и другими травами, одинъ, другой, десятый хозяева убѣдились въ его нользѣ, да и начали всѣ его сѣять, а такимъ

образомъ и исчезла толока, только общество оставило кусокъ земли для прогулки скота обыкновенно невдалекѣ отъ воды, чтобы ежедневно скотъ могъ прогуляться и поиграть на свѣженъ воздухѣ.

Таиъ, гдѣ прежде поля представляли очень печальный видъ, гдѣ хлѣбъ родился только въ особенно урожайные годы, и то только посредственный, клеверъ обогатилъ землю частымъ и хорошимъ удобреніемъ, она стала производить гораздо большее количество лучшаго хлѣба, хозяева нажили состоиніе, стали строить лучшіе и бо́льшіе дома, заводить еще лучшую породу скота, лучшія хозяйственныя орудія, построили новыя богатѣйшія церкви и училища, назначили хорошее жалованье учителямъ, у нихъ поднялась и нравственность—и они живутъ себѣ зажиточными людьми. Вотъ какова сила клевера и травъ, занявшихъ въ чужихъ странахъ мѣсто старой толоки!

Но у насъ въ Россіи не такъ скоро осуществится это благое дѣло; а что современіемъ и у насъ будетъ такъ, вто несомнѣнно. Бѣда научитъ всему. Гдѣ нельзя увеличить земли въ длину и ширину, необходимо улучшить ея качество, а какъ этого достигнуть, видимъ на живыхъ примѣрахъ.

Нашъ народъ неохотно принимаетъ все новое. Онъ очень высоко цѣнитъ мудрость своихъ предковъ. Это недурно и даже похвально. Но міръ идетъ впередъ, а времена нашихъ предковъ прошли уже невозвратно. Души ихъ покоятся въ вѣчности; мы молимся за нихъ, почитаемъ ихъ память; но тѣмъ не менѣе мы должны жить въ нашихъ измѣнившихся условіяхъ и думать, какъ-бы сдѣлать такъ, чтобы жилось лучше. А если видимъ что хорошее у другихъ, то не слѣдуетъ закрывать на это глазъ.

Послушайте достовѣрный разсказъ.

Недалеко отъ города Львова есть небольшая деревня Ляшки Королевскіе. Въ 1853 году туда назначенъ былъ на приходъ молодой священникъ. Мѣстные жители были очень порядочные, богобоязненные, трезвые и трудолюбивые люди. У нихъ была уже и школа, и учитель. Но они жили бѣдно, потому что надѣлы земли были нецелики, а земля—сырой, холодный суглинокъ, на которомъ никогда не бывало хорошаго хлѣба, потому что весной земля поздно высыхала, а поздно засѣянное обыкновенно не удавалось. Люди „съ-поконвѣка“ пахали тамъ старыми тяжелыми плугами, въ которые впрягали по четыре штуки скота, а скотъ обыкновенно послѣ зимы выходилъ въ такомъ видѣ, что ложился въ плугѣ и приходилось жечь подъ нимъ солому, чтобы поднять его. Страшно было смотрѣть на такое мученіе бѣдныхъ животныхъ. Вспаханная такими плугами земля лежала пластами въ родѣ досокъ, по которымъ ползала борона, не разрыхляя ихъ. Всходило только то зерно, которое попадало въ канавки между пластами, а остальное по большей части лежало наверху, и собирали его птицы или оно высыхало на солнцѣ. Таіе первобытные плуги были причиной бѣдности народа, и въ мокрые годы обыкновенно бывалъ голодъ.

Случилось, что молодой священникъ поѣхалъ однажды въ недалекій иосадъ и увидѣлъ тамъ, какъ колонистъ чехъ пашетъ свою земельку двумя коровами и какъ онѣ словно не чувствуютъ за собой плуга и пашутъ скорымъ шагомъ. Онъ остановился, подошелъ ближе, присмотрѣлся къ плугу и паханью и удивился, что земля не только пашется легко и скоро, но и очень хорошо. Пласты не укладываются, какъ доски, а ломаются лунообразно, такъ что на нихъ съ лучшимъ успѣхомъ могутъ дѣйствовать солнце и воздухъ. Что было вчера вспахано, то сего-

дня уже сухо, и пырей отлично выволакивается боронами. Онъ заказалъ себѣ такой плугъ и началъ имъ пахать свое поле. Крестьяне вышли, посмотрѣли и стали смѣяться. Къ такому плугу нуженъ всего только одинъ человѣкъ, а пашетъ онъ одной парой лошадокъ почти вдвое больше, чѣмъ старый плугъ. „Легко онъ пашетъ," сказалъ старый крестьянинъ, „но легко будетъ и хлѣбъ возить. Что на такой нивѣ уродится?"—„Какой былъ-бы я хозяинъ, еслибы пахалъ парой скота," сказалъ другой зажиточный мужикъ, съ гордостью,—„другое дѣло, когда я запрягу четверку воловъ".

Но священнивъ на слѣдующій день засѣялъ свою ниву, бороны вычистили въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ *весь* пырей, нива имѣла видъ грядки. Смотрѣли крестьяне и покачивали головами. Дивно имъ было, что при чешскомъ плугѣ нѣтъ чересла и что онъ такъ скоро и почти вдвое больше запахиваетъ, чѣмъ старый плугъ, и — повидимому *лучше*. У нихъ было такое обыкновеніе, что послѣ одного дня паханья надо было два дня волочить, чтобъ хоть отчасти справиться съ пырьемъ, котораго всетаки еще много оставалось. Съ какимъ же удивленіемъ смотрѣли они на громадныя кучи пырья, выволоченнаго изъ нивы священника! Пришла жатва, на нивахъ священника—небывалый хлѣбъ.

Еще того-же лѣта пошли чешскіе плуги въ ходъ, а чрезъ два года не осталось и слѣда старыхъ плуговъ. На всѣхъ поляхъ появился гораздо лучшій урожай. Работа пошла скоро. Прежде только богатые пахали раннею весною, а другіе, у которыхъ было по парѣ скота, *супружники*, спрягались, вслѣдствіе чего опаздывали съ паханьемъ; теперь болѣе зажиточный пахалъ двумя парами воловъ въ два плуга и вспахивалъ въ день втрое больше, чѣмъ прежде; супружниковъ уже не было, каждый, имѣвшій пару скота, пахалъ самъ для себя, да и бѣдные имѣвшіе скота, могли напять для себя плугъ и раньше сѣять. Чешскій плугъ поднялъ благосостояніе этой деревни; ея примѣру послѣдовали сосѣди, и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ старые плуги на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ совершенно исчезли, а мѣсто ихъ заняли чешскіе плуги. Вездѣ, гдѣ былъ неглубокій черноземъ. Чехи праздновали въ 70-тыхъ годахъ столѣтній юбилей этого плуга, обогатившаго Чехію и поставившаго ее на высокую степень культуры.

Но еще гораздо болѣе важную роль въ хозяйствѣ играютъ клеверъ и кормовыя травы, и стоитъ о нихъ потолковать побольше.

5. Травосѣяніе.

Въ исторіи сельскаго хозяйства встрѣчаются слѣды, что древнимъ римлянамъ извѣстенъ былъ посѣвъ люцерны, а вѣроятно и другихъ кормовыхъ травъ, именно эспарцета, котораго много находится въ дикомъ состояніи по пустымъ горамъ Далмаціи, Италіи и другихъ странъ, гдѣ властвовали римляне. Но для насъ важно то, что посѣвъ краснаго клевера, введенный Шубартомъ въ Германіи и Австріи, не только никогда не прекращался и не уменьшался, а напротивъ, все увеличивается и усовершенствуется присоединеніемъ новыхъ травъ, служащихъ здоровымъ и обильнымъ кормомъ скоту и обогащающихъ почву, какова бы она ни была.

Есть страны, гдѣ самая природа доставляетъ много хорошаго корму скоту. Тамъ люди и не думаютъ о травосѣяніи. У нихъ хорошіе луга, богатые всякаго рода отличными травами, которыя насѣваются сами, безъ труда человѣка. И дѣйствительно, трудно было человѣку придумать такую смѣсь разныхъ травъ, какою

1896/4
Читальня

отличаются луга по берегамъ рѣкъ, имѣющіе превосходную подпочву, оплодотворяемые еще частыми наводненіями, оставляющими по себѣ плодоносный илъ.

Но не каждая страна такъ счастлива, а больше такихъ, гдѣ хорошихъ луговъ вовсе нѣтъ. А если и есть, то сѣнокосы часто бываютъ плохи и трава нехорошаго качества. Не въ каждой мѣстности даже разумный хозяинъ можетъ осушить свой лугъ, такъ какъ это зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ и отношеній къ другимъ землевладѣльцамъ. Какая же польза отъ такихъ луговъ? Они покрыты мхомъ, бобовникомъ и кислой рѣзухой, очень вредной для скота, особенно въ сырые годы, когда на травахъ бываетъ ржа, отъ чего скотъ заболѣваетъ мотылицей, разъѣдающей ему печень.

Но тамъ, гдѣ обстоятельства благопріятны, гдѣ возможна осушка и удобреніе луговъ, это должно быть одною изъ главныхъ заботъ сельскаго хозяина. Объ осушкѣ дренажемъ сказано уже раньше, здѣсь же надо упомянуть только о простой, обыкновенной осушкѣ рвами, такъ полезной и необходимой, и о травосѣяніи: какія именно травы долженъ хозяинъ засѣвать на своихъ лугахъ.

Если лугъ уже осушенъ, то навѣрное травы, любящія болото, совсѣмъ исчезнуть въ два—три года, тогда сама природа засѣетъ его другими травами, соотвѣтствующими осушенной почвѣ. Но среди такихъ травъ будутъ и не приносящія пользу хозяину, такъ называемыя, сорныя травы. Такою сорною травой считаются породы щавеля, который, пока молодъ, вкусенъ для скота, но когда выростетъ, заглушаетъ другія хорошія травы, не принося никакой пользы. Такая же сорная трава—желто-цвѣтущій *яскоръ* (ранункулъ), который ростетъ на самыхъ лучшихъ лугахъ и разростается очень быстро и такъ густо, что уничтожаетъ иногда всѣ хорошія травы, такъ какъ онъ размножается не только сѣменами, но и ползучими отростками. На такихъ лугахъ роскошно ростетъ и тминъ; онъ хорошъ для скота, если бываетъ въ маломъ количествѣ, но не слѣдуетъ давать ему распространяться; онъ размножается только сѣменами. Покажется и крапива, и бодякъ; первая полезна, пока молода, для дойныхъ коровъ, а бодякъ только портитъ траву и сѣно.

Разумный хозяинъ, высушивъ свой лугъ какъ слѣдуетъ, очистить его прежде всего боронами отъ мха, а чтобъ самая природа не насѣвала ему травъ, какія ей угодно, онъ предварить ее и разбросаетъ по лугу сѣмена разныхъ полезныхъ травъ, которыя, разъ засѣянныя, остаются уже на лугу постоянно и не дадутъ мѣста другимъ, вреднымъ травамъ. Самою превосходной травой для такихъ удобренныхъ луговъ считается шведскій и бѣлый клеверъ. Шведскій клеверъ (трифоліумъ гибридумъ) роскошно ростетъ на такихъ лугахъ въ смѣси съ другими травами, онъ очень вкусенъ для скота, а розовые цвѣтки его даютъ превосходный бѣлый ароматный медъ пчеламъ. Бѣлый клеверъ (трифоліумъ репенсъ) ростетъ невысоко, но разъ изрѣдка засѣянный на лугу, онъ пускаетъ по землѣ отростки, какъ земляника, и покрываетъ лугъ внизу какъ будто шубой, не очень то мѣшая рости и другимъ травамъ; онъ также медоносенъ. Самая хорошая, сочная, особенно любимая коровами трава, это—тимоѳеевка (флеумъ пратензе), растущая у насъ и дико; хороша также трава лисохвостъ (алопекурусъ пратензисъ), хорошъ и луговой мятликъ (поа пратензисъ), луговая овсяница (авена флявесценсъ) и пр. Всѣ эти травы продаются въ сѣмянныхъ магазинахъ въ большихъ городахъ, а также лучшихъ сельскохозяйственныхъ заведеніяхъ. Посѣявъ смѣсь такихъ травъ на осушенныхъ лугахъ съ хорошей почвой весной, ихъ слѣдуетъ заборонить, и уже

осенью лугъ приметъ совершенно другой видъ; а можно обсѣменить его также и ранней осенью, въ августѣ или сентябрѣ мѣсяцахъ, чтобы до зимы молодыя травы уже хорошо укоренились. Разумѣется, лучше всего сѣять ихъ тогда, когда собирается на дождь.

Но если осушенный лугъ густо заросъ сорными травами, такъ что посѣянныя травы не взошли или заглушались бы сорными, то лучше всего вспахать его, оставить на паръ, послѣ перераздить, заскородить и засѣять травы съ овсомъ, который надо скосить на зеленый кормъ или сѣно, а послѣ него останутся молодыя травы. Само собой разумѣется, что въ первомъ году никакой скотъ не долженъ и ногою ступить на такой лугъ, чтобы не уничтожить молодыя травы, пока онѣ плотно не укоренятся.

Но если хозяинъ не имѣетъ годныхъ для удобренія луговъ, а у него, напр., всего только три десятины пахатнаго поля, онъ долженъ создать себѣ искуственные луга, т. е. онъ долженъ сѣять кормъ для скота на пахатной землѣ, но только на нивѣ, хорошо унавоженной хлѣвнымъ навозомъ.

Обыкновенно дѣлается такъ (смотря, впрочемъ, по качеству почвы): по свѣжему навозу сѣютъ или пшеницу, или коноплю, или кукурузу, или мѣшанку, въ бѣдныхъ же почвахъ садятъ картофель.

Послѣ пшеницы садятъ картофель, послѣ картофеля ячмень съ клеверомъ.

Послѣ конопли пшеница, послѣ пшеницы ячмень съ клеверомъ.

Послѣ кукурузы пшеница, рожь или ячмень съ клеверомъ.

Послѣ мѣшанины пшеница, послѣ пшеницы ячмень съ клеверомъ.

Послѣ картофеля ячмень съ клеверомъ на почвѣ, гдѣ не стоитъ сѣять пшеницу.

Самое лучшее примѣшивать къ красному клеверу и другія его породы, кромѣ того тимоееевку, лисохвостъ, мятликъ. Только на сѣмя оставляется часть нивы съ чистыми породами клевера, каждая отдѣльно, безъ примѣси другихъ травъ. Притомъ надобно знать, что шведскій клеверъ любитъ низменное положеніе.

Люцерна — самая прочная и самая полезная кормовая трава для лѣтняго корма; лучше всего сѣять ее на низменномъ (но не болотистомъ) и глубоко вспаханномъ мѣстѣ огорода, чтобы она находилась вблизи, подъ рукой. Она ростетъ роскошно, корень ея, твердый и глубокій, выдерживаетъ засуху, и косить ее можно три и четыре раза въ лѣто. Но для сухаго корма лучше годятся разныя другія породы клевера.

Посѣянный хозяиномъ въ полѣ клеверъ можно косить частью на зеленый кормъ, частью на сѣно, а на предназначенномъ на сѣмя кускѣ земли слѣдуетъ поступить такъ: красный клеверъ первый разъ косится въ цвѣту, а затѣмъ оставляется на сѣмя, которое въ концѣ августа дозрѣетъ, шведскій же и бѣлый клеверъ и эспарцетъ косятся только разъ на кормъ или на сѣмя. Всѣ породы клевера послѣ сбора сѣмянъ уже исчезаютъ.

Всѣ породы клевера сѣются на поляхъ только вмѣстѣ съ какимъ либо хлѣбомъ, съ ячменемъ, овсомъ, рожью и пшеницей. Когда ихъ сѣять, зависитъ отъ климата и почвы. Обыкновенно сѣютъ весной съ ячменемъ или овсомъ (*канаромъ*); но клеверныя сѣмена очень чувствительны къ засухамъ, тогда особенно вредятъ имъ земляныя блохи, которыя объѣдаютъ первые листочки, отъ чего всходы клевера гибнутъ. Только когда уже появятся вторые листочки, земляная блоха не можетъ ему вредить. Поэтому нѣкоторые хозяева воздерживаются отъ посѣва клевера до конца мая, когда земляная блоха уже исчезаетъ, и тогда,

дождавшись дождя, подъ дождь сѣютъ его *поверхъ* ячменя или овса. Если пройдетъ сильный дождь и прибьетъ сѣмя къ землѣ, оно дружно и густо всходитъ, и тогда уже земляная блоха его не тронетъ. Съ хорошимъ успѣхомъ сѣется тоже клеверъ и съ осени вмѣстѣ съ озимымъ хлѣбомъ, только тогда для него иногда опасно сухоморозье.

Всѣ роды клевера надо сѣять довольно густо, но не слишкомъ.

Красный клеверъ и люцерна любятъ, чтобы весною ихъ заборонить. Послѣ бороповапія они растутъ роскошнѣе.

Самое лучшее—взять три покоса клевера: два въ первый годъ, а одинъ въ слѣдующемъ; послѣ перепахать второй покосъ въ цвѣту на зеленый навозъ и сѣять на жирныхъ земляхъ пшеницу, на болѣе тощихъ рожь; поелѣ пшеницы или ржи гречиху, послѣ гречихи овесъ, и опять удобрить навозомъ.

Такимъ порядкомъ получается самая большая польза отъ навоза, обогащающаго землю, и земля обильно вознаграждаетъ за употребленный на нее трудъ при умѣлой плодоперемѣнѣ.

— Но какъ же быть безъ толоки?

— А вотъ какъ. Все сказанное здѣсь попробовать, испытать, а когда увидишь, что такъ лучше, надобно послушаться святаго апостола Павла, написавшаго Солунянамъ 1. 5, 21: „*Вся же искушающе, добрая держите*“.

Засѣютъ всѣ хозяева клеверъ, люцерну, эспарцетъ, получатъ хорошій лѣтній кормъ,—толока будетъ лишнею.

СКОТОВОДСТВО.

Скотъ—это великій даръ Божій, данный Имъ человѣку. Безъ скота не можетъ быть сельскаго хозяйства въ большихъ размѣрахъ, потому что человѣкъ можетъ обработать своими руками только небольшое пространство земли.

Скотъ—это помощникъ нашъ при всякихъ работахъ и трудахъ нашихъ; онъ питаетъ насъ своимъ молокомъ и мясомъ; отъ него мы получаемъ платье и обувь. Онъ не только своимъ трудомъ обработываетъ наши поля, но и удобряетъ ихъ своимъ навозомъ. Онъ перевозитъ насъ и наше имущество съ мѣста на мѣсто, а лошадь идетъ съ человѣкомъ и на войну, и въ кровавый бой.

Какъ высоко цѣнили уже древніе народы скотину, видно изъ того, что въ Индіи и Египтѣ коровѣ воздавали и мѣстами еще до сихъ поръ воздаютъ непросвѣщенные свѣтомъ Христовымъ народы божественныя почести.

Въ Россіи скотоводство составляетъ важную отрасль народнаго богатства. Никакая другая страна въ мірѣ не имѣетъ такихъ стадъ скота, какія находятся у насъ. Мясомъ нашего скота мы снабжаемъ и другія государства, а наши лошади пользуются заслуженною славою самыхъ крѣпкихъ, выносливыхъ и смышленыхъ.

Русскій народъ умѣетъ хорошо ходить за скотомъ, но есть и такіе хозяева, которые еще нуждаются въ наставленіи, какъ воспитывать хорошій и здоровый скотъ, какъ сохранять его здоровымъ и сильнымъ и получать отъ него возможно большую пользу.

Поэтому надобно знать главныя правила пріобрѣтенія его и ухода за нимъ.

1) Хозяинъ долженъ стараться обзавестись хорошей породой скота всяваго рода, если не сразу, то по мѣрѣ возможности—постепенно.

Не покупать и не держать скотины слабой, тощей, болѣзненной, старой, норовистой, потому что ее нужно кормить такъ же, какъ и хорошую, а пользы отъ нея очень мало.

Самое лучшее—имѣть скотъ собственнаго воспитанія, привыкшій къ мѣстному корму и другимъ мѣстнымъ условіямъ. Скотъ изъ гористыхъ мѣстностей съ трудомъ привыкаетъ къ корму долинъ, изъ лѣсистыхъ—къ степи и наоборотъ.

Гдѣ бываетъ возможность завести испытанную и къ мѣстнымъ условіямъ привыкшую заграничную породу рогатаго скота, можно купить телятъ иногда изъ предназначенныхъ на зарѣзъ (напримѣръ очень молочной голландской породы) у извѣстныхъ образцовыхъ скотоводовъ или въ большихъ экономіяхъ, и не жалѣть ни денегъ на покупку, ни ухода на воспитаніе.

Какая порода скота наиболѣе соотвѣтствуетъ потребностямъ хозяина, ту онъ и долженъ держать. Въ сосѣдствѣ большихъ городовъ большой доходъ доставляетъ *молочная* порода; гдѣ доходъ хозяина составляетъ хлѣбное хозяйство, тамъ для обработки земли нуженъ скотъ крѣпкаго тѣлосложенія, который и способенъ къ скорому утучненію.

Однако хотя улучшеніе породы скота заграничными породами бываетъ иногда полезно и даже желательно, но ни одинъ хозяинъ не долженъ пренебрегать и нашей русской породой лошадей и рогатаго скота, потому что наши породы тоже отличаются хорошими качествами, иногда лучшими, чѣмъ заграничныя породы. Наша русская лошадь самая соотвѣтствующая нашему климату, она и крѣпка, и чрезвычайно выносliва, и не брезгаетъ даже худымъ кормомъ; такъ и нашъ рогатый скотъ выносливѣе заграничнаго, а при лучшемъ кормленіи и уходѣ порода его совершенствуется и онъ дѣлается крупнѣе, красивѣе и даже молочнѣе.

Для нашего крестьянина именно важно, *чтобы изъ домашняго своего скота хорошимъ кормомъ и тщательнымъ уходомъ вывести лучшую породу.*

Порода нашихъ русскихъ коровъ, усовершенствованная хорошимъ воспитаніемъ, именно здоровымъ и обильнымъ кормомъ и содержаніемъ ихъ въ самой большей чистотѣ, бываетъ иногда удивительно молочная уже въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи. У молочной коровы кожа дѣлается тонкая, шерсть на ней блестящая, голова соразмѣрно меньше, хвостъ длиннѣе, хвостная косточка ниже колѣнъ, подъ брюхомъ къ вымени толстыя жилы, а самое вымя послѣ удоя мягкое. Хорошая молочная корсча отличается и большимъ аппетитомъ (пожерливостью), а тѣмъ не менѣе она не жирнѣетъ, такъ какъ жизненныя ея соки не употребляются на мясо и жиръ, а главнымъ образомъ идутъ на молоко. Напротивъ, маломолочныя коровы скоро утучняются, но молоко отъ нихъ бываетъ жиже и въ меньшемъ количествѣ.

2) Разумный хозяинъ никогда не держитъ большие скота, чѣмъ можетъ вынести его хозяйство. Лучше держать *меньшее число штукъ хорошаго скота* и хорошо ихъ кормить, чѣмъ *больше плохаго и кормить ихъ плохо.*

3) Скотъ нуждается не только въ достаточномъ и здоровомъ кормѣ, но и въ разумномъ его распредѣленіи. Кормъ и водопой должны быть ему доставляемы въ свое время и въ мѣру; скотина не должна ни голодать, ни пресыщаться.

4) Для скота необходимъ не только утучняющій его кормъ, но и хорошее, здо-

ровое помѣщеніе и уходъ за чистотою его кожи. Хозяинъ не долженъ жалѣть времени для того, чтобы чистить и вычесывать не только лошадей, но и рогатый скотъ.

Какую пользу приноситъ чистота, можно убѣдиться, взявъ двухъ поросятъ равнаго возраста; одного оставить безъ особаго ухода, но давать ему тотъ же кормъ, какъ и другому, котораго ежедневно мыть и чесать. Въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ мытый и чесанный и на чистой соломѣ лежавшій поросенокъ будетъ гораздо крупнѣе немытаго и нечесаннаго, и вѣсъ его почти въ двое будетъ больше.

б) Хозяинъ долженъ быть хозяипомъ, но не мучителемъ своего скота. Скотъ работаетъ, сколько можетъ; но злоупотреблять его силами — варварство. Кнутъ хозяинъ можетъ держать въ рукѣ, но только въ рѣдкихъ случаяхъ употреблять его въ дѣло. Непріятно смотрѣть на хозяина, ѣдущаго съ тяжелымъ грузомъ въ гору и сидящаго на телѣгѣ, слѣдовательно добавляющаго и безъ того къ тяжелому грузу еще и вѣсъ своего тѣла и притомъ не жалѣющаго ударовъ кнута. Не менѣе непріитно смотрѣть на хозяина, ѣдущаго во время скользкаго зимняго иути на некованныхъ лошадяхъ изъ экономіи на подковы.

Напротивъ, пріятно смотрѣть на хозяина, который идетъ вслѣдъ за возомъ въ гору пѣшкоиъ, а взъѣхавъ на нее, не гонитъ сейчасъ лошадокъ, а дастъ имъ минуту или двѣ вздохнуть. У такого хозяина скотъ всегда здоровъ и крѣпокъ и очень рѣдко болѣетъ.

в) Хозяинъ долженъ любить свой скотъ, какъ вѣрнаго помощника въ трудахъ и неотлучнаго товарища и кормильца своего семейства. Онъ долженъ по возможности облегчать его трудъ, не отнимать у него необходимаго для отдыха времени и обращаться съ нимъ ласково. Скотъ любитъ добраго хозяина или хозяйку, узнаетъ его голосъ и понимаетъ его. Добрую хозяйку корова лижетъ, прижимается къ ней головой, а часто бываютъ случаи, что проданная другимъ людямъ, тоскуетъ, мычитъ, даже плачетъ слезами и не хочетъ ѣсть, пока не привыкнетъ къ чужому мѣсту. Лошадь трубача въ арміи Наполеона I, когда въ сраженіи подъ Ваграмомъ палъ ея ѣздокъ, не отступала отъ его трупа и не позволяла его убрать. Защищая трупъ, она думала, что онъ спитъ. Наполеопъ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ ее такъ и оставить. Она ничего не ѣла, караулила трупъ, трогала его, чтобы разбудить, но когда трупъ началъ разлагаться, она, разогнавшись, бросилась въ Дунай и утонула. Бываетъ много примѣровъ чрезвычайной привязанности скота къ человѣку, особенно лошадей и собакъ, если человѣкъ обращается съ ними по-человѣчески.

7) Хозяинъ долженъ умѣть лечить свой скотъ, когда онъ заболѣетъ, и по возможности предотвращать болѣзни. Для этого онъ долженъ имѣть книжку-лечебникъ и запастись самыми необходимыми лекарствами, да не всегда довѣряться знахарямъ, которые иногда болѣе вредятъ больной скотинѣ, чѣмъ помогаютъ.

Онъ долженъ ежедневно утромъ и вечеромъ осматривать свой скотъ, чтобы убѣдиться, здоровъ ли онъ и въ чемъ онъ нуждается.

Первый признакъ болѣзни у скота — это отсутствіе аппетита: скотина стоитъ невеселой и, свѣсивъ голову, угрюмо смотритъ въ землю или назадъ. Уши и ноздри холодны, у больнаго скота; если провести рукой по спинѣ, то кожа не отдѣляется отъ спины; скотъ стонетъ, иногда бьетъ ногами; при воспалительныхъ болѣзняхъ глаза выпучены, дыханіе скорое, горячее. Нужно быть знато-

комъ, чтобы опредѣлить болѣзнь. Но простые знахари и этимъ не затрудняются и всякую болѣзнь лечатъ одинаково. Сейчасъ пускаютъ кровь, отъ чего иногда скотина и околѣваетъ, такъ какъ кровопусканіе не во всякой болѣзни пригодно. Еще болѣе вредны всянія травы съ водкой, которыми неучи заливаютъ скотину, какъ напримѣръ: чернобыль, полынь, лукъ, даже табакъ. Другіе валятъ скотину на землю и шиломъ расцарапываютъ ей вѣки, потому что жилки на нихъ налиты кровью, что они называютъ червемъ-*паскудникомъ*. Случается, что такая варварская операція иногда и спасаетъ скотъ, потому что онъ, защищая себя всѣми силами, вспотѣетъ, что и прекращаетъ болѣзнь, а темный людъ думаетъ, что скотинѣ полегчало потому, что устранили червя-паскудника, котораго, разумѣется, тамъ и не было. Если же скотина околѣетъ, то знахарь говоритъ: это потому, что она съѣла *„весь!“* (тоже червякъ, отъ котораго нѣтъ спасенія). И авторитетъ знахаря остается не подорваннымъ. Но такого червя „весь“ никто никогда не видѣлъ, потому что оиъ и не существуетъ.—Но есть и среди простаго народа знатоки скотскихъ болѣзней. Люди разумные, имѣющіе долголѣтнюю практику, присмотрѣвшіеся къ тому, какъ лечатъ ученые ветеринары, знаютъ, когда и сколько нужно пустить крови и чѣмъ пособить при всякихъ болѣзняхъ. Въ настоящее время многіе очень удачно лечатъ скотъ гомеопатическими средствами. Вмѣсто кровопусканія дается гомеопатическое средство *аконитъ*, устраняющее жаръ и вызывающее потъ, прерывающій очень часто въ самомъ началѣ воспалительную болѣзнь. Неоцѣненнымъ средствомъ, если скотина объѣлась, считается *арсеникъ;* всякія поврежденія и ушибы отлично вылечиваются *арникой*. Есть еще много другихъ гомеопатическихъ средствъ, о которыхъ подробно написано въ книгахъ, а такими книгами долженъ запастись всякій разумный хозяинъ, чтобы лѣчить и свой скотъ и пособлять другимъ, особенно тамъ, гдѣ невозможно достать ученаго ветеринара.

Очень важно воспитаніе молодаго скота. Въ первыя недѣли жизни кладется основаніе его будущей силы и здоровья.

И простой народъ знаетъ, что лошади слабѣе бываютъ осенью, чѣмъ весной, и опытъ учитъ, что жеребныхъ кобылъ осенью особенно надо беречь отъ непомѣрнаго труда и отъ ударовъ, преимущественно по головѣ и ноздрямъ, отъ чего бываютъ выкидыши и мертворожденія. Опытъ говоритъ, что послѣ непомѣрнаго труда или удара хорошо помазать ротъ и зубы кобылы медомъ. Но самое вѣрное средство предотвратить столь непріятный для хозяина случай, это гомеопатическое лекарство *сабина* 12-го дѣленія, каплю котораго пускаютъ кобылѣ на языкъ, 3 раза въ день, оставляя ее въ совершенномъ покоѣ нѣсколько дней.

Съ воспитаніемъ жеребятъ немного хлопотъ, болѣе ухода требуется за телятами. Жеребенокъ остается при матери и вездѣ ее сопровождаетъ, онъ сосетъ, сколько ему угодно, и руководимый инстинктомъ, рано учится отъ матери ѣсть подножный и сухой кормъ. Жеребята мало подвержены болѣзнямъ. Но если замѣчается, что они медленно растутъ и тощи, то это признакъ, что у кобылы мало молока, и нужно поить жеребенка понемногу молокомъ отъ коровъ или давать рѣзку съ отрубями, пока еще нѣтъ хорошаго, свѣжаго корма клевера, люцерны и пр.

Обыкновенная болѣзнь жеребятъ и даже старшихъ лошадей—это *мытъ*. Въ теплое время она проходитъ сама собою, если давать только легкій кормъ, особенно зеленый; но если застудить мытъ, то это можетъ быть очень опасная болѣзнь.

Простой народъ лечитъ мытъ засушеннымъ хорькомъ, которымъ подкуриваютъ лошадь, закрывъ ей голову мѣхомъ; но лучше и безъ этого держать лошадь въ теплѣ, поить нехолодной водой, покрывать ее, и если не потечетъ изъ носа желтый гной, сдѣлать тѣсто, взявъ по 3 грамма рвотнаго камня, по 60 граммъ нашатыря (сальмяка) и сѣры, по 200 граммъ глауберовой соли и можжевельника и размазывать его по языку лошади черезъ каждые два часа.—Гомеопатія лѣчитъ эту болѣзнь *аконитомъ*, а если это не помогаетъ, *аписомъ*, когда много слюны, *меркуріусъ вивусъ;* когда уже гной течетъ, дается *гепаръ сульфурисъ*.

Но очень опасно запрягать въ работу лошадь, у которой являются признаки мыта. Отъ этого могутъ сдѣлаться и норы, даже *сапъ*, болѣзнь ужасно заразительная и неизлечимая.

Иногда, особенно на второмъ году жизни жеребятъ, случается, что жеребенокъ не можетъ ѣсть, ослабѣваетъ и тощаетъ. Это происходитъ отъ одного или двухъ такъ называемыхъ волчьихъ зубовъ. Такіе зубы остры, выдвигаются дальше другихъ и мѣшаютъ движеніямъ языка; ихъ нужно выдернуть клещами, послѣ чего жеребенокъ скоро поправляется.

При сухомъ кормѣ, особенно ячменной соломой и мякиной, на языкѣ и деснахъ лошадей, а иногда и рогатаго скота дѣлаются такъ называемые *кордюки*, отъ которыхъ можетъ испортиться и даже отпасть весь языкъ. Вѣрное средство противъ этой болѣзни слѣдующее: растереть чесноку съ медомъ и березовымъ дегтемъ и этою мазью мазать раны во рту, очищая ихъ отъ остатковъ мякины, застывшей въ ранѣ. Это слѣдуетъ повторять въ теченіи нѣсколькихъ дней, и раны скоро зажнвутъ.

Наши крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имѣютъ очень маленькую породу лошадей. Это происходитъ отъ того, что порода извелась. А извелась она отъ плохаго корма, плохаго холоднаго помѣщенія и грязнаго содержанія, а главное отъ того, что крестьяне запрягаютъ въ бороны и даже въ плугъ чуть ли не двухлѣтнихъ жеребятъ, отъ чего ростъ ихъ прекращается и порода мельчаетъ. Никогда не слѣдуетъ запрягать лошадь раньше четвертаго года; только тогда порода сдѣлается крупнѣе, крѣпче и здоровѣе.

Гораздо больше ухода, чѣмъ обыкновенная наша рабочая лошадь, требуетъ теленокъ. Есть коровы очень молочныя и нашей русской породы, которыя, какъ говорится, доятся *отъ теленка до теленка*. Но разумный хозяинъ, если онъ желаетъ воспитать отъ такой коровы теленка, не полакомится ея молокомъ въ послѣдніе два мѣсяца до отела, зная, что отъ такого продолжительнаго доенія будущій теленокъ потеряетъ много силы и роста, если даже послѣ рожденія его давать ему самый лучшій и жирный кормъ. Итакъ, если хозяинъ желаетъ воспитать для себя крѣпкую породу рогатаго скота, и именно отъ молочныхъ коровъ, то долженъ прекратить доеніе, а корова послѣ отела вознаградитъ его за это тѣмъ большимъ количествомъ молока, чѣмъ долѣе она не доилась до теленка.

У нѣкоторыхъ крестьянъ есть неразумный обычай сдаивать у коровъ до родовъ густое желтое молоко, называемое сѣрой. Это необходимо нужно теленку для очистки желудка, и надобно природѣ оставить ея дѣло. Въ нѣкоторыхъ странахъ оставляютъ теленка при матери, и *только* въ то время, когда онъ сосетъ, украдкой выдаиваютъ отъ коровы мало молока. Телята ростутъ скоро, бываютъ очень крѣпки, но часто отъ пресыщенія болѣютъ поносомъ, а когда ихъ отлучатъ, весьма трудно переходятъ къ растительной пищѣ. Это считается нераціональнымъ

уже потому, что корова, привыкшая къ теленку, когда его возьмутъ и не показываютъ ей, не пускаетъ молока и не даетъ себя доить иногда двое-трое сутокъ, отъ чего происходитъ затвердѣніе вымени, иногда весьма опасное и упорное, вслѣдствіе чего молочныя коровы часто совсѣмъ теряютъ свою молочность. Въ настоящее время входитъ въ употребленіе гораздо лучшій пріемъ. Тотчасъ послѣ отела, теленка уносятъ и прячутъ подальше въ отдѣльное помѣщеніе, а корову тотчасъ доятъ. Корова не видитъ теленка и скоро перестаетъ тосковать, а теленокъ получаетъ выдоенное еще теплое молоко сперва при помощи пальца, а черезъ нѣсколько дней начинаетъ и самостоятельно пить. По мѣрѣ его роста дается ему все больше и больше только что выдоеннаго, теплаго молока; но никогда онъ не пресыщается, какъ при коровѣ, и не болѣетъ поносомъ, который у телятъ иногда весьма трудно излѣчивается. Кромѣ того, теленокъ не мучитъ коровы, не грызетъ ей вымени, такъ что она отъ боли, какъ иногда бываетъ, едва можетъ стоять.

Вскормленный такимъ образомъ теленокъ скоро и постепенно привыкаетъ къ *сухой* пищѣ и водѣ, которыя надобно ему давать обильно, чтобы не исхудалъ и росъ здоровымъ и крѣпкимъ. Зеленый кормъ можно давать только старшимъ, уже отлученнымъ отъ молока телятамъ.

У кого корова долго остается яловою, пусть употребитъ слѣдующее средство: наканунѣ перемѣны луны, особенно неполунія или полнолунія, датъ коровѣ въ кускѣ хлѣба голову селедки, которую она охотно съѣстъ. Старшимъ яловымъ коровамъ можно дать и двѣ головки.

Когда затвердѣетъ у коровы вымя, хорошо подкуривать его нѣсколько разъ въ день можжевельникомъ, но еще лучше и дешевле раскалить кирпичъ и поливать его теплою водою, чтобы паромъ обогрѣть вымя, но смотрѣть, чтобы паръ былъ не слишкомъ горячъ; для этого не класть кирпича очень близко къ вымени. Одинъ человѣкъ держитъ кирпичъ, другой его поливаетъ, а третій растираетъ слегка рукою вымя. Когда оно уже достаточно вспотѣло, тогда вытереть его на сухо. Такъ надо дѣлать три раза ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока вымя не станетъ мягкимъ. Но если оно продолжаетъ быть твердымъ, нужно взять салициловой кислоты одинъ граммъ [1]) на 1 литръ [2]) горячей воды, и дать 3 раза въ день коровѣ выпить, а вымя натирать свинымъ жиромъ; если сдѣлается нарывъ, давать гомеопатическое лекарство *гепаръ сульфурисъ* (1 щепотка порошка 12-го дѣленія на стаканъ чистой воды) 3 раза въ день; черезъ три дня, когда нарывъ вскроется, давать въ такой же дозѣ *меркурій солюбилисъ*. Но чаще всего затвердѣлость расходится только отъ нодкуриванія или пара.

Разумный хозяинъ не вѣритъ ни въ какія волшебства, а тѣмъ болѣе въ чародѣйства, какъ напримѣръ, въ распространенное среди простаго народа мнѣніе, что вѣдьмы могутъ отнять у коровы молоко. Въ старину обыкновенно вѣдьмою народъ темный считалъ женщину, у которой были лучшія молочныя коровы, потому, что хозяйка ихъ хорошо кормила и вообще разумно за ними ухаживала. Если случайно такая сосѣдка пришла къ сосѣдкѣ, а у этой послѣдней въ тотъ же день заболѣла корова затвердѣніемъ вымени, тотчасъ всѣ были увѣрены, что сосѣдка—вѣдьма и приходила отнимать у коровы молоко. Смѣшно, но и прискорбно вспоминать, что въ такихъ случаяхъ варили большую траву „*ломинусъ*“, растущую преимущественно по песчанымъ полямъ и угодьямъ, цвѣтущую бѣлымъ цвѣтомъ, пекущаго

[1]) Около $^1/_6$ золотника. [2]) Около $^1/_3$ гарнца.

вкуса, затѣмъ раскаливали на огнѣ серпъ и поливали его отвароиъ *ломинуса*, вѣря, что этимъ причиняется вѣдьмѣ нестерпимая боль. Если же случайно мнимая вѣдьма въ то время проходила мимо двора, народъ видѣлъ въ томъ явное доказательство, что она настоящая вѣдьма, и случалось, что такихъ хорошихъ хозяекъ бросали въ воду, какъ это вѣрно описано въ малороссійскомъ разсказѣ Григорія Основьяненка подъ заглавіемъ: „*Конотопская вѣдьма*“. Въ настоящее время только безумные могутъ вѣрить въ такія глупости, и вѣра въ вѣдьмъ встрѣчается уже только изрѣдка.

Православный христіанинъ вѣритъ въ Бога и проситъ у него благословенія и для себя, и для своего скота, созданнаго на службу человѣку. Скоту своему онъ доставляетъ все нужное, обращается съ нимъ по-человѣчески, а несчастные случаи, какіе бываютъ со скотомъ, онъ принимаетъ отъ Бога съ христіанскимъ смиреніемъ, стараясь по возможности ихъ предотвратить.

Все, что сказано о крупномъ скотѣ, относится и до мелкаго скота, который не менѣе нуждается въ тщательномъ уходѣ, въ здоровой пищѣ и тепломъ помѣщеніи. Разница только въ томъ, что овецъ и козъ можно держать только тамъ, гдѣ онѣ имѣютъ въ продолженіи всего лѣта достаточный подножный кормъ. Дома кормить овецъ и козъ, кромѣ, конечно, зимы, не расчетъ. Овца и коза любятъ сухое, неболотистое мѣстоположеніе, особенно горы, гдѣ онѣ бываютъ тучныя и молочныя и даютъ много превосходнаго молока и шерсть на одежду. Въ горахъ овцеводство составляетъ богатство страны.

Но такъ какъ польза отъ овецъ весьма велика, то люди держать ихъ почти вездѣ, чтобы имѣть шерсть на одежду и мѣхъ на шубы.

Овца и коза любятъ хорошій кормъ, особенно сѣно изъ сухихъ мѣсть, солому гороховую, чечевичную, кукурузную, тоже сухой клеверъ всякаго рода, но не любятъ пресыщенія. Особенно опасно пускать овецъ на пастбище, на которомъ растетъ много клевера, когда на немъ *роса*. И зимою овца любить немного корма, такъ какъ у слишкомъ жирныхъ овецъ бываетъ грубѣе шерсть.

Козы рѣдко болѣютъ, но овцы подвержены многимъ болѣзнямъ. Главная болѣзнь — головокруженіе у ягнятъ. Эта болѣзнь происходить отъ червей, такъ называемой плоской глисты, извергаемой собаками: зародыши ихъ попадаютъ на пастбища, и тогда овцы, а особенно ягнята, проглатываютъ ихъ вмѣстѣ съ травою: они распространяются изъ желудка по всему тѣлу. Только опытный ветеринаръ знаетъ, какъ найти мѣсто между рожками по серединѣ головы и уничтожить червя троакаромъ.

Но самая ужасная болѣзнь для овецъ—это оспа. Зараженная ею овца не ѣсть, не весела, у ней является сильный жаръ, она трясется и дрожитъ, глаза закисаютъ, ротъ и уши горячи, изъ носу течетъ вонючая слизь. Между десятымъ и двадцатымъ днемъ наступаетъ или выздоровленіе, или смерть. Лечить оспу нужно такъ, чтобы держать больныхъ овецъ въ прохладномъ хлѣвѣ, отдѣливъ ихъ отъ здоровыхъ, и всѣмъ давать хорошій кормъ, самое лучшее—отаву и чистую нехолодную воду. Гомеопатія употребляетъ *белладону*, *меркурій солюбилисъ*, *гепаръ сульфурисъ* и *арсеникумъ альбумъ*.

Существуютъ и другія болѣзни овецъ, но тѣ менѣе опасны. Оспа самая опасная, отъ нея гибнуть иногда цѣлыя стада. Прививка оспы до сихъ поръ не оказала практической пользы. Овцы, которымъ была привита оспа, также заболѣваютъ ею, поэтому обязательная прививка оспы, какъ у людей, для овецъ не установлена еще.

Изъ мелкаго скота важную роль играетъ въ хозяйствѣ свиноводство. Свинья

довольствуется всякими отбросами въ хозяйствѣ, которые пропали бы безъ пользы, какъ послѣдомъ всякихъ хлѣбовъ, мелкпмъ картофелемъ, кухонными отбросами и помоями и пр., и никакой скотъ не представляетъ такъ доходнаго и такъ скоро увеличивающагося капитала, какъ свинья лучшей породы. Такъ какъ беременность свиньи простирается только на 115 дней, получается отъ нея по 8—12 поросенковъ по меньшей мѣрѣ дважды въ годъ, значить около 16—24 штукъ. Кто хочетъ имѣть отъ свиней хорошій доходъ, не долженъ думать, что ей, какъ грязной скотинѣ, не нужна чистота. Напротивъ, содержимые въ чистомъ, здоровомъ хлѣвѣ поросята ростутъ удивительно скоро и хорошо утучняются, въ грязномъ же хлѣвѣ и при грязномъ уходѣ порода ихъ мельчаетъ, и дохода отъ нихъ мало.

Свиней есть много породъ. Кто желаетъ тучить свиней на жиръ, самая лучшая къ тому англійская порода, для выкормленія же на мясо лучше служатъ наши русскія породы.

Свиньи подвержены разнымъ болѣзнямъ. Самая опасная—воспаленіе горла, которое проявляется даже опухолью на шеѣ. Главнымъ средствомъ является холодная вода, которою надобно поливать больную свпнью, и внутрь дается слабительное, самое лучшее глауберовой соли, отъ чего слѣдуетъ обыкновенно улучшеніе. Если свинья не хочетъ ничего принимать, дѣлается тѣсто изъ муки, перемѣшивается съ глауберовой солью и медомъ, и шарики изъ этого тѣста влагаются ей въ горло. Гомеопатія лечить эту болѣзнь *белладоной*, даваемой въ частыхъ дозахъ по 5—6 капель съ водою, съ промежутками по 1, 2, 3 часа, смотря по остротѣ болѣзни.

Часто болѣютъ свиньи отъ угровъ, и мясо и жиръ отъ такихъ свиней опасны для здоровья человѣка, потому что въ каждомъ такомъ угрѣ, походящемъ на крупу, кроется плоская глиста. Если человѣкъ или собака съѣсть кусокъ такого мяса достаточно непроваренпаго или непрожареннаго, угоръ оживаетъ въ желудкѣ, ростетъ скоро и въ продолженіи шести недѣль достигаетъ длины иногда до 30 аршинъ, отпуская постоянно отпадающія отъ него части, такъ называемыя *проглотиды*, выходящія съ отходами. Онѣ бѣлаго цвѣта, походящія на зерна тыквы. Въ проглотидахъ есть безчисленное множество яичекъ, которы съѣденныя свиньей, съ кровью нроходятъ въ разпыя части тѣла; изъ каждаго яичка образуется угоръ, который можетъ пролежать въ своей оболочкѣ и нѣсколько лѣтъ, пока не съѣсть его человѣкъ или собака и пока онъ въ желудкѣ ихъ не перемѣнится въ плоскую глисту.

Свинья больная угорами тощаетъ, аппетита у нея нѣтъ, глаза у ней красныя, угры являются особенно подъ языкомъ, тамъ и можно узнать, есть ли они въ ней. Такихъ свиней никогда не покупать.

Подобная же болѣзнь происходить отъ трихинъ, малепькихъ червей, которыхъ можно разузнать только подъ микроскономъ, и которые не достаточно проваренные или прожаренные переходятъ тоже въ организмъ человѣка, ужасно скоро умножаясь и проѣдая мышцы, что бываетъ часто причиною смерти. Поэтому всякое свиное мясо надобно крѣпко варить или жарить. По тѣмъ причинамъ учреждены теперь по большпмъ городамъ скотобойни, въ которыхъ осматривается мясо каждой убитой штуки подъ микроскопомъ.

У свиней бываетъ еще убійственная болѣзнь—воспаленіе селезенки, очень заразительная и почти неизлѣчимая, если не пособлять сейчасъ. Причиной этой болѣзни бываетъ чрезмѣрная жара, при отсутствіи чистой, здоровой воды.

САДОВОДСТВО.

Господь Богъ, сотворивъ перваго человѣка, поселилъ его въ раю. Слово „рай“ означаетъ прекрасный садъ, въ которомъ все уготовано было для счастливой жизни человѣка. Рай находился въ теплвмъ климатѣ, гдѣ не бываетъ зимы, земля была плодоносна и доставляла человѣку безъ труда всякіе плоды самаго лучшаго качества; цвѣты непрерывно цвѣли; птицы пѣли, а журчащіе ручейки доставляли чистую какъ хрусталь воду. Вотъ какъ представляемъ мы себѣ рай!

Есть страны на земномъ шарѣ, походящія на такой рай. Есть еще и донынѣ народы, живущіе въ такихъ благословенныхъ странахъ, гдѣ природа безъ всякаго человѣческаго труда сама доставляетъ все необходимое для жизни людей; мы можемъ позавидовать прекрасному климату и роскошной природной растительности этихъ странъ, но не должны завидовать беззаботной жизни ихъ обитателей. Жизнь этихъ народовъ, напримѣръ, въ центральной Африкѣ и на нѣкоторыхъ островахъ Азіи и Австраліи, мало чѣмъ отличается отъ жизни животныхъ. Они думаютъ только о насыщеніи своемъ и проводитъ время въ праздности. Въ послѣднее время къ нимъ стали появляться миссіонеры христіанскихъ народовъ и вмѣстѣ съ свѣтомъ Христова ученія приносить имъ и наставленія, какъ умѣло слѣдуетъ пользоваться богатыми дарами природы. Но даже и въ такихъ странахъ роскошной растительности нуженъ трудъ, который приноситъ человѣку и честь, и счастье. И тамъ даже, въ тѣхъ счастливыхъ странахъ, совсѣмъ другой видъ представляетъ земля, оставленная на произволъ природѣ, и земля, обработанная умѣлой рукой просвѣщеннаго человѣка.

И у насъ, куда бы ты ни поѣхалъ, въ города, деревни и села, съ перваго взгляда узнаешь, гдѣ живетъ разумный, просвѣщенный народъ и гдѣ царитъ еще старое невѣжество. Еще издалека взглянувъ на деревню и увидѣвъ, что она стоитъ вся утонувшая въ зелени садовъ, при каждомъ домѣ хорошій огородъ,— уже знаешь, что тамъ живетъ народъ разумный и трудолюбивый; а увидишь дома безъ изгородей, или съ плохимъ плетнемъ, вокругъ нихъ сорныя травы и кусты, не приносящіе никакихъ плодовъ, и только попусту занимающіе мѣсто, а между тѣмъ земля хорошая,—такой видъ произведетъ на тебя непріятное впечатлѣніе, и ты безошибочно скажешь: здѣсь живетъ непросвѣщенный или лѣнивый народъ, самъ себя лишающій прелестей жизни, находя ихъ, какъ часто бываетъ, только въ пьянствѣ и праздности. Лѣнивый хозяинъ не согнетъ спины, чтобы очистить свою земельку отъ сорныхъ травъ, не потрудится сравнять ее, засыпать на ней ямы, не приведетъ ее въ порядокъ, не огородитъ, не вскопаетъ и не засадитъ полезными растеніями и плодовыми деревьями, а равнодушно смотритъ на роскошно растущіе кусты терновника, крапиву, репейникъ, дикую ромашку и другія сорныя травы, не чувствуя потребности и нужды убрать ихъ и замѣнить полез-

выми растеніями и благовонными цвѣтами. И если станешь говорить съ такими людьми, они скажутъ тебѣ: у насъ никогда не было обычая разводить сады; хорошо, что есть при домѣ на огородѣ мѣсто для капусты, картофеля и конопли; безъ этого мы не обойдемся, а безъ садовъ обойдемся.

Мы же подъ словомъ садоводство понимаемъ все, что растетъ на нашихъ огородахъ и близъ усадебъ—и огородную зелень, и овощи, и плодовыя деревья, и цвѣтникъ, украшающій нашу земельку и доставляющій намъ наслажденіе своей красотой и благоуханіемъ.

И все это мы можемъ для себя устроить, надобно только захотѣть и полюбить мать-землю нашу, стараясь, чтобы ни малѣйшій принадлежащій намъ клочевъ ея не лежалъ втунѣ и не производилъ непріятныхъ, зловонныхъ и вредныхъ травъ.

Такъ пользуются землей просвѣщенные народы, у которыхъ каждый маленькій клочекъ земли имѣетъ свое назначеніе и приносить хозяину пользу или удовольствіе.

Но говоря о садоводствѣ и огородничествѣ, нельзя не обратить вниманія на почву, служащую основаніемъ всякаго рода сельскаго хозяйства, нельзя не обратить вниманія и на климатъ и другія мѣстныя условія. Въ суровомъ климатѣ нашего сѣвера нужно иначе устраивать сады, чѣмъ на югѣ, въ умѣренной или теплой полосѣ. Слѣдуетъ смотрѣть па образцовыя хозяйства и заимствовать у *нихъ*, что возможно. Намъ нельзя держаться стараго плохаго, когда мы видимъ новое лучшее. Человѣчество не дреилетъ, оно стремится всегда внередъ къ лучшему, совершеннѣйшему. Сравните старую нашу свеклу съ новыми еп породами. Изъ хорошаго сѣмени вы получите вдвое болѣе дохода, чѣмъ получали отъ сѣмени, переходившаго у насъ изъ рода въ родъ. Сравните плоды дикихъ грушъ, яблонь и сливъ, которые еще у насъ встрѣчаются въ садахъ, съ плодами новыхъ, самыхъ лучшихъ сортовъ, и вы не скажете, что старое было лучше. И сколько же теперь произведено новыхъ породъ всякпхъ растеній! Посмотрите собраніе ихъ на выставкахъ, и вы удивитесь. Бывало еще не такъ давно картофель переходилъ у насъ изъ рода въ родъ, было двѣ три породы его, а теперь сотни породъ. Кто прежде слышалъ объ американскомъ розопомъ картофелѣ, скоро растущемъ и скоро поспѣвающемъ, столь драгоцѣнномъ для странъ съ короткимъ лѣтомъ? А въ настоящее время онъ сталъ любимымъ сортомъ, разводимымъ на нашихъ огородахъ и поляхъ вслѣдствіе своего превосходнаго вкуса особенно лѣтомъ. Равнымъ образомъ и всякія другія сѣмена вводятся раціопальными хозяевами соотвѣтственно разнымъ климатамъ и разной почвѣ, и всякій человѣкъ долженъ пользоваться у себя тѣмъ, что уже испытано и оказалось лучшимъ и совершеннѣйшимъ.

Разумпый хозяинъ устроить себѣ огородъ и садъ и для пользы, и для удовольствія своего. Какъ плохо ни хозяйничали его предки, жившіе въ невѣжествѣ, онъ постарается все исправить и улучшить, не жалѣя ни труда, ни расходовъ. Онъ не бросить гроша на ненужное, особенно на безумное пьянство, а употребитъ его тамъ, гдѣ опъ принесетъ ему лихву, т. е. онъ улучшить имъ свое хозяйство, чтобы оно принесло ему гораздо большую пользу.

Прежде всего разумный хозяинъ постарается устроить хорошую изгородь, которою онъ обведетъ свой огородъ, такъ какъ это самое первое условіе веденія раціональнаго садоводства и огородничества. Огородъ необходимо сдѣлать недо-

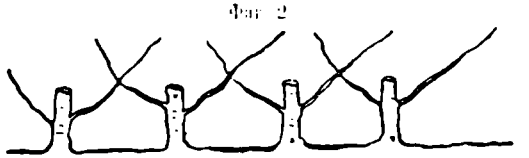
ступнымъ для скота, недобрыхъ людей, дичи, которая, какъ, напримѣръ, зайцы, ужасно опасна, особенно для молодыхъ плодовыхъ деревьевъ.

Смотря по мѣстнымъ условіямъ, изгороди бываютъ разнаго рода. Гдѣ много камня и онъ близокъ, тамъ люди ограждаютъ свои усадьбы прочными каменными стѣнаия, стоящими десятки лѣтъ безъ починки, какъ это видимъ по скалистымъ берегамъ Днѣстра и въ другихъ странахъ южной Россіи. Гдѣ много лѣса, тамъ ставятъ частоколы или плетни, но у просвѣщенныхъ хозяевъ все болѣе входитъ въ обычай ограждать свои огороды такъ называемою *живою изгородью*. Самымъ лучшимъ растеніемъ для живой изгороди служитъ *бѣлый боярышникъ*, дико растущій въ лѣсахъ, на опушкахъ, и по рвамъ, особенно на песчаныхъ почвахъ. Гдѣ его много, хозяинъ можетъ накопать готовыхъ трехлѣтнихъ или четырехлѣтнихъ саженцевъ толщиною въ палецъ и ими обсадить свой садъ; выростетъ плетень не только красивый на видъ, но и прочный и такой густой, что и курица черезъ него не пролѣзетъ.

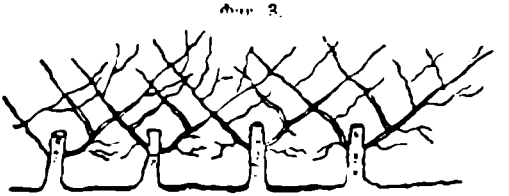
Но прежде, чѣмъ садить боярышникъ, нужно очистить землю подъ старымъ плетнемъ отъ всякихъ сорныхъ травъ и корней и перекопать ее, какъ грядку въ огородѣ. Садить же слѣдуетъ весной или осенью прямо, вдоль веревки одинъ саженецъ отъ другого на 5 нершковъ, срѣзавъ верхушки такъ, чтобы они возвышались надъ уровнемъ земли только на три вершка. Когда боярышникъ на слѣдующую весну пуститъ отпрыски, всѣ они кромѣ двухъ противуположныхъ обрѣзываются, а на третью весну начинаютъ плесть побѣги рѣшоткообразно, привизывая, гдѣ нужно, мочалой, чтобы рѣшетка была совсѣмъ правильная. (Фиг. 1, 2, 3, 4).

1.

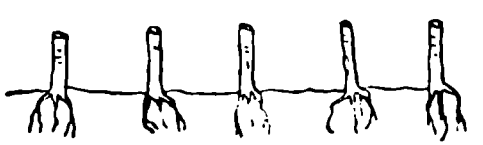
Фиг. 2



Фиг. 3.



Фиг.



Такая изгородь прекрасно растетъ, и образуетъ какъ-бы живую стѣну, и на четвертомъ году уже не нуженъ старый плетень, который тогда можно разобрать. Ежегодно осенью или весною острымъ ножемъ, или лучше большими ножницами обстригаются растущіе по бокамъ однолѣтніе побѣги. Такой плетень достигаетъ вышины въ полтора человѣческихъ роста и можетъ простоять отъ 20 до 30 лѣтъ. Когда же нѣкоторые кусты начнутъ уже усыхать, тогда пора садить такимъ-же образомъ рядомъ со старымъ новый плетень, выростивъ въ питомникѣ молодые саженцы изъ сѣмянъ, если не найдется въ дикомъ состояніи такого множества готовыхъ кустовъ. Но готовые кусты лучше, потому что сѣмя боярышника нелегко всхо-

дитъ. Его надобно собрать, какъ только оно созрѣетъ, перемѣшать въ какомъ либо сосудѣ съ сырымъ пескомъ и держать всю зиму въ теплѣ и сырости, а когда весною сѣмена начнутъ проростать, нужно посадить ихъ въ рыхлую землю.

Кромѣ боярышника, есть и другіе кусты для живой изгороди, а именно *тернина* (licium barbarum), которая принимается какъ верба. Она даетъ въ продолженіи всего лѣта много перги и прекраснаго бѣлаго меду пчеламъ. Нарѣзавъ вѣтвей длиною отъ 4—5 вершковъ, надо. ихъ закопать въ землю наискось, такъ, чтобы только вершки находились снаружи. Тернина растетъ очень скоро, но у ней есть и нехорошія свойства: она въ суровыя зимы вымерзаетъ, обновляясь только отъ корня, и затѣмъ, что весьма непріятно, разъ она посажена, лѣзетъ корнями въ огородъ или садъ и заглушаетъ огородину, а искоренить ее очень трудно. Лучше въ сторонахъ съ хвойными лѣсами выростить себѣ живую изгородь изъ ели, а гдѣ растетъ грабъ, изъ грабины. Но царемъ живыхъ изгородей всегда будетъ бѣлый боярышникъ.

Обезпечивъ свой огородъ отъ всякаго вторженія, хозяинъ не пожалѣетъ труда глубоко вскопать его и въ мѣру надобности удобрить навозомъ, преимущественно старымъ, мелкимъ. Удобрить онъ свой огородъ и компостомъ, приготовляемымъ изъ всякихъ истлѣвшихъ растеній, перемѣшанныхъ съ землей и, притомъ такихъ, которыя часто смачивались скотской мочей. Онъ не будетъ сѣять въ огородѣ породы сѣмянъ какихъ нибудь, а постарается достать самыхъ лучшихъ новыхъ сѣмянъ и не пожалѣетъ на нихъ денегъ. Для этого въ компаніи съ другими хозяевами слѣдуетъ выписать каталоги разныхъ сѣмянъ отъ сѣменоторговцевъ въ большихъ городахъ, и завесть у себя самые лучшіе сорта всякихъ овощей. Въ огородѣ необходимо отвести большую или меньшую грядку земли для питомника плодовыхъ деревьевъ, но прежде нужно познакомиться съ садоводствомъ во всѣхъ его отрасляхъ.

Что лучше: проводить свободное отъ трудовъ время въ кабакѣ или въ пьяной компаніи по домамъ или ярмаркамъ, на которыя иногда ѣдутъ безъ всякой надобности, только ради выпивки, или сидѣть у себя въ тѣни на скамейкѣ подъ грушей или яблоней и читать своимъ домочадцамъ, дѣтямъ и слугамъ, слово Божіе или другія полезныя книги, какъ это дѣлается у многихъ просвѣщенныхъ народовъ? Вы, конечно, согласитесь, что послѣднее лучше, разумнѣе и полезнѣе. Хорошая книга просвѣтить умъ, разогрѣетъ сердце, облагородить человѣка, а видъ прекраснаго плодоваго дерева и огорода, въ которомъ все роскошно растетъ на пользу и славу человѣка, болѣе возрадуетъ его, чѣмъ пустая болтовня пьяницъ, не говоря уже о дикихъ ихъ нѣснихъ, ссорахъ и дракахъ.

Но какъ же устроить себѣ фруктовый садъ? Не каждый это знаетъ, а между тѣмъ это очень легко.

Всякое растеніе происходить изъ зернышка. И величественный дубъ объемомъ въ нѣсколько аршинъ выросъ изъ жолудя, упавшаго въ сырую землю. Но нѣкоторые думаютъ, что много нужно времени для того, чтобы выростить изъ зернышка плодовое дерево, и что гораздо скорѣе дождешься плода, если посадить уже готовую прививку или готовую дичку, на которой и привьешь хорошій сортъ. Въ такомъ расчетѣ многіе обманулись. Конечно, хорошо купить готовыя прививки или накопать готовыхъ дичекъ и ие сѣять

зернышекъ; но есть важныя причины предпочесть собственные сѣянцы готовымъ прнвивкамъ или дичкамъ, а именно: плодовое дерево лучше всего растетъ на той почвѣ, гдѣ оно вышло изъ зернышка, потому что корни его привыкли къ этой почвѣ, она для нихъ не слишкомъ тоща и не слишкомъ жирна. Покупая же готовыя прививки, мы мѣняемъ для нихъ почву. Если возьмемъ ихъ изъ болѣе тощей почвы и посадимъ въ болѣе жирную, ничего не потеряемъ; но если, наоборотъ, возьмемъ ихъ изъ жирной почвы и посадимъ въ болѣе тощую землю, они покроются мхонъ, ростъ ихъ будетъ слабъ, и на нихъ можетъ появиться ракъ, а тогда весь трудъ нашъ пропадетъ даромъ. Тогда придется намъ ихъ выбросить, и подумать: какъ жаль, что мы не посѣяли тогда сѣмянъ, изъ которыхъ были бы уже до сихъ поръ порядочныл прививки. Еще хуже бываетъ съ готовыми дичками. Рѣдко попадаются дички яблоней и грушъ на открытомъ и достаточно освѣщенномъ мѣстѣ, а обыкновенно растутъ онѣ въ густыхъ рощахъ, въ тѣни, и корни ихъ окутаны корнями всякихъ сорныхъ травъ и мхомъ. Посмотришь на такую дичку въ рощѣ, она толщиною въ палецъ, думаешь, что она молода, что ей только 3—4 года, а ей уже лѣтъ 10 или 15; но въ тѣни, безъ свѣта, она заморенная, слабая, и если перерѣзать стволикъ ея, то очень часто окажется, что сердцевина ея черна,—это зародышъ рака и смерти дерева. Посадишь такую дичку въ садикѣ, перерѣзавъ ее ниже, пока не дойдешь къ здоровой, зеленой сердцевинѣ, она немножко оправится, если посажена порядочно по всѣмъ правиламъ, но ростъ ея не будетъ такъ силенъ, какъ выращенной въ питомникѣ изъ зернышка, потому что она съ молоду въ тѣни была заморенная. Только рѣдко бываютъ хорошія дерева изъ такихъ дичекъ, особенно яблоней.

Такія же дички, въ которыхъ и внизу, недалеко отъ корня есть темная сердцевина, совершенно не годятся къ пересадкѣ, и должны быть выброшены.

Но если хочешь выростить фруктовый садъ здоровый, прочный и притомъ скоро пользоваться его плодами, вырости его изъ сѣмянъ. Однако сѣмена должны быть взяты изъ хорошихъ и вполнѣ созрѣвшихъ плодовъ. Случится тебѣ ѣсть хорошія сладкія черешни, сбереги косточки ихъ; ѣшь хорошія яблоки и груши, не бросай зернышекъ, а тоже сбереги грушевыя и яблочныя въ спичечныя коробочки отдѣльно; ѣшь хорошія сливы угорскія, сберсги изъ нихъ побольше косточекъ. Не забудь и о грецкихъ орѣхахъ, избирая изъ нихъ породу съ тонкими скорлупами; спрячь себѣ и хорошихъ лѣспыхъ орѣховъ на сѣмя. Все это Божій даръ, которымъ нужно дорожить. Въ каждомъ зернышкѣ и каждой косточкѣ кроется громадное плодовое дерево, оно и проситъ тебя: человѣкъ, вложи меня въ святую земельку, чтобы я не пропало, а я подарю тебѣ мои плоды, накормлю и возвеселю тебя!

Ну, и когда соберете себѣ много такихъ зернышекъ и косточекъ, обсушите ихъ, а осенью лучше всего ввѣрить ихъ матушкѣ землѣ.

Для посѣва зернышекъ вскопайте чистехонько грядочку, и когда уже сѣютъ нозднія озимый хлѣбъ, перекопайте ее еще разъ, сравняйте граблями, надѣлайте поперекъ ровковъ въ разстояніи 6-ти вершковъ другъ отъ друга и садите въ нихъ зернышки, какъ садится,—напр., горохъ, на вершокъ зерно отъ зерна, сравняйте землю обратной стороной грабель и покройте всю грядку еловыми или сосновыми вѣтками или вѣтками терцины или колючаго шиповника, чтобы

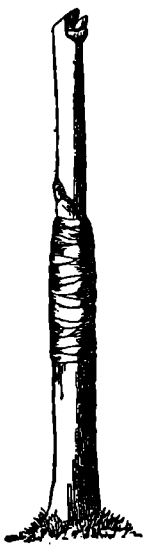
куры къ нимъ не добрались. Оставьте такъ грядку до весны, только смотрите, пока земля не замерзнетъ, чтобы не зашли туда куры и не разгребли засѣва. На веснѣ всѣ зернышки взойдутъ, берегите ихъ въ первое время опять отъ куръ, чисто полите, и они выростутъ уже въ первое лѣто на $^1/_2$ аршина или больше. Молодымъ всходамъ повредить можетъ только сильный морозъ въ первые дни, когда они еще не окрѣпли, а если случится засуха, надобно ихъ полить. Маленькій морозъ они выдерживаютъ, а если предвидятся сильные морозы, съ сѣвернымъ или восточнымъ вѣтромъ, можно ихъ прикрыть матами на палочкахъ или попросту соломой или сѣномъ. Эту покрышку послѣ слѣдуетъ осторожно снять, чтобы не поломать всходовъ. Съ косточками черешень, вишень, сливъ, орѣховъ, абрикосовъ и проч. поступаютъ иначе. Для нихъ выкопайте осенью четырехугольную ямку въ $^3/_4$ аршина глубины и выстелите ее дерномъ или мхомъ, или просто сѣномъ. Тогда высыпьте туда всянія сбереженныя вами косточки, окропите ихъ водой, накройте сверху опять дерномъ, мхомъ нлн сѣномъ, присыпьте землей, обозначьте палочками углы ямки, которую слѣдуетъ вывершить, и такъ оставьте ее до весны. Когда около Пасхи (на сѣверѣ позже) воздухъ уже хорошо обогрѣется, и земля высохнетъ, откопайте ваши косточки, и если у нихъ есть уже бѣлые корешки, садите рядами въ грядку, а если корешковъ еще нѣтъ, и онѣ не полопались, прикройте ихъ опять. Чрезъ недѣлю откройте снова яму, и всѣ косточки, гдѣ показались уже корешки, или которыя уже лопнули, садите. Онѣ взойдутъ скоро и выростутъ такъ-же хорошо, какъ зернышки яблокъ и грушъ.

Такой питомникъ на небольшой грядкѣ доставить вамъ прививки для насажденія громаднаго сада не только при вашей усадьбѣ, но и для раздачи или продажи многимъ другимъ. Если же вы не посѣяли осенью зернышекъ яблонь и грушъ, можете собранныя зимой зернышки въ первыхъ числахъ великаго поста размѣшать въ горшкѣ съ сырымъ пескомъ, и удерживать въ немъ влагу, держа его въ теплой избѣ. До Пасхи они станутъ тоже лопаться и готовы будутъ для грядки. Въ болѣе сѣверныхъ странахъ, гдѣ весна начинается послѣ Пасхи, можно размѣшать ихъ съ пескомъ на недѣлю или двѣ позже. И косточки сливъ, черешень, вишень, орѣховъ, абрикосовъ можно еще въ январѣ или февралѣ размѣшать съ пескомъ, но держать ихъ, всегда по немногу поливая ихъ, въ теплой избѣ. Онѣ полопаются въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Но не всякая дичка, которую мы выростили изъ зернышекъ или косточекъ, способна родить хорошіе плоды. Кромѣ угорскихъ сливъ, орѣховъ, а пожалуй, и черешень, остальныя требуютъ облагороженія или прививки. И это дѣло совершенно нетрудное, только надобно его знать и хоть разъ видѣть, какъ прививаютъ деревья, чтобы усвоить себѣ это умѣнье и работать умѣло и скоро. Самый лучшій и очень удобный способъ облагороженія дичекъ—это копулировка или дружеіе. Она состоитъ въ томъ, что къ дичкѣ однолѣтней, срѣзанной наискось снизу вверхъ, прикладывается точно такой же толщины вѣтка благородная, или черенокъ, срѣзанный наискось сверху внизъ; порѣзанныя части складываются такъ, чтобы кора дички и кора прививки сходились вполнѣ или хоть съ одной стороны, и затѣмъ онѣ скрѣпляются мочалкой или крѣпкой бумагой намазанной садовою мазью. Соки дички, выходящіе изъ корня по корѣ вверхъ, входятъ въ вѣтку, она толстѣетъ, глазикъ возрастаетъ, перерѣзъ заростаетъ, и дичка становится щепою. Такая копулировка самая легкая и удобная и при навыкѣ идетъ очень споро, такъ что

одинъ человѣкъ въ продолженіе одного дня можетъ привить сто и больше дичекъ. (Фиг. 1, 2, 3).

Фиг. 3.



Фиг. 2.

Фиг. 1.

Собираясь копулировать, нужно заранѣе постараться достать вѣточекъ самыхъ лучшихъ сортовъ, ихъ надо срѣзать зимой и сберегать въ погребѣ, воткнувъ срѣзанными концами въ сырой песокъ или глину. Нуженъ острый ножикъ, мочалка и мазь, которая дѣлается изъ равныхъ по вѣсу частей смолы, воска и терпентина. Лучшее время для копулировки, когда соки въ дичкахъ уже въ полномъ ходу, т. е. когда кора легко отдѣляется отъ стволика дички, и на вѣтвяхъ появляются уже начатки молодыхъ листочковъ.

Кромѣ обыкновеннаго способа прививки (копулировки), при которой гладко наискось сверху внизъ затесанный черенокъ приставляется къ затесу на дичкѣ такой же толщины, сдѣланному наискось снизу вверхъ, есть еще другіе способы прививки дичекъ болѣе толстыхъ тоненькими черенками. Толстая дичка не перерѣзывается, какъ при обыкновенной копулировкѣ, насквозь, а только съ боку ея снизу вверхъ дѣлается затесъ такой ширины, чтобы онъ могъ быть покрытъ черенкомъ съ такимъ же затесомъ, сдѣланнымъ сверху внизъ. Прижавъ черенокъ, надобно его обвязать и замазать, и онъ приростетъ. (Фиг. 4, 5, 6).

Фиг. 6.

Фиг. 5.

Фиг. 4.

Фиг. 7.

Фиг. 8.

Фаг. 9.

Но самый употребительный въ настоящее время способъ прививки (копулировки)—это клинкованіе. На дичкѣ, перерѣзанной горизонтально, вырѣзывается клинообразное отверстіе (фиг. 7), соотвѣтствующее толщинѣ черенка, и заполняется клинкомъ черенка (фиг. 8) такъ, чтобы крал коры черенка плотно пристали къ краямъ разрѣзанной коры стволика (Фиг. 9.).

Клинкованіе дѣлается и такъ, какъ изображено фигурами 10, 11 и фигурами 12, 13 и 14.

Всѣ вышеприведенные способы облагороженія однолѣтнихъ стволиковъ считаются лучшими потому, что стволики не искалѣчиваются, не колются, сердцевина ихъ не портится, и уже въ первое лѣто стволики съ черенками такъ срастаются, какъ будто они не подвергались какой либо операціи.

Гораздо хуже бывало прежде, когда люди знали только одинъ способъ прививки, въ разщепъ, теперь уже мало примѣняемый. Употреблять его можно только при прививкѣ молодыхъ, двухлѣтнихъ или трехлѣтнихъ дичекъ или очень роскошно растущихъ однолѣтнихъ. Такое молоденькое деревцо, привитое въ разщепъ не болѣетъ, и въ тоже лѣто, а навѣрное чрезъ годъ, совершенно заживитъ рану, какъ и копулированное. Но толстыя дички колоть не слѣдуетъ. Чтобы зажила рана, нужно три-четыре года, а между тѣмъ въ разщепъ затекаетъ вода, обнаженная часть дерева сохнетъ, гніетъ, и хотя заживетъ, часто появляется зародышъ будущаго рака, отъ котораго гибнетъ множество плодовыхъ деревьевъ.

Фиг. 10.

Фиг. 11.

Фиг. 12.

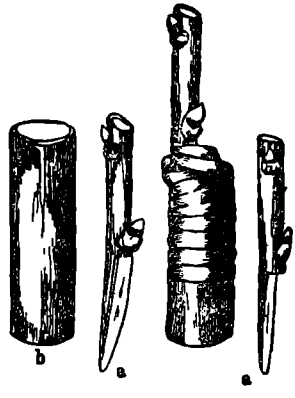
Фиг. 13.

Фиг. 14.

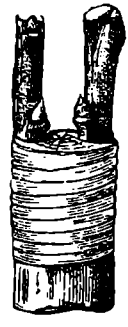
Въ настоящее время уже и крестьяне не прививаютъ въ разщепъ, а только за кору. Это гораздо лучше. Прививать за кору можно только въ концѣ апрѣля, когда уже началось полное движеніе соковъ и кора легко отстаетъ отъ древесины. Тогда, вмѣсто того, чтобы колоть срѣзанный горизонтально (поперекъ) стволикъ дички или толстую вѣтвь, надрѣзывается вверху перерѣзаннаго ствола его только кора и за разрѣзанную кору вставляется затесанный съ уступомъ наискось черенокъ, такъ, чтобы онъ послѣ прививки легъ на стволикъ дички; рана

тщательно обмазывается мазью или, если ел нѣтъ, глиною съ навозомъ и обвязывается тряпкой. (Фиг. 15, 16, 17, 18, 19).

Фиг. 15. Фиг. 16. Фиг. 17. Фиг. 18.



Фиг. 19.



Если садоводъ не успѣетъ всѣ свои дички копулировать, привить въ разщепъ или за кору весною, онъ можетъ продолжать облагороженіе своихъ дичекъ лѣтомъ. Случается, что привитое деревцо не принялось или сломалось, или осталось непривитымъ по недостатку времени, тогда въ іюнѣ около 20-го числа слѣдуетъ приняться за прививку глазкомъ или окулировку (очкованіе). Это лучшій и наиболѣе вѣрный способъ облагороженія дичекъ. Окулировать можно весь іюль, такъ что времени хватитъ облагородить сколько угодно дичекъ, не торопясь.

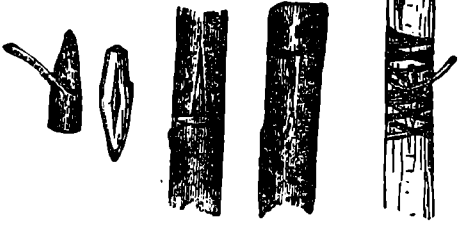
Затрудненіе можетъ быть только въ томъ, что въ той самой мѣстности не всегда можно достать лѣтнихъ побѣговъ лучшихъ сортовъ, а привозить ихъ издалека не совсѣмъ удобно вслѣдствіе жары. Но если недалеко находится садъ съ превосходными сортами, и можно получить оттуда вѣтки, то надо ихъ срѣзать прямо съ дерева и держать до употребленія, опустивъ нижніе концы въ воду, *но не долѣе двухъ сутокъ*. Если вѣточекъ можно достать только издалека, то нужно, нарѣзавъ, обрѣзать у нихъ всѣ листки, оставивъ черенки только съ небольшимъ кусочкомъ листа, затѣмъ воткнуть нижніе концы въ картофелину или огурецъ, обвернуть все бумагой или тряпкой,—и такъ онѣ прекрасно могутъ быть довезены верстъ за двѣсти.

Окулировать можно и пронлогодними вѣтками весною, и это называется окулированіе *живымъ* глазкомъ, въ противоположность лѣтнему окулированію, которое называется овулированіе *спящимъ* глазкомъ, но весною удобнѣе прививать копулировкою или щепленіемъ за кору и въ разщепъ. Впрочемъ, если получимъ весною очень рѣдніе сорта черенковъ, отъ которыхъ мы не хотимъ потерять ни единаго глазка, можно употребить оставшіеся при прививкѣ на окулировку. Прививочные черенки рѣжутся обыкновенно на 2—3 глазка потому, что одинъ глазокъ можетъ повредить птица, съѣсть червь, а тогда, не будь другого очка въ запасѣ, пропала бы и вся наша работа. При окулированіи достаточно одного глазка; онъ болѣе безопасенъ. При окулированіи весной стволикъ даже не рѣжется наискось, а только въ самомъ чистомъ мѣстѣ его подрѣзывается кора въ формѣ

буквы Т или, на оборотъ, ⊥. (Фиг. 20, 21). Изъ черенка вырѣзываетсяножомъ одинъ глазокъ съ кусочкомъ коры сверху его и большимъ кускомъ внизу,при чемъ захватывается и немножко древесины (фиг. 22), разрѣзанная кора раздвигается кусочкомъ гладко выстругаинаго деревца, подъ нее задвигаютъ глазокъ съ корою, такъ, чтобы верхняя часть ея плотно прилегла къ поперечному разрѣзу коры на дичкѣ; затѣмъ привитое мѣсто обвязывается мочалкой такъ, чтобы глазокъ выглядывалъ посреди мочалокъ (Фиг. 24). Глазокъ принимается и проростаетъ въ то же лѣто, поэтому такая окулировка и называется окулировкой „живымъ глазкомъ."

Фиг. 24.

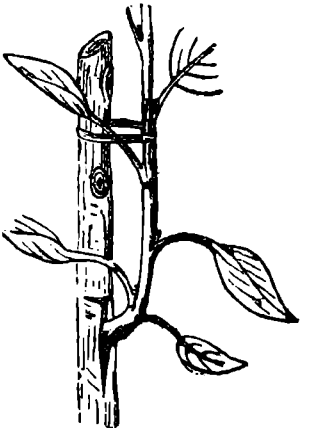
Фиг. 23. Фиг. 22. Фиг. 21. Фиг. 20.



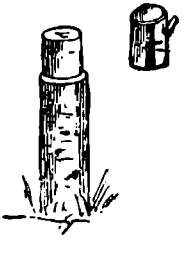
Но гораздо важнѣе окулировка спящимъ глазкомъ, а она производится тѣмъ же образомъ, какъ и живымъ глазкомъ, съ тою только разницею, что вмѣсто неразвитаго еще прошлогодняго глазка (фиг. 22) берется глазокъ побѣга нынѣшняго лѣта, кроющійся подъ листкомъ для будущаго лѣта (фиг. 23). Вѣтку съ такими глазками рѣжутъ прямо съ дерева, обрѣзываютъ до половины всѣ листики и верхушку и затѣмъ вырѣзываютъ каждый глазокъ со всею его корою, перерѣзавъ ее сзади острымъ ножемъ сверху внизъ, и вынявъ древесинку, отступя на толщину половины мезиннаго пальца выше глазка и заканчивая на толщину цѣлаго мезиннаго пальца внизу отъ глазка, такъ что кусочекъ коры съ глазкомъ имѣетъ форму щита или длиннаго треугольника, въ серединѣ котораго находится глазокъ съ половинкою листа (фиг. 23); разрѣзъ, сдѣланный на стволикѣ дичка въ формѣ Т или обратно ⊥ раздвигается, глазокъ задвигается подъ обѣ половинки разрѣзанной коры и обвязывается мочалкой. Такой глазокъ уже не проростетъ въ то же лѣто, а только приростетъ къ стволику. Если черезъ недѣлю или немного позже послѣ окулировки, или даже осенью листикъ съ черешка отпадетъ, то это вѣрный знакъ, что глазокъ приросъ.

Окулировка (очкованіе) въ живое очко представляется осенью въ такомъ видѣ, какъ на фиг. 25. На слѣдующую весну стволикъ выше копулировки срѣзывается немного наискось, и рана скоро заполняется. Очкованіе въ спящее очко точно также срѣзываютъ на веснѣ. Очкованіе очень удобно можно совершать тоже такъ называемымъ флейтомъ, какъ изображено на фиг. 26 и 27. Совершенно равной толщины стволикъ и черенокъ такъ перерѣзываются, чтобы кора

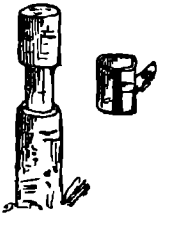
Фиг. 25.



Фиг. 26.



Фиг. 27.



черенка, снятая съ благородной вѣтки, прикрыла вмѣстѣ съ очкомъ обнаженное отъ коры мѣсто стволика. Соки сливаются и ростъ начинается. Нужно только ждать, чтобы соки были уже совершенно въ ходу и кора легко сдвинулась какъ съ стволика, такъ и съ черенка, срѣзаннаго съ дерева. Черенки изъ погреба къ этому не годны.

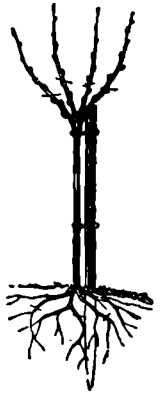
Самое лучшее окулировать танія плодовыя деревья, на которыхъ не особенно удачно принимаются прививки, а именно косточковыя: черешни, сливы, абрикосы.

Всякаго рода облагороживаніе производится очень легко опытной рукою. Каждый ученикъ въ школѣ долженъ научиться прививать деревья и упражняться въ этомъ зимой на вербовыхъ вѣткахъ, чтобы къ веснѣ быть готовымъ и нріохотиться также къ разведенію собственнаго сада.

Только прививкой не ограничивается все искусство садовода. Привитое деревцо надобно умѣть хорошо посадить и воспитать, чтобы изъ него вышло дерево здоровое, прочное, плодоносное и красивое.

У нашихъ крестьянъ часто видимъ, что человѣкъ, научившійся прививать, считается уже садовникомъ и думаетъ, что уже онъ умѣетъ все. Но когда такой садоводъ начнетъ выкапывать прививки, то часто второпяхъ онъ разрываетъ немилосердно корни, не знаетъ, какъ обрѣзать, какъ посадить деревцо, а посадивъ, предоставляетъ его своей судьбѣ, не обращая вниманія ни на ростъ дерева, ни на разстояніе его отъ другихъ деревьевъ. Плохо посаженная прививка болѣетъ, тупо растетъ и усыхаетъ, но и хорошо посаженная нуждается въ тщательномъ уходѣ. Всякое дерево, которое пересаживается, должно имѣть хорошіе корни, гдѣ нужно обрѣзанные, но не разорванные, и должно такъ стоять на новомъ мѣстѣ, какъ стояло на прежнемъ, т. е. не глубже и не мельче. Особенно вредно, если стволъ будетъ засыпанъ землею вершка на 2 больше, чѣмъ слѣдуетъ, или часть его, гдѣ находятся уже корни, бывшая въ питомникѣ въ землѣ, теперь будетъ находиться выше уровня земли. Каждое новопосаженное дерево должно имѣть колъ, который крѣпко вбивается въ ямку раньше. Присыпаются землею корни не сразу, а постепенно; корни расправляются при этомъ руками такъ, чтобы земля къ нимъ плотно прилегла, и при этомъ каждый слой насыпанной земли поливается водою. Когда земли уже достаточно насыпано, деревцо опять поливается водою и прикрывается сверху сухою, рыхлою землей, которую нужно прижать слегка руками. (Фиг. 28).

Фиг. 28.



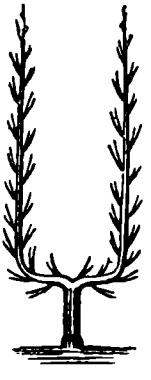
Прививки раньше саженія или послѣ него слѣдуетъ обрѣзать сверху, чтобы онѣ не теряли соковъ на вѣтви, а прежде всего укрѣпились въ корнѣ. Фиг. 28 изображаетъ такую обрѣзку.

Земля, въ которую садится деревцо, должна быть совершенно очищена отъ всякихъ травъ и корней; мѣсто должно быть свѣтлое, а не въ тѣни, и всѣ деревца должны стоять въ рядъ по линіи, намѣченной натянутою веревкою, въ извѣстномъ разстояніи одно отъ другого. Разстояніе зависитъ отъ того, какого вида деревья, высокоствольныя или низкоствольныя. Высокоствольныя садятся рѣже, не менѣе, какъ на 3 сажени, одно отъ другого, низкоствольныя или карловыя на 2-хъ саженяхъ; впрочемъ, это зависитъ тоже и отъ почвы. Въ бѣдной почвѣ садятъ гуще, въ хорошей рѣже, въ видѣ шахматной доски, такъ, чтобы и въ длину, и съ боковъ на всѣ стороны выходили прямыя линіи.

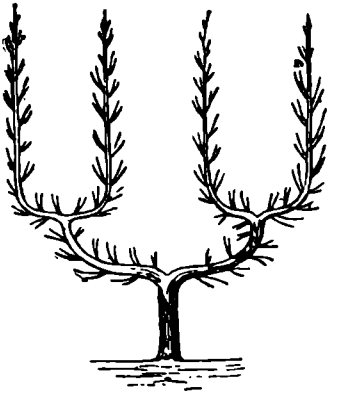
Плодовыя деревца можно держать нѣсколько лѣтъ поелѣ прививки въ питомникѣ, пока стволы ихъ не достигнуть толщины мужского пальца, но лучше садить раньше на предназначенныя мѣста, если садъ обезпеченъ отъ вторженія скота и зайцевъ и не пашется плугомъ. Молоденькая прививка, посаженная въ чистую землю при колѣ, ростетъ скоро, но всетаки еще требуетъ ухода: надобно ее обрѣзывать, очищать отъ всѣхъ корневыхъ отпрысковъ и волчковъ на стволикѣ и смотрѣть, чтобы корни были въ совершенно чистой землѣ, чтобы не опуталъ ихъ пырей, чтобы не поселились подъ нимъ муравьи. Противъ нихъ самое лучшее средство зола, которою нужно посыпать землю подъ деревомъ.

Въ настоящее время обрѣзка привитыхъ деревъ считается самымъ необходимымъ искусствомъ садовода. Принося пользу, дерево должно имѣть красивый видъ. Всѣ деревца должны имѣть одну форму, быть всѣ, какъ одно. Положимъ, они уже выросли болѣе сажени высоты, тогда ранней весной ихъ нужно обрѣзать на два аршина отъ земли. Всяше отпрыски въ нижней части уничтожаются острымъ ножемъ. Садоводъ оставить на всѣхъ деревцахъ одинаковое число вѣтокъ въ извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, приблизительно 3, 4, 5, 6, какъ ему угодно. Это составить корону дерева, раздѣленную на 3, 4, 5 или 6 главныхъ вѣтвей. И вѣтвямъ можно придать любую форму, чтобы росли шире или уже, можно и такъ ихъ разложить, чтобы росли горизонтально или кругло, или въ видѣ пирамиды, такъ какъ молодую вѣтку можно привязать къ колу въ землѣ какъ угодно, а она къ осени уже останется въ томъ положеніи, какое ей дали. (Фиг. 29, 30.)

Фиг. 29.



Фиг. 30.



А не хотимъ имѣть разныя искусственныя формы, желая предоставить деревья природѣ, оставимъ имъ для короны всѣмъ въ одной и той же высотѣ три, четыре или шесть вѣтвей и оставимъ ихъ такъ расти. Всетаки пріятно будетъ посмотрѣть, что они ростутъ ровно какъ фонари въ большихъ городахъ, всѣ одного роста и одной формы. Но обрѣзка не только придаетъ красивую форму дереву, она необходима и въ томъ отношеніи, что, не допуская лишнихъ вѣтвей, усиливаетъ его плодоношеніе.

Наши крестьяне, любящіе садоводство, но не знающіе его правилъ, грѣшатъ зачастую тѣмъ, что жалѣютъ на своихъ прививкахъ обрѣзывать вѣтви, отъ чего деревья получаютъ нехорошій видъ, или что садятъ ихъ слишкомъ густо, надѣясь получить отъ того больше пользы изъ отведенной на садикъ земли. Только впослѣдствіи убѣждаются, что то и другое вредно. Деревья разростаются, и одно мѣшаетъ росту другого, дѣлается гуща, тѣнь, и плодовъ не бываетъ. Все должно быть устроено разумно и съ расчетомъ на будущее. Дерево ростетъ десятками лѣтъ, а чтобы были на немъ плоды, ему нужно солнце.

Кромѣ садовыхъ деревьевъ, каждый, у кого есть мѣсто, долженъ развести у себя и шелковицу, и разные ягодные кусты: крыжовникъ, смородину, а для удовольствія и розу, жасминъ и проч. Раздобывъ нѣсколько вѣточекъ съ корнями хорошаго крыжовника или хорошей смородины, посадимъ ихъ въ чистую землю, гдѣ онѣ очень скоро разростутся, и тогда ежегодно, самое лучшее въ сентябрѣ мѣсяцѣ, можно ихъ дѣлить и разсаживать. Всякую вѣтку крыжовника можно въ маѣ или іюнѣ мѣсяцѣ пригнуть къ землѣ, прикрѣпить деревянною вилкою, присыпать это мѣсто землей, а верхушку вѣтви привязать къ палочкѣ, воткнутой въ землю. На мѣстѣ сгиба въ землѣ скоро образуются корни; въ сентябрѣ они уже готовы для пересадки. Подъ заборами въ тѣнистыхъ мѣстахъ любитъ рости малина; можно развести и клубнику самыхъ лучшихъ большихъ ароматныхъ породъ.

Въ цвѣтничкѣ царицей цвѣтовъ считается роза. Она веселитъ сердце человѣка своей красотой и своимъ благоуханіемъ. Обыкновенная порода благородной розы центифолія, т. е. столистная; но теперь есть сотни сортовъ еще лучшихъ, такъ называемыхъ чайныхъ. Онѣ всѣ прививаются на дикой розѣ, такъ называемомъ шиповникѣ. Накопай себѣ такихъ дикихъ розъ съ гладкими стволиками и разсади въ разныхъ мѣстахъ твоего огорода, а осенью постарайся достать вѣточекъ хорошихъ сортовъ, продержи ихъ зимою въ пескѣ въ холодномъ погребѣ и весной поочкуй твои дички шиповника на высотѣ 1½ или 2 аршиновъ отъ земли. На зиму пригни розы къ землѣ, прикрѣпи деревянными вилками и прикрой всю розу землей, а сверху и навозомъ. Нѣтъ ничего красивѣе такихъ высокоствольныхъ розъ, ростущихъ круглыми коронами, которыя усыпаны чудесными душистыми цвѣтами.

Если живешь въ болѣе тепломъ климатѣ, отведи себѣ кусокъ земли подъ виноградникъ. На югѣ Россіи превосходно удается виноградъ; онъ могъ бы быть и въ Подольской и Кіевской губерніяхъ, еслибы садить самую скоропоспѣвающую его породу. Такими считаются главнымъ образомъ двѣ породы—Прекосъ де Маленгръ (Precoce de Malingre) и Шаселя де Томери (Chasselas de Thomery). Первый созрѣваетъ уже въ іюлѣ мѣсяцѣ, второй во второй половинѣ августа.

Виноградъ любитъ сухую землю, особенно если въ ней есть известь. Въ сырой, холодной землѣ онъ не будетъ рости. Самое лучшее садить его подъ стѣнами домовъ или построекъ, обращенныхъ на югъ.

Виноградную лозу очень легко размножать. Тамъ, гдѣ виноградъ ростетъ, осенью его обрѣзываютъ и обрѣзанныя лозы выбрасываютъ. Взять такую лозу, очистить отъ листьевъ, разрѣзать на куски съ четырьмя глазками, закопать на зиму въ землю, весной откопать и садить эти куски въ землю наискось и такъ, чтобы два глазка было въ землѣ, а два надъ ней, и прилежно поливать. Въ землѣ образуются корни, а на лозахъ листья, и уже въ первомъ году онѣ достигнутъ ½ аршина или даже больше высоты. На зиму ихъ надо пригнуть, прикрыть землей, а сверху еще и навозомъ, а весной разсаживать на мѣста.

Осенью можно виноградную лозу рѣзать сколько угодно, весною же она не терпитъ обрѣзки, потому что изъ нея вытекаетъ тогда очень много соку, что весьма вредно.

Въ краяхъ, гдѣ виноградъ разводится въ большихъ размѣрахъ, осенью срѣзываютъ всю лозу до корня и прикапываютъ землей. На веснѣ являются новыя вѣтви, дающія богатыя грозди. Только въ очень тепломъ климатѣ, гдѣ морозовъ не бываетъ, оставляютъ ихъ рости десятками лѣтъ безъ обрѣзки, и тамъ, напр.,

на Кавказѣ, онѣ достигаютъ огромной высоты и толщины ствола на ¼ аршина въ діаметрѣ. Въ садахъ же и огородахъ болѣе холодныхъ странъ на зиму ихъ прикрываютъ землею и открываютъ только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Для своего удовольствія каждый хозяинъ можетъ посадить у себя хотя нѣсколько кустиковъ винограда возлѣ дома, что даетъ пріятную тѣнь, а осенью грозди.

Кромѣ плодовыхъ деревьевъ каждый владѣлецъ земли долженъ садить, гдѣ только есть соотвѣтственное мѣсто, и дикія деревья. Прежде всего, какъ уже выше сказано, заслуживаетъ вниманія шелковица, необходимая также и для разведенія шелковичныхъ червей.

Стоитъ у сѣменоторговцевъ весною купить за нѣсколько копѣекъ сѣмянъ бѣлой шелковицы (morus alba) и посѣять въ грядки, но не сразу, а сначала завязать сѣмена въ полотняную тряпочку и смачивать водой, когда же зерна начнутъ лопаться, посѣять ихъ въ очень чистую землю и окропить сейчасъ водой, а самое лучшее—посѣять подъ дождь. Шелковица взойдетъ прекрасно, сѣянцы заблестятъ зеленью и скоро выростутъ. Осенью можно ихъ уже разсаживать куда угодно въ чистую землю, или оставить въ питомникѣ на два-три года.

Въ сухихъ безлѣсныхъ сторонахъ сѣютъ акацію, которая выдерживаетъ самую большую засуху. Она годится на топливо, размножается и отъ корня, даетъ пчеламъ много меду и украшаетъ безлѣсныя страны. Ее сѣютъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда нельзя уже опасаться морозовъ. Акація выдерживаетъ довольно суровыя зимы, равно какъ и шелковица. Сѣмена ея висятъ въ стручкахъ на деревьяхъ всю зиму. На мѣстахъ сырыхъ и низменныхъ, гдѣ тоже немного лѣса, весьма полезно садить лозы и ивы. Онѣ даютъ пчеламъ много и самаго лучшаго меду, и перги; лоза годится для плетенія корзинъ, ива даетъ и топливо, и легкій матеріалъ на малыя постройки. Ивы два рода—мужескій и женскій; мужескій ростетъ и цвѣтетъ роскошно, онъ полезнѣе и для пчелъ, и какъ стрѣвой матеріалъ. Онѣ садятся палочками безъ корней.

А если гдѣ почва чисто песчаная, засѣйтс ее сосной и елями. Лучше имѣть рощу, чѣмъ сыпучій песокъ, безполезный и даже непріятный для глазъ. Въ другихъ странахъ облѣсили множество такихъ песчаныхъ пространствъ, приносящихъ теперь громадные доходы.

О садоводствѣ есть теперь много хорошихъ книжекъ и журналовъ на русскомъ языкѣ, изъ нихъ можно многому научиться и увидѣть, какъ люди усовершенствовали теперь эту пріятную и полезную науку.

Когда вы научитесь разводить множество прививокъ въ питомникахъ, и разсадите ихъ по вашимъ садамъ, и тогда не прекращайте того полезнаго труда, а старайтесь получить изъ питомниковъ все больше и больше прививокъ, имѣя въ виду не только свое собственное, но и общественное добро. Прежде всего постарайтесь хорошенькими прививками обсадить церковную ограду. Зачастую она лежитъ пусто, или обсажена только пустыми деревьями, которымъ мѣсто собственно въ лѣсу. Правда, что обсаженная липами ограда не только доставляетъ пріятный видъ, но и удобство и пользу. Деревья ограждаютъ церковь отъ пожара, даютъ пріятную тѣнь лѣтомъ народу въ промежуткахъ между утреннимъ богослуженіемъ и обѣдней; липа покормитъ и пчелъ ароматнымъ медомъ. Гдѣ онѣ уже ростутъ, оставить ихъ въ покоѣ, но гдѣ мѣсто пусто, насадить прививокъ яблоней и грушъ или черешней. Отъ того будетъ и пріятность, и польза. Обсадивъ ограду плодовыми деревьями, обратите ваше вниманіе на кладбище. Если оно ограждено, мо-

жете его обсадить липами, акаціями, шелковицами и плодовыми деревьями. Если оно не ограждено, засадите живую изгородь. Тутъ мѣсто и терніи въ перемежку съ акаціями, изъ которыхъ образуется изгородь какъ стѣна. Прискорбно смотрѣть на такое кладбище, которое не только не ограждено, но даже не окопано рвомъ, и по могиламъ отцовъ и братьевъ пасется скотъ, ломая кресты, и роютъ свиньи. Даже язычники почитаютъ мѣсто упокоенія своихъ ближнихъ, и всѣ просвѣщенные народы украшаютъ кладбища всякими прелестными растеніями и цвѣтами. Какъ же согласить такое равнодушіе и небреженіе къ такимъ освященнымъ мѣстамъ съ любовью христіанскою, которая не прекращается съ смертью тѣла, а продолжается безконечно! Плохо устроенное и заросшее сорными травами кладбище есть признакъ самой низкой ступени развитія христіанскаго общества, есть и срамъ для него.

Въ краяхъ, въ которыхъ болѣе развито садоводство, не только города и деревни утопаютъ въ садахъ, но плодовыми деревьями обсажены и улицы, и дороги; которыя приносятъ обществамъ громадный доходъ. Въ Моравіи, въ Чехіи, въ Венгріи, въ Германіи, въ Кроаціи и Славоніи и проч. стоятъ даже по пахатнымъ нивамъ громадныя деревья яблонь и грушъ, а дороги высажены сливами. Крестьянинъ пашетъ ниву и сѣетъ, а подъ грушей или яблонью въ тѣни онъ и не сѣетъ, потому что въ тѣни хлѣбъ не взрастетъ; но хоть онъ потеряетъ на томъ мѣстѣ 4 или и 6 сноповъ ржи или ячменя, ему вознаградить урожай плодовъ въ десятеро его потерю, когда дерево покроется массою яблоковъ или грушъ самыхъ лучшихъ сортовъ.

На это могутъ возразить наши люди, что у насъ, на Руси, это немыслимо, потому что у насъ и за высокимъ заборомъ не убережешь плодовъ отъ кражи, а тѣмъ менѣе могли бы они принести пользу на улицѣ или въ полѣ. Это вѣрно. Но послушайте, что я вамъ разскажу:

Въ 1870-тыхъ годахъ меня, въ товариществѣ съ двумя моими земляками, пригласили наши знакомые въ Вѣнѣ прибыть на открытіе читальни въ деревнѣ, отстоящей на 3 станціи желѣзной дороги отъ Вѣны. Былъ мѣсяцъ сентябрь, погода ясная. Открытіе читальни совершилось съ большимъ торжествомъ, а послѣ обѣда мы пошли въ сопровожденіи двухъ хозяевъ прогуляться по деревнѣ. Дома тамъ всѣ каменные, церковь величественная, школа трехъэтажная; народъ весь грамотенъ и зажиточенъ. Всѣ улицы высажены грушами первыхъ сортовъ ранними и поздними. На раннихъ не было уже плодовъ, но поздніе были ими густо покрыты. Подъ тѣми лежало множество опавшихъ грушъ, привлекающихъ проходя, щихъ своимъ желтымъ или краснобѣлымъ цвѣтами. Но эти груши лежали покойно. Туда не проходилъ ни скотъ, ни свиньи, а люди не обращали на нихъ внимашя, гуляя по тротуарамъ. Я спросилъ одного нѣмца: развѣ у васъ нѣтъ ребятишекъ, что груши лежатъ такъ покойно подъ деревьями?—Ребятишки, сказалъ онъ, есть у насъ, но они не тронутъ ни одной груши во-первыхъ потому, что у нихъ есть свои до пресыщенія, а во-вторыхъ, что это чужое общественное добро. Мы сдаемъ въ аренду всѣ плоды по улицамъ и дорогамъ и это дѣло ребятишекъ вечеромъ убирать всѣ опавшіе плоды. Вотъ и подумалъ я: когда же и у насъ такъ будетъ?

И будетъ непремѣнно, когда люди болѣе возлюбятъ святую церковь, и Божій законъ войдетъ имъ въ плоть и кровь, и когда молодежь обучится въ школахъ грамотѣ, заведетъ вездѣ, гдѣ климатъ благопріятенъ, питомники, и прививками обсадитъ также улицы и дороги и ограды церковныя и вообще всякія къ тому

удобныя мѣста, и тоже будетъ воспитана въ такой честности, чтобы ни за что не дотронуться чужаго, имѣя, а хотя бы и не имѣя свое собственное.

Можно пожелать, чтобы скорѣе такъ сдѣлалось!

Но какъ все въ мірѣ, и садоводство имѣетъ много враговъ. Кромѣ злаго человѣка, вора и пакостника, не только обирающаго плоды, но и ломающаго вѣтви и цѣлыя молодыя надежныя деревья, есть еще другіе, меньшіе, но множествомъ своимъ опасные враги. Ты привилъ вѣточку, и привилъ какъ слѣдуетъ по всѣмъ правиламъ садоводнаго искусства, и не смотришь ежедневно, что съ ней дѣлается, но чрезъ нѣсколько дней придешь, и видишь, что глазковъ на черенкѣ нѣтъ. Они выгрызены совершенно. Прилетѣлъ пакостникъ, маленькій *жучекъ долгоносикъ*, и съѣлъ и высосалъ все. Иногда выростетъ новый глазикъ, иногда пропало все, и жди окулировки. Такъ поѣдаютъ только что развивающіеся глазки прививокъ маленьніе черви, и какъ трудно за всѣмъ досмотрѣть! Что же говорить о майскихъ жукахъ, какое опустошеніе они дѣлаютъ по цвѣтущимъ садамъ! Только слава Богу, что они не ежегодно бываютъ. Врагомъ прививокъ бываютъ и муравьи, и садоводъ долженъ имѣть бдительный глазъ и за ними. А уже обязательно должны *всѣ* сельскіе хозяева, имѣющіе плодовыя деревья, зимою убрать изъ вѣтокъ висящіе массами засушенные листики, въ которыхъ зимуютъ маленьніе черви, дожидаясь теплаго весенняго солнца. Уберетъ одинъ, другой—мало того; убирать должны *всѣ*, какъ по закону, такъ какъ отъ одного сада они переходятъ на другіе, и уничтожаютъ и цвѣтъ и листья. Но когда всѣ оберутъ и сожгутъ пакостниковъ, сады останутся въ покоѣ. Кромѣ червей, кроющихся въ сухпхъ листикахъ, бываютъ еще по вѣткамъ кольца съ сотнями твердыхъ яичекъ, на которыя долженъ садоводъ тоже обращать свое вниманіе.

Врагомъ садоводству бываетъ и слишкомъ суровый до 30° доходящій морозъ. Особенно опасенъ онъ сливамъ и грушамъ, даже яблонямъ, преимущественно же самымъ лучшимъ сортамъ. Благоразумный садоводъ обвяжетъ свои молодыя прививки соломой, пока онѣ не окрѣпнутъ, и морозы будутъ имъ меньше вредны. Въ странахъ, гдѣ много дичи, зайцы считаются главными врагами молодыхъ прививокъ. Заберется зимой во время мятели заяцъ, можетъ уничтожить въ одну ночь цѣлый молодой садикъ, сгрызывая кору прививокъ до самого корня. Потому необходимъ для молодаго сада порядочный заборъ. Большія прививки не подвергаются такой опасности.

ПЧЕЛОВОДСТВО.

Въ одной небольшой чешской деревушкѣ жилъ уже довольно давно честный рабочій, по имени Николай, у котораго было трое дѣтей, лишившихся матери. Все его имущество заключалось въ бѣдной избѣ, а добытый тяжелымъ трудомъ ежедневный заработокъ уходилъ на самую скудную пищу. Но онъ никогда не жаловался на свою бѣдность, потому что Богъ далъ ему здоровье, по милости же Вожіей—онъ трудолюбивъ, имѣетъ благочестивое христіанское сердце, а это таїя сокровища, обладая которыми и бѣднякъ дѣлается счастливымъ.

Но бываетъ, что „его же Богъ любитъ, наказуетъ“. И Николая постигло горе, ужасное горе! Онъ упалъ съ лѣстницы и сломалъ ногу. Хотя онъ вылѣчился, однако уже навсегда остался неспособнымъ къ тяжелому труду, и съ тѣхъ поръ въ его бѣдной избушкѣ поселились голодъ и нужда. Что-же оставалось ему дѣлать несчастному?—Взять въ руки костыль и суму.

Пошелъ онъ по міру, взявъ вмѣсто сумы, по тамошнему обычаю, корзинку, и, заливаясь слезами, обошелъ ближайшую большую деревню, но къ кому ни обращался за помощью, всякій отвѣчалъ ему: „Богъ тебѣ помоги“, только нѣсколько милосердныхъ людей опустили въ его корзину по небольшому куску чернаго хлѣба.

Какъ прокормлю я моихъ дѣтокъ! подумалъ несчастный, идя обратно домой. Дорога шла въ гору, потъ крупными каплями катился по его лицу, такъ какъ іюньскій день былъ очень жарокъ. Близъ дороги стоялъ большой дубъ, а возлѣ него протекалъ ключъ чистой воды; вокругъ изумрудной скатертью зеленѣла трава.

Перекрестился Николай, поблагодарилъ Бога за окружающую его благодать, вынулъ изъ корзины краюшку хлѣба, обмакнулъ ее въ воду и началъ ѣсть. Ахъ, какъ онъ вкусенъ, святой хлѣбушка! Съѣлъ онъ одну краюшку—еще хочется, но вспомнивъ о своихъ голодныхъ дѣтяхъ, бѣднякъ закрылъ корзинку и подумалъ при этомъ: Боже милостивый! черезъ сколько пороговъ переступилъ я, у скольких богатыхъ людей просилъ хлѣба, но они скупы и сваливаютъ свой христіанскій долгъ на Бога. Развѣ Богъ можетъ дать мнѣ хлѣба? Развѣ пошлетъ черезъ воронова, какъ пророку Иліи! Нынче такихъ чудесъ не бываетъ, и я умеръ бы съ голоду, еслибы сталъ ждать подобнаго чуда. Но можетъ быть я и грѣшу, говорю какъ язычникъ, неимѣющій вѣры.—Нѣтъ, Богъ не оставитъ меня и моихъ дѣтей. Онъ указалъ намъ на птицы небесныя, которыя не сѣютъ, не жнутъ, и Господь кормитъ ихъ, и на цвѣты въ полѣ, которые Онъ одѣваетъ такъ великолѣпно,—лучше, чѣмъ является самъ царь Соломонъ въ славѣ своей. Мы же лучше птицъ небесныхъ, и,—ставъ на колѣна, онъ усердно сталъ молиться, преклонивъ голову къ землѣ.

Когда онъ въ такомъ видѣ слезно молился, вдругъ что-то надъ нимъ зашумѣло. Онъ поднялся и видитъ, что его окружаетъ огромный рой пчелъ, ищущій мѣста для отдыха. Сначала Николай испугался, но давно, еще въ дѣтствѣ онъ бывалъ на пасѣкѣ и нѣсколько ознакомился съ нравами пчелъ, а потому и подумалъ, что не нападутъ онѣ на меня и не зажалятъ; ихъ цѣль совсѣмъ не та, онѣ ищутъ себѣ новоселья. И видитъ онъ, что пчелы густымъ клубомъ собрались около его корзины, на которой сѣла матка, и покрыли ее какъ толстой шубой, все еще

шумя, но ни одна не ужалила его. Онъ подошелъ къ корзинкѣ и осторожно, чтобы ихъ не раздражить, вынулъ изъ нея оставшіяся въ ней нѣсколько краюшекъ хлѣба, спряталъ ихъ за пазуху и въ карманы, а пчелки, найдя отверстіе, вслѣдъ за маткой съ шумомъ вошли всѣ въ корзинку. Сверху осталось ихъ еще нѣсколько, но Николай сорвалъ нѣсколько стебельковъ травы, смочилъ ихъ водою и окропилъ пчелъ. Думая, что это дождь, пчелы поспѣшно всѣ вошли въ корзинку и тамъ утихли.

Господи! молился Николай, развѣ это не тѣ вороны, чрезъ которыхъ ты и мнѣ, подобно святому пророку Иліи, посылаешь хлѣбъ!—Я слышалъ, что многіе разводить изъ одного такого пришлаго роя громадную пасѣку. Не ты ли, Господи, Самъ послалъ мнѣ этихъ пчелокъ, чтобы я, неспособный къ другой работѣ, прокормился ихъ трудомъ вићстѣ съ дѣтьми моими?

Затѣмъ сбросилъ онъ свою холщевую одежду, скрутилъ перевязь изъ травы, завязалъ корзинку, чтобы пчелы не улетѣли, и такъ понесъ ихъ домой.

Дѣти вышли къ нему на встрѣчу, дожидаясь хлѣба, но крайне удивились, узнавъ, что въ корзинкѣ не хлѣбъ, а пчелы.

Николай поставилъ корзинку на скамейку близъ избы, раздѣлилъ хлѣбъ голоднымъ дѣтямъ и разсказалъ имъ о милосердіи Всемогущаго Бога, пославшаго въ его корзинку рой, который при благословеніи Его можетъ быть началомъ ихъ благоденствія.

Когда пчелы утихли, онъ оборотилъ корзину отверстіемъ къ скамейкѣ, осторожно развязалъ и вынулъ свою холщевую одежду, поскорѣе размѣсилъ глину съ мякиной, обмазалъ ею всю корзину, вырѣзалъ въ ней ножемъ летокъ, а внизу, тамъ, гдѣ корзина прилегала къ скамейкѣ, густо налѣпилъ глины, чтобы пчелы не выходили скважинками, а только однимъ леткомъ.

Пчелы вышли на летокъ, стали осматривать свое новоселье, и имъ сразу понравилось у бѣднаго человѣка, давшаго имъ пріютъ. На тепломъ воздухѣ глина скоро высохла, Николай накрылъ корзинку кускомъ старой толстой доски, и на радость его и дѣтей пчелки двинулись въ поле, весело возвращались съ богатою ношею, и внутри началась уже постройка сотовъ, чтобы было гдѣ складывать медъ и цвѣточную пыль. О какъ рады были Николай и его дѣти такимъ работницамъ!

Только три года пришлось доброму Николаю нищенствовать и просить у другихъ хлѣба, на четвертомъ году было у него уже 40 ульевъ пчелъ, и доходомъ отъ меда и воска онъ кормилъ и себя и семейство, на старости же лѣтъ сталъ богатымъ пчеловодомъ. Слава о его пасѣкѣ разнеслась далеко по цѣлому краю, и грамотные люди записали его весьма практическіи поучешя о пчелахъ и ихъ природѣ.

1. Старое и новое научное пчеловодство.

Съ древнихъ временъ пчеловодство было любимымъ занятіемъ нашего русскаго народа. На огромныхъ пространствахъ святой Руси, покрытыхъ въ старое время и на югѣ лѣсами и разнаго рода кустами и травами, были неисчерпаемые источники меду, и пасѣки разводились при небольшомъ уходѣ и давали народу и деньги, и пріятную пищу, и здоровый напитокъ. Въ храмахъ Божіихъ горѣли большія свѣчи изъ чистаго воску во славу Божію, какъ жертва отъ благодарныхъ сердецъ благочестивыхъ людей. Русскій медъ и воскъ были предметами обширной торговли съ иностранцами, о чемъ писали въ старыхъ книгахъ.

Земля русская осталась и теперь та же, и еще очень, очень много прибавилось къ ней на востокѣ и на югѣ. Прибавился Кавказъ, который въ старину тоже славился пчеловодствомъ, прибавилась неизмѣримая Сибирь—золотое дно. Въ сред-

ней и южной своей части течетъ она и до нынѣ млекомъ и медомъ, но Россіи еще мало пользуется этими богатствами вслѣдствіе слишкомъ малаго няселенія.

Въ старину никто не учился пчеловодству, оно велось первобытнымъ образомъ. Выдолбятъ круглую колоду, снабдятъ ее „снозами“ (крестами) и *колодезнею* или заголовкомъ и отверстіемъ съ должеей (затворомъ) — вотъ и все искусство старыхъ пчеловодовъ. Такъ ведется пчеловодство во многихъ странахъ еще и теперь, и тысячи пчеловодовъ, получая нынѣ громадные доходы отъ пчелъ по старой системѣ, и слышать не хотятъ о разумномъ или раціональномъ веденіи пчелъ. Но бываетъ и такъ, что и самые упрямые старые пчеловоды, которые имѣютъ случай сравнить свои доходы съ доходами рацiональныхъ пчеловодовъ, при одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ, убѣждаются, что старое было хорошо, но новое лучше и это лучшее, бываетъ не только въ пчеловодствѣ, но и вообще во всякой отрасли человѣческаго промысла. Сравните первобытную телѣгу жителя восточной Сибири съ ея первобытными колесами, сбитыми изъ толстыхъ досокъ, въ которыхъ проверчена дыра для оси безъ головъ и спицъ, съ нашимъ паровозомъ,—кто же скажетъ, что телѣга лучше его устроена, что старое лучше новаго? Сравните также работу на швейной машинѣ со старымъ способомъ шитья, и кто же не отдастъ предпочтенія новому изобрѣтенію? Точно также приблизительно можно сравнить и старую систему веденія пчелъ съ новою. Старый пчеловодъ зналъ только, какъ выдолбить колоду и всыпать въ нее рой. Даль Богъ хорошее лѣто, онъ подрѣзывалъ соты съ медомъ или ставилъ меньшіе ульи на подкопы и наполнялъ бочки медомъ; случилось плохое лѣто, не наносили пчелки меду—ну и погибали. Зимой отмирала половина или двѣ трети пчелъ, онъ вынималъ изъ погибшаго улья вощину и топилъ ее на воскъ; когда же Богъ опять давалъ благопріятное лѣто, то въ два года или больше онъ могъ снова похвастаться многочисленной пасѣкой. Изъ всей науки пчеловодства извѣстно было только то, что наблюдалось на практикѣ. Пчеловодъ зналъ, что въ каждомъ ульѣ должна быть матка, и по наивности своей думалъ, что она управляетъ роемъ и распоряжается всею работою въ ульѣ; онъ не зналъ, что такое трутень, и до сихъ поръ простой малороссъ зоветъ его „музыкой“, т. е. музыкантомъ, котораго обязанность играть на свадьбѣ матки; нѣкоторые думали еще, что эти „музыки“ въ свободное время носятъ пчеламъ воду; нападеніе пчелъ другъ на друга считалось дѣломъ враговъ, „посылающихъ“ своихъ пчелъ на разбой,—отъ этого между пасѣчниками происходили частыя ссоры и драки. Откуда берется воскъ, тоже было неизвѣстно; полагали, что пчелы собираютъ его готовымъ съ цвѣтовъ и приносятъ его на заднихъ ножкахъ въ улей, гдѣ строятъ изъ него соты, поэтому малороссы и до сихъ поръ обножку называютъ „работой“, тоже названіе даютъ они и вощинѣ. „Пчелы несутъ уже работу“ — значитъ по ихнему, что пчелы носятъ уже обножку. А сколько было еще разнаго рода суевѣрій у старыхъ пчеловодовъ!.. Нѣкоторые не пускали никого на пасѣку, боясь, чтобы не сглазить пчелъ; у нѣкоторыхъ пчеловодовъ по наслѣдству передавался кусокъ засушеннаго „волчьяго горла“, которое въ первые дни весны вставлялось въ летокъ, чтобы пчелы, пройдя черезъ него, стали такими же лютыми, какъ волкъ, т. с. могли отразить всякое нападеніе на ихъ улей чужихъ пчелъ. Самымъ вреднымъ суевѣріемъ было то, что пчеловоды, имѣющіе хорошую пасѣку, ни за что не продавали пчелъ другимъ на разводъ, а выбивали ихъ осенью, такъ что другіе, желавшіе завести насѣку, не могли нигдѣ добыть пчелъ, а потому старались или поймать

какой нибудь блуждающій рой или украсть. Но самое ужасное, что дѣлали злобные и невѣжественные старые пасѣчники — это отравленіе пчелъ дрожжами. Такой невѣжда пчеловодъ не зналъ, что не тотъ виноватъ, *чьи* пчелы идутъ на разбой, а тотъ, *на чьихъ* пчелы идутъ чужія, и мстилъ невинному сосѣду за то, что у него пчелы въ порядкѣ, тѣмъ, что уносилъ подвергшійся нападенію улей, а на его мѣсто ставилъ пустой, вымазавъ его внутри медомъ, размѣшаннымъ съ дрожжами или другой растительной отравой. Пчелы сосѣда прилетали, шли въ улей, собирали отравленный медъ и несли въ пасѣку *чуму-милецъ*. Тогда невѣжественный человѣкъ приходилъ въ восторгъ. Но не долго продолжалось торжество его. На зараженные ульи сосѣда шли и его сильныя пчелы и приносили въ его пасѣку ту же чуму. Не менѣе злобныя штуки продѣлывались и на Полѣсьѣ (Минской и Могилевской губерніи), гдѣ пчелы живутъ еще почти въ дикомъ состояніи. Тамъ считается грѣхомъ снимать рой. Онъ свободенъ, и долженъ самъ себѣ найти мѣсто, и удивительно, что тамъ пчелы неохотно осядутъ въ ульѣ. Тамъ есть только владѣльцы ульевъ, разставленныхъ по лѣсамъ, по деревьямъ, а пчелы для всѣхъ общія. Въ чей улей войдетъ рой, того и счастье, тотъ имъ и пользуется. Вотъ тутъ то и бываетъ, что злобные невѣжды намажутъ летки пустыхъ ульевъ старымъ саломъ или керосиномъ, и уже рой туда не войдетъ. Хозяинъ улья ждетъ, что онъ наполнится пчелами, и уже не въ пору узнаетъ, почему его ульи остались пустыми.

Такъ водилось и водится еще и до сихъ поръ старое пчеловодство—первобытнымъ способомъ. Оно представляло много удобствъ и выгодъ, но бывали и громадныя потери, да кромѣ того являлись распря и вражда между пчеловодами.

Что же такое раціональное или разумное пчеловодство?

Всякій промыселъ можетъ быть раціональнымъ т. е. разумнымъ и менѣе раціональнымъ, смотря по тому, какіе люди, разумные или невѣжды, занимаются имъ.

Выше обрисованъ былъ вкратцѣ образчикъ малораціональнаго нервобытнаго пчеловодства.

Представимъ теперь образчикъ раціональнаго.

Раціональный пчеловодъ держитъ только такіе ульи, въ которыхъ каждый сотъ подвиженъ, такъ что можно его безъ вреда для пчелъ вынуть и опять вставить на то же самое или другое мѣсто, смотря по надобности. А такъ какъ всѣ ульи сдѣланы по одной мѣрѣ, и каждая рама годится для всѣхъ ульевъ въ пасѣкѣ, то такой улей представляетъ какъ бы книгу, каждый листъ которой можно съ обѣихъ сторонъ осмотрѣть и все увидѣть такъ же ясно, какъ буквы въ книгѣ. Вынувъ раму изъ улья, видимъ на вощинѣ ходящихъ пчелъ, если захотимъ и матку и яички въ ячейкахъ и черву, некрытую и крытую, два рода ячеекъ и два рода личинокъ, ячейки пчелиныя и трутиевыя и черву пчелиную и трутневую, кромѣ того и маточники, а въ другихъ ячейкахъ запасъ меду и перги (цвѣточной пыли), плотно упакованной.

Наблюдая за всѣмъ, что происходитъ на нашихъ глазахъ на вощинѣ, видимъ часто, какъ матка, отличающаяся отъ другихъ пчелъ своею величиной и болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ, кладетъ въ ячейки яички. Прежде она осматриваетъ дно ячейки, нѣтъ ли тамъ уже яичка или капельки меду, а затѣмъ, ухватившись когтями (крючками) передпихъ ногъ за ближайшую ячейку, впускаетъ въ осмотрѣнную ячейку брюшко, и изъ него выскакиваетъ яичко, которое само прилѣпляется однимъ концомъ ко дну ячейки, стоя въ немъ немножко наискось. Такъ сопровождаемая кучкою пчелъ ходитъ она отъ ячейки къ ячейкѣ и наливаетъ расплодъ, пчелы ее лобзаютъ, служатъ ей и обильно кормятъ ее пищей, приготовляемой въ ихъ же-

лудкахъ, а кормятъ такъ потому, что теряя много соковъ на производство яичекъ, она нуждается въ обильной пищѣ. Въ сутки матка кладетъ до 3,000 и болѣе яичекъ, смотря по степени тепла и силѣ пчелъ и по количеству взятка. Осмотрѣвъ яички, посмотримъ и на черву или личинки разнаго возраста. Пролежавъ трое сутокъ въ ячейкѣ, яичко лопается, и изъ него выходитъ крохотный червячокъ, который ложится на дно ячейки въ формѣ серпа. Пчелы тщательно его кормятъ, заливая бѣлымъ молочкомъ, въ которомъ червячокъ плаваетъ и очень скоро ростетъ. Уже на третій день онъ заполняетъ все дно ячейки—толстѣетъ, а на пятый день занимаетъ почти всю ячейку. Пища его теперь уже не чистое молочко, а съ пергой, она вся идетъ на его ростъ, ничего не остается на днѣ ячейки. Когда червячекъ уже заполнилъ всю ячейку, пчелы его закрываютъ, запечатываютъ покрышкой и прекращаютъ кормленіе. Тогда онъ выпрямляется и, облекаясь очень тоненькою тканью, превращается въ куколку, у которой видны уже глазки язычекъ въ хоботкѣ, начатки крыльевъ, ноги и проч. Сначала вся куколка бѣла, а затѣмъ становится все темнѣе, а чрезъ 12 дней заключенія въ ячейкѣ изъ нея выгрызается клещиками готовая пчелка и выходитъ на вощину, гдѣ сестрицы принимаютъ ее, кормятъ и ухаживаютъ за ней. Трутень ростетъ до закрытія ячейки въ $5^1/_2$ дней и въ заключеніи остается на $3^1/_2$ дня долѣе рабочей пчелы. Напротивъ матка, душа всего роя, именно потому, что она очень нужна рою, уже черезъ 17 дней отъ дня положенія яичка выгрызается изъ маточника совершенно готовою къ лету. Все это разумный пчеловодъ можетъ видѣть и точно провѣрить въ рамочныхъ ульяхъ. Напримѣръ: можетъ показаться невозможнымъ, что матка въ состояніи въ одни сутки насѣять 3,000 и болѣе яичекъ. Убѣдитесь своими глазами. Одинъ квадратный дюймъ вощины вмѣщаетъ въ себѣ ровно 50 пчелиныхъ ячеекъ, 25 съ одной и столько же съ другой стороны. На 3,000 ячеекъ нужно 60 квадратныхъ дюймовъ вощины. Возьмите раму, въ которой будетъ пустой пчелиной вощины на 9 дюймовъ въ длину и 7 дюймовъ въ ширину, значитъ 63 дюйма, т. е. 3,150 ячеекъ; вложивши ее напримѣръ въ 8 час. утра между двухъ наполненныхъ червой, медомъ и пергой рамокъ сильнаго улья, на слѣдующій день въ 8 час. осмотрите ее, и вы убѣдитесь, что не только всѣ ячейки будутъ засѣяны яичками, но пчелы еще пристроили кусокъ вощины, въ которой вы найдете тоже яички. Мы дали пчеламъ на 150 ячеекъ больше, потому что пчелы въ сутки хорошей погоды кое-что еще заполнятъ медомъ и пергой, но всетаки ячеекъ съ яичками будетъ не менѣе 3,000. Слѣдовательно это не пустая фраза, а вѣрный счетъ.

Итакъ раціональный пчеловодъ въ своемъ ульѣ видитъ все ясно. Онъ можетъ, смотря на черву, заранѣе высчитать, когда увеличится сила пчелъ той или другой семьи, слѣдовательно, когда можно дѣлать искусственные рои (отводки), онъ видитъ, какой въ ульѣ запасъ меду, перги, какова матка, здорова ли она или уже теряетъ производительность. Иногда матка бываетъ безъ передней ножки, а это уже порокъ,—она не можетъ держаться при насѣваніи яичекъ за другія ячейки, иногда она безъ середней или задней ноги, что составляетъ большой недостатокъ; иногда она мало червитъ или червитъ неправильно, т. е. среди пчелиной червы появляется и трутневая въ пчелинныхъ ячейкахъ, такъ что крышечки этихъ ячеекъ выше другихъ, что называется горбатою червою:—такая матка плоха. Видя все, можно во время и поправить всѣ недостатки. Въ тепломъ климатѣ существуетъ ужасная язва, это такъ называемая мотылица; въ рамочномъ ульѣ ее увидишь и уничтожишь; въ простомъ она недоступна, такъ какъ нельзя вынуть сотовъ и уничтожить на нихъ мотылицу. Въ простомъ ульѣ нельзя воспрепятство-

вать чрезмѣрному размноженію трутней, напрасно пожирающихъ массу меду; въ рамочныхъ же ульяхъ въ періодъ самаго большаго червленія трутневыя соты устраняются и возвращаются туда только тогда, когда въ ульѣ нѣтъ оплодотворенной матки, чтобы пчелы залили ихъ медомъ. Въ простомъ ульѣ нельзя воспрепятствовать чрезмѣрному роенію, отчего пчелы изроиваются до того, что и ройки эти безполезны, и выроившіеся ульи совершенно ослабѣваютъ. Въ рамочныхъ ульяхъ дѣлаются искусственные рои, или если допущены природные, такъ только по мѣрѣ надобности, по одному или по два съ улья, а въ необыкновенно богатые взяткомъ года и больные;—если же нужды въ рояхъ нѣтъ, пчеловодъ срываетъ маточники, и роеніе прекращается. Въ простыхъ ульяхъ трудно помочь слабому семейству; въ рамочныхъ же изъ самаго слабаго можно сдѣлать самое сильное, добавивъ ему раму съ крытою червою коричневаго цвѣта, которая уже на выходѣ. Такъ можно и распредѣлить по всѣмъ ульямъ медъ въ сотахъ сообразно потребностямъ и запасамъ пчелъ. Разумный пчеловодъ, хозяйничающій въ рамочныхъ ульяхъ, успѣетъ въ хорошій годъ получить вдвое или втрое больше меду, а въ плохой годъ его пчелы останутся на зиму съ гораздо большими запасами меду, чѣмъ въ простыхъ ульяхъ, потому что во время послѣднихъ дней взятка пчеловодъ не допуститъ матку червить, заблаговременно уничтожитъ трутней, а пчелы нанесутъ больше меду, имѣя незанятую червой вощину. Раціональный пчеловодъ возьметъ отъ своихъ пчелъ только одинъ чистый медъ, а вощину бережно спрячетъ на будущій годъ, чтобы она была готова на время взятка для наполненія ея медомъ. Простой пчеловодъ выбиваетъ вощину вмѣстѣ съ медомъ, получая за нее едва $^{1}/_{10}$ ея настоящей стоимости, какъ готоваго сосуда для меда.

Вотъ въ чемъ состоитъ разница между простымъ и раціональнымъ пчеловодствомъ. Но чтобы быть раціональнымъ пчеловодомъ, прежде всего нужно знать теорію пчеловодства.

2. Теорія пчеловодства.

Есть три рода пчелъ: 1) матка, 2) рабочая пчела и 3) трутень.

Матка—это пчела женскаго рода. Она не имѣетъ никакого другого назначенія, кромѣ червленія. Рабочая пчела—тоже особа женскаго рода, но не доразвитая. Она производитъ воскъ, строитъ соты, кормитъ дѣтву, чиститъ ячейки, запечатываетъ ихъ, приноситъ съ поля медъ, обножку (пергу), воду и клей, поддерживаетъ въ ульѣ чистоту, защищаетъ улей отъ чужихъ пчелъ и другихъ враговъ. Трутень—пчела мужескаго рода, служитъ только для оплодотворенія матокъ, не занимается никакимъ другимъ дѣломъ, и пчелы прогоняютъ его или морятъ голодомъ, когда минуетъ надобность въ оплодотвореніи молодыхъ матокъ.

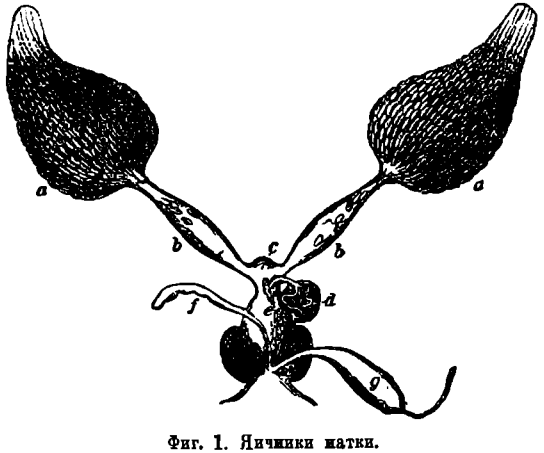
Главную силу въ роѣ составляютъ рабочія пчелы. У нихъ есть всѣ орудія, соотвѣтствующія ихъ работѣ. На головкѣ рабочей пчелы по обѣимъ сторонамъ громадные глаза, состоящіе изъ множества маленькихъ глазъ и кромѣ того на лбу еще три глаза, поэтому она видитъ и впереди, и сбоку, и позади. На лбу пчелы прикрѣплена пара щупальцевъ, которыми она обоняетъ и вѣроятно слышитъ. Подлетѣвъ къ цвѣтку, она прежде обнюхаетъ его щупальцами и узнаетъ, есть ли въ немъ медъ или пыль. Если нѣтъ—она летитъ къ другому. Такъ подлетѣвъ къ чужому улью, она сразу узнаетъ щупальцами, есть ли въ немъ матка, и нѣтъ ли какого безпорядка. Щупальцами она отличаетъ свою пчелу матку и трутня отъ чужихъ. Внизу головки у ней находится ротъ съ парой клещиковъ, которыми она грызетъ и держитъ, что нужно,

какъ зубами мнетъ и лѣпитъ вощину. Между клещиками помѣщается язычекъ въ хоботкѣ, которымъ пчела лакаетъ медъ изъ цвѣтовъ, и гдѣ найдетъ, и готовый. Головка соединена тонкой бѣлой шейкой съ грудною частью, на которой находятся сверху двѣ пары крыльевъ, а снизу три пары ногъ. Крылья не покрываютъ всего тѣла. Передшія ноги служатъ пчелѣ вмѣсто рукъ, ими она подметаетъ улей, а, набирая съ цвѣтовъ пыль, ими же подноситъ ее ко рту, пережевываетъ, смѣшивая съ медомъ, выпускаемымъ изъ брюшка, и на лету очень искусно набрасываетъ на задшія ножки, въ которыхъ находятся углубленія, называемыя корзинками. Брошенное въ корзинки передними лапками *обножье*, она прижимаетъ къ нимъ средними ножками, чтобы крѣпко держалось. Ножками пчелы держатся другъ за дружку и висятъ иногда длинными цѣпочками. За грудной частью помѣщается брюшко, состоящее вверху изъ шести полуколецъ, связанныхъ подъ брюшкомъ тоненькой кожицей съ такимъ же числомъ меньшихъ, полукруглыхъ, между которыми выпотѣваетъ пчела воскъ въ видѣ прозрачныхъ, какъ стекло, чешуекъ; изъ нихъ она и лѣпитъ ячейки; внутри же брюшка есть желудокъ, пузырекъ на медъ, и жало съ пузырькомъ яда.

Матка похожа на рабочую пчелу, только головка у ней болѣе кругла, клещики меньше, язычекъ короче, крылья еще менѣе, чѣмъ у пчелы, покрываютъ длинный животъ; ногъ у ней тоже шесть, съ когтями, но на заднихъ нѣтъ корзинокъ для обножки. У нея есть и жало, которымъ она никого не жалитъ, кромѣ другой матки, отъ чего ужаленная умираетъ моментально.

Трутень толще и чернѣе всѣхъ, у него клещики еще мельче, чѣмъ у матки, язычекъ короткій, крылья большія, покрывающія все его тѣло, жала же у него нѣтъ.

Всѣ эти три рода пчелъ рождаются изъ яичекъ, которыя насѣваетъ матка. Яички эти двоякаго рода: оплодотворенныя, или пчелиныя, изъ которыхъ рождаются пчелы и матки, и неоплодотворенныя, или трутневыя, изъ которыхъ рождаются только трутни. Здоровая плодотворная матка насѣваетъ яички по своей волѣ и по желанію пчелъ въ разныя ячейки. Ячейки же бываютъ троякаго рода: самыя мелшія или пчелиныя, гдѣ воспитываются рабочія пчелы, крупныя—трутневыя, гдѣ воспитываются трутни, и самыя крупныя—маточники, гдѣ воспитываются матки. Въ исключительныхъ случаяхъ пчелиное семейство можетъ воспитать для себя матку и изъ яичка, положеннаго въ пчелиную ячейку, или изъ однодневной или двухдневной личинки; онѣ тогда расширяютъ ячейку и передѣлываютъ ее въ маточникъ.

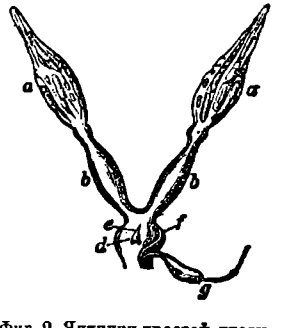


Фиг. 1. Яичники матки.

Въ брюшкѣ матки есть два большіе яичника (фиг. 1 *a*, *a*), въ которыхъ безпрестанно въ большомъ количествѣ назрѣваютъ яички и текутъ они неизсякаемо, какъ вода изъ источника. Изъ яичниковъ проходятъ яички двумя яйцеводными каналами *b*, *b*, въ большой яйцеводъ *e*, возлѣ котораго находится маленькая кишка и сѣменный пузырекъ *d*,

изъ котораго выходить сѣмя. Этотъ пузырекъ немного больше маковаго зерна (*f* кишечка, *g* пузырекъ съ ядомъ). Пока матка еще не оплодотворенная дѣвственная, онъ наполненъ чистою жидкостью какъ вода; поелѣ оплодотворенія, жидкость дѣлается бѣлой и становится гуще какъ сливки молока. Если яичко, выходя изъ яичниковъ, по пути соприкоснется съ сѣменемъ и оплодотворится имъ, то выйдетъ яичко пчелиное, если же пройдетъ свободно, не прикоснувшись къ сѣменному пузырьку, то выйдетъ неоплодотвореннымъ, т. е., трутневымъ. Это зависитъ отъ матки, прижать ли его или нѣтъ. А такъ какъ пчелиныя ячейки мелнія, то матка выпуская въ нихъ яичко, должна сжать брюшко, и потому яичко соприкасается съ сѣменнымъ пузырькомъ и выходить пчелинымъ, въ крупныя же трутневыя ячейки она выпускаетъ яички свободно, не прижимая ихъ къ сѣменному пузырьку, и яичко выходить неоплодотвореннымъ, или трутневымъ. Маточники же пчелы строятъ, дѣлая широкое дно и узкое отверстіе для того, чтобы матка клала въ нихъ пчелиныя яички; когда же яичко уже положено, пчелы расширяютъ маточникъ.

Но не каждая матка способна насѣвать пчелиныя яички. Для этого необходимо, чтобы она раньше въ воздухѣ облетѣлась съ трутнемъ, и притомъ разъ на всю жизнь. Вслѣдствіе этого сѣменной пузырекъ ел наполняется бѣлымъ сѣменемъ трутня, и этого сѣмени хватаетъ ей для оплодотворенія яичекъ года на три, иногда даже на четыре. Матка молодая, еще необлетѣвшаяся съ трутнемъ, совсѣмъ не кладетъ яицъ и называется дѣвственною; если же она вовсе не облетится, то остается неплодной, или трутневой, т. е. будетъ всетаки класть яички, только не пчелиныя—оплодотворенныя, а одни трутневыя (Parthenogenesis); вслѣдствіе чего семейство пчелъ должно погибнуть. Обыкновенно такая матка червитъ въ пчелиныя ячейки, но такъ какъ трутень больше пчелы, то червь не помѣщается въ ячейкѣ и выдвигается выше, вверхъ пласта; пчелы запечатываютъ ячейку, отчего образуются бугры или горбы, оттого такой заносъ называется *горбатой червой*. Если же пчелы потеряютъ молодую, еще неоплодотворенную матку, что случается хотя не часто при вылетѣ ея къ трутню, и некому червить, тогда избираютъ одну или нѣсколькихъ простыхъ рабочихъ пчелъ, кормятъ ихъ маточной пищей, и онѣ начинаютъ класть яички, частью пустыя, яловыя, частью трутневыя, но безъ всякаго порядка, не по одному, а по нѣсколько десятковъ въ одну ячейку, и не только по дну ячеекъ, но и по стѣнкамъ ихъ, даже на пергѣ и на меду. Такія пчелы называются *трутовками*. Никогда не выйдетъ изъ такихъ яичекъ ни одна пчела, потому что въ брюшкѣ рабочей пчелы есть дѣйствительно яичники (фиг. 2 *a*, *a*) и яйцеводы *b*, *b*, но, какъ фиг. показываетъ, нѣтъ сѣмяннаго пузырька и невозможно оплодотвореніе яичка. Такой улей только съ трудомъ можно спасти отъ гибели, такъ какъ пчелы съ трутовками не примутъ никакой другой даже плодной матки.



Фиг. 2. Яичники простой пчелы.

Ошибочно думаютъ нѣкоторые пчеловоды, что трутовокъ можно уничтожить такимъ образомъ: выгнать всѣхъ пчелъ изъ улья и высыпать ихъ на пасѣкѣ, тогда будто бы простыя пчелы полетятъ, а останутся трутовки, которыхъ нужно убить. Этого не бываетъ. Лѣчить улей съ трутовками можно не иначе, какъ только взявъ у такого улья *всю вощину*, кормить пчелъ сахаромъ съ водой; а по истеченіи трехъ или четырехъ

дней впустить къ нимъ молодую матку или дать доспѣлый наточникъ, который онѣ охотно примутъ, и трутовки исчезнуть.

О маткахъ надобно знать еще слѣдующее:

1) Въ каждомъ ульѣ можетъ быть только одна живая матка. Больше одной бываетъ только во время роенія, когда послѣ ухода старой матки съ первымъ роемъ остается въ ульѣ много маточниковъ, въ которыхъ сидятъ молодыя матки, частью еще не доспѣлыя, частью уже живыя и вполнѣ развитыя. Но и тогда на пластахъ можетъ ходить *только одна* та матка, которая раньше другихъ выгрызется изъ маточника; она сейчасъ и объявляетъ себя маткой своимъ пѣніемъ: ти-ти-ти-ти. Прочіи же матки, зная, что она уже объявила себя маткой, не смѣютъ выйти изъ маточниковъ, а сидятъ въ нихъ смирно, отвѣчая на голосъ поющей матки звуками, похожими на кваканье маленькихъ утятъ: тюй-тюй-тюй. Такъ онѣ дожидаются ухода второй матки со вторымъ роемъ, а пчелы кормятъ ихъ медомъ, просовывая язычки черезъ дырочки въ покрышкахъ маточниковъ. Когда же молодая матка уходитъ съ роемъ, онѣ вылетаютъ, а на пластахъ остается опять одна поющая матка и живыя и доспѣвающія молодыя въ маточникахъ. Но если бы случайно на пластахъ появились двѣ матки вмѣстѣ, то онѣ или зажалятъ другъ дружку, или сами пчелы непремѣнно задавятъ младшую.

2) Если смѣшаются рои со старыми матками (перваки), а пчелы, какъ извѣстно только въ одной нуждаются, то онѣ убиваютъ младшихъ, а оставляютъ старную матку, хотя съ вредомъ для себя, такъ какъ старная раньше теряетъ плодовитость.

3) Одновременно никогда не можетъ быть въ ульѣ молодая еще не оплодотворенная матка вмѣстѣ съ яичками и молодой червой на пластахъ. Это нужно знать неопытнымъ пчеловодамъ, которые дѣлаютъ отводки съ молодыми матками и, снабжая ихъ готовыми пластами изъ другихъ ульевъ, должны точно осмотрѣть влагаемые рою пласты, чтобы въ нихъ не было ни одного яичка и молодой дотрехдневной червы. Въ противномъ случаѣ пчелы тотчасъ убьютъ молодую матку, что весьма естественно; ибо, видя яички, онѣ заключаютъ, что въ ихъ средѣ находится старая плодная матка, слѣдовательно имъ молодая не нужна, поэтому бросаются на нее массою и задавлнваютъ. Съ удивленіемъ увидитъ пчеловодъ, что пчелы на слѣдующій день на заложенной молодой червѣ уже построили маточники, но отъ этого выйдетъ потеря времени, такъ какъ пчелы безъ *живой* матки не строятъ сотовъ, исключая иногда однѣхъ только трутневыхъ.

4) Между матками существуетъ удивительная ревность. Часто при выходѣ естественныхъ роевъ самыя лучшія матки вслѣдствіе этого погибаютъ. Выйдетъ рой одинъ со старой маткой, а другой съ молодыми, пчелы ири старой маткѣ стараются поскорѣе задавить и зажалить молодыхъ. Внизу улья происходить настоящая бойня. Иногда дѣло кончается тѣмъ, что всѣ молодыя матки остаются убитыми на днѣ улья. Но бываетъ и такъ, что старая матка благополучно сидитъ вверху, слышитъ писк задавлнваемыхъ молодыхъ матокъ на диѣ; сердитая спускается внизъ, чтобы жаломъ добить несчастныя жертвы; а тамъ среди пчелъ такая ярость, что онѣ, не разбирая, бросаются съ ожесточеніемъ на собственную матку и убиваютъ ее. Пчеловодъ удивляется, что за причина, что пчелы оставляютъ новый улей и идутъ обратно въ старый; но когда осмотритъ трупы матокъ, то найдетъ среди нихъ и старую плодную матку, а въ ней сѣмянной пузырекъ, который наполненъ бѣлою жидкостью—сѣменемъ. Въ такихъ случаяхъ лучше всего стараться изловить

въ рою всѣхъ матокъ и, посадивъ ихъ въ клѣточки, помѣстить въ улей. Пчелы сами укажутъ, которая у нихъ матка молодая и которая старая. Старую матку онѣ обсядутъ слегка, молодыхъ—густою массою съ ожесточеніемъ, стараясь просунуть головки между проволоками клѣточки.

5) Не матка управляетъ пчелами, а пчелы маткой. Она слѣпо исполняетъ ихъ указанія. Ошибочно думаютъ нѣкоторые, что матка первая вылетаетъ съ роемъ. Пчелы, намѣреваясь роиться, уже за нѣсколько дней до того доставляютъ маткѣ менѣе пищи, чтобы въ ея личинкахъ не производились яички и она легче и свободнѣе могла летать. Онѣ вылѣтаютъ впередъ, избираютъ мѣсто на вѣткѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, а матка идетъ за ними, выталкиваемая изъ улья остальными пчелами. Старая матка только съ большой неохотой идетъ съ роемъ. Она, насѣявъ яички въ начаткахъ маточниковъ и, видя, что пчелы ихъ строятъ, находится въ тревожномъ состояніи; она убила бы всѣхъ молодыхъ матокъ въ маточникахъ, но пчелы мѣшаютъ ей, когда желаютъ выходить съ роями. Такое же значеніе имѣетъ и пѣше молодой матки, вышедшей изъ маточника: она хотѣла бы убить всѣхъ младшихъ, квакающихъ еще въ маточникахъ, и дѣйствительно убиваетъ ихъ жаломъ, впустивъ его въ вершины маточниковъ, когда пчелы уже не хотятъ или не могутъ роиться. Это значитъ, что пчелы господствуютъ, а матка исполняетъ ихъ желанія волею или неволею.

6) Если пчелы съ маткой отъ голода осыпались и уснули, и если это случилось только два дня тому назадъ, то ихъ можно воскресить, окропивши ихъ въ теплой комнатѣ теплою сытою. Но такая воскрешенная матка, уже послѣ нѣсколькихъ недѣль, хотя была бы и молодая, теряетъ плодность и дѣлается трутневой маткой.

7) По величинѣ матки нельзя заключать о ея доброкачественности. Иногда маленькая матка бываетъ отличною; только очень тоненькія черныя и безъ волосковъ бываютъ обыкновенно состарѣвшіяся и ни къ чему негодныя. Матки изувѣченныя, безъ одной или двухъ ногъ, особенно безъ передней или задней ноги, необходимыхъ имъ при кладкѣ яичекъ (что бываетъ иногда вслѣдствіе паралича послѣ ужаленія матки чужой пчелой), не должны быть терпимы въ ульѣ. Матка, которая болѣе недѣли просидѣла запертою въ клѣточкѣ, не годится для вймовки. На практикѣ нѣтъ доказательствъ, чтобы свищевыя матки, т. е. воспитанныя изъ молоденькой однодневной или двухдневной пчелиной червы, были хуже роевыхъ молодыхъ матокъ.

8) У матки чрезвычайно развита способность запоминать мѣстность. Она никогда не залетитъ по ошибкѣ въ чужой улей, какъ это иногда именно въ вѣтренные дни случается съ рабочими пчелами. Когда рабочая пчела только на разстояніи 3—4 верстъ вокругъ находитъ обратно дорогу въ свою пасѣку, матка летитъ къ трутню, особенно когда ихъ весной еще мало, за 8 и 10 верстъ и возвращается въ свой улей иногда только на слѣдующій или даже на третій день. Такъ какъ она точно знаетъ свой улей во время ея вылета къ трутню (что бываетъ около третьяго дня послѣ новоселья, а въ старыхъ ульяхъ послѣ остановки роенія), то не слѣдуетъ ходить передъ такими ульями, чтобы не помѣшать возвращающейся съ проигры маткѣ попасть въ него, потому что она летитъ прямо въ свой улей и, заставши его закрытымъ, можетъ по неволѣ попасть въ другой, гдѣ ее пчелы зажалятъ. Пока молодая матка не оплодотворится, не производить въ ульѣ никакихъ операцій, не вынимать рамъ въ медометъ и пр.

9) Матка, чрезвычайно бойкая въ борьбѣ съ другими матками, весьма труслива въ ульѣ, душей котораго ее справедливо можно назвать. Она въ рамочныхъ ульяхъ умѣетъ прятаться подальше отъ должен и иногда уходитъ даже и съ пластовъ на стѣнки улья, чтобы не попасть въ руки человѣка. Поэтому когда ее приходится искать, то слѣдуетъ постучать съ противоположной стороны улья, и она непремѣнно уйдетъ напередъ, гдѣ ее можно сейчасъ поймать.

10) Если гдѣ нужно замѣнить малоплодную негодную матку, старую или изувѣченную, лучшею маткой, то слѣдуетъ ее задавить и, вложивъ въ клѣточку, опять вставить въ улей пчелаиъ. Онѣ скоро убѣдятся, что она погибла. Спустя два — три часа, надо натереть ея тѣломъ клѣточку и впустить въ нее новую матку, а останки трупа бросить въ улей. Утромъ на слѣдующій день можно новую матку выпустить безъ всякой для нея опасности. Также безъ всякой опасности можно старую матку или дѣвственную пустить въ тотъ улей, гдѣ на пластахъ нѣтъ никакихъ яичекъ или червы, но гдѣ *надъ ячейками съ пергой* построены маленьше маточники въ родѣ полукруглыхъ крышечекъ—это вѣрный признакъ того, что въ ульѣ нѣтъ совсѣмъ матки ни настоящей, ни трутовки, и пчелы охотно примутъ всякую другую.

Теперь перейдеиъ къ рабочиив пчелаиъ.

Рабочая пчела, какъ это выше было сказано, недоразвита, потому что ячейка ея очень тѣсна, и пища, которою ее кормили, не была такъ обильна, и такъ жирна, какъ та, которою кормятъ маточную черву. Поэтому она, хотя и гораздо меньше матки, но больше времени должна была провести въ ячейкѣ, пока не вышла изъ нея. Рабочая пчела была трое сутокъ яичкомъ, пять сутокъ личинкой, 12 сутокъ закрытой куколкой и только на 21-й день вышла изъ своей ячейки. Матка, какъ только выгрызлась изъ ячейки, тотчасъ и готова летать, а рабочая пчелка выходитъ изъ ячейки слабенькою, сѣренькою, едва можетъ ходить, какъ налеиькій ребенокъ. Ее еще цѣлую недѣлю кормятъ, пока она настолько окрѣпнетъ, что уже сможетъ выйти на летокъ и попробовать летать. А ей необходимо выйти, потому что въ брюшкѣ у ней накопилось много капу, отъ котораго она должна очиститься. Она, летая, осматриваетъ тщательно свой летокъ и улей, и другіе ульи, и деревья и, забравшись вверхъ, выпускаетъ изъ себя капъ; пролетится, но скоро утомляется и возвращается опять домой, гдѣ заставляютъ ее няньчить, кормить и грѣть маленькую и старшую черву и ѣсть медъ и пергу, чтобы выпотѣвать воскъ. И чувствуетъ она, что подъ брюшкомъ у ней есть уже чешуйки носка, и другія сестры видятъ это, снимаютъ ихъ переднимп лапками и клещиками и лѣпятъ изъ нихъ вощину, а все въ одну мѣру и ровненько, пчелинную поменьше, трутневую покрупнѣе; вотъ и она тоже начинаетъ дѣлать. Для производства самой вощины пчела болѣе всего способна въ первые дни своей жизни, поелѣ она становится уже менѣе способною къ произведенію воска и идетъ въ поле за взяткомъ п бойко собираетъ, что Богъ послалъ, медъ и обножку и смолу, или клей, который она тоже приноситъ на заднихъ лапкахъ, для заклейки всякихъ скважинъ въ ульѣ. Такъ пчелка сперва пѣсколько дней прослужила нянею, потомъ строила соты и паконецъ идетъ за взяткомъ въ поле.

Ахъ, Боже мой, сколько здѣсь добра! Какая благодать! Какіе цвѣты, какая роскошь! Не знаешь, что брать скорѣе, медокъ ли сладенькій или благовонную пыль цвѣтовъ. И знаетъ пчелка свое дѣло, никто ее этому и не училъ. Но не знаетъ опа только того, что всѣ радости па свѣтѣ измѣнчивы. Вотъ показалась

туча, подулъ вѣтеръ, обдало ее холодомъ. солнце скрылось — убирайся домой. Борется она съ вѣтромъ и еле-еле добирается домой, а многихъ захватилъ дождь во время усерднаго труда и потопилъ.

Добрая пчелка, милая, наша работница, но имѣетъ она и нехорошія качества. Прошелъ дождь, воздухъ охладился, наступила засуха. Цвѣты есть, но они не благоухаютъ, не было росы—нѣтъ и меду, скучно въ пасѣкѣ. Червы много, ее нужно кормить, а запасы меду исчерпываются. И такая добрая пчелка, которою мы такъ любовались, выходитъ на летокъ, летитъ, блуждаетъ по лѣсамъ и лугамъ и тощал возвращается домой; приходитъ ей охота посмотрѣть въ другихъ пасѣкахъ, какъ тамъ пчелы живутъ. У нея есть щупальцы, которыми она все разузнаетъ. Быстро летитъ она, выдвинувъ щупальцы, и приближается къ чужому летку, но тамъ не шутятъ съ нею. На леткѣ стоитъ караулъ, который смотритъ во всѣ стороны, и горе тому, кто приблизится. Только что она явилась, уже два—три сторожа схватили ее въ воздухѣ, бросили на землю, одни держатъ за ноги, другія за крылья, бѣда! Съ трудомъ ускользнувъ отъ этой гибели, она все-таки продолжаетъ свое дѣло, идетъ къ другому, третьему улью, но тамъ все въ порядкѣ: такъ же стража готова встрѣтить вора—грабителя и дать отпоръ. Обшнырявъ всю пасѣку, наконецъ наткнулась на такой летокъ, гдѣ что-то не ладно. Щупальцами обнюхаетъ она его—плохо, не пахнетъ ни матка, ни червa, народа мало, не гудятъ, не шумятъ, только тоненькій голосочекъ печально пищитъ, а ему диссонансомъ отвѣчаютъ изъ улья. Да, здѣсь найдется добыча; обрадовалась пчелка, попробовала войти; обнюхала ее караульная пчелка, но не въ состояніи препятствовать войти ей въ гости. Ношла и вотъ уже похитила больше капли меду. Приноситъ она его домой, ее осматриваютъ, всѣ зашумѣли, сопровождаютъ ее, она сложивъ добычу, идетъ къ летку, а за ней другія всѣ на добычу. Бѣдныя сироты защищаются, какъ могутъ, но грабители сильнѣе: берутъ мёдъ, начинается отчаянная свалка, но нападающихъ уже тысячи, онѣ одолѣваютъ. Ограбивъ слабаго, бросаются и на сильнаго сосѣда. А въ ихъ собственной пасѣкѣ сосѣди замѣтили, что въ одинъ улей носятъ медъ—летятъ вслѣдъ за грабителями, и началась война всѣхъ противу всѣхъ. Ужасное разореше! поссорились сосѣди пчеловоды, и изъ украденной пчелкою одной капли разгорѣлась страшная вражда. Воровъ заключили ночью въ тюрьму, въ холодный погребъ, множество труповъ осталось на полѣ битвы и на одной и на другой пасѣкѣ, и ослабѣла сила и грабителей и ограбленныхъ.

Итакъ любимъ мы пчелъ за то, что онѣ добрыя, трудолюбивыя, умныя, но сознаемъ, что у нихъ есть и очень нехорошее качество, именно: онѣ не умѣютъ уважать чужой собственности, и каждая пчела всегда готова на воровство и грабежъ.

Но изъ этого мы можемъ вывести непреложное заключеніе и правило—не держать никогда въ пасѣкѣ ни безматка, ни слабаго, вообще плохаго роя. Въ голодное безвзлточиое время надо съузить летви, а если увидишь шныряющихъ по пасѣкѣ черныхъ, быстро летающихъ, съ распростертыми задними ногами и обнюхивающихъ летки воровъ, караулъ! Сначала легко помочь бѣдѣ, спрятавъ слабый улей и съузивъ у другихъ летки, но когда уже нагрянетъ вся сила грабителей, тогда не обойдется безъ большихъ потерь. Вотъ такимъ образомъ и пчелки—воровки учатъ насъ уму разуму. Даже эту скверную черту характера бережливая мать природа дала пчелѣ для того, чтобы ея добро не пропадало. Въ старину пчелы дико водились въ лѣсахъ, въ дуплахъ громадныхъ деревъ. Накопили пчелы

громадные запасы меду, но случилось, что молодая матка, вышедшая поздно осенью, не успѣла облетѣться съ трутнемъ и осталась на зиму дѣвственною; весною она окажется трутневою, и для пчелъ нѣтъ уже спасенія. Вотъ и идутъ изъ другихъ дуплъ ревизоры; понюхаютъ — плохо: изъ улья вонь, онъ весь испачканъ, открытый медъ портится, скисъ, некому его держать въ порядкѣ. Возьмемъ, думаютъ залетныя пчелы отъ хорошей матки, это сокровище, оно намъ понадобится, ну и возьмутъ. И намъ нельзя за это сердиться на бережливую мать природу, а только слѣдуетъ постараться, чтобы не было у насъ плохихъ пчелиныхъ семействъ; будемъ держать только здоровыхъ, сильныхъ пчелъ съ хорошими запасами меду, съ доброю маткою, крѣпкимъ рабочимъ людомъ и бдительнымъ карауломъ на леткахъ.

Но сколько смышленности у пчелы! Великіе мудрецы изслѣдуютъ природу ея уже въ теченіи цѣлой тысячи лѣтъ и многое уже узнали, но всетаки еще не все. У пчелъ нѣтъ способности говорить, но онѣ видимо совѣщаются другъ съ другомъ и приходятъ къ тому или другому рѣшенію вопроса. Напр., пропала матка, или взяли ее изъ улья; не прошло и часа, уже всѣ знаютъ объ этомъ; если червы въ ульѣ нѣтъ, то это становится извѣстнымъ даже раньше часа времени, уже черезъ нѣсколько минуть; если черва есть, то онѣ совѣщаются, которую изъ личинокъ избрать для будущей матки, а пропадетъ матка нѣтъ червы, семьѣ грозить опасность гибели. Смотрите, какъ суетятся пчелы въ ульѣ и вверху и внизу, всѣ въ движеніи, бѣготня и на ульѣ, особенно ниже летка, это онѣ ищутъ матку, полагая не упала ли она. Какое отчаяніе, какое замѣшательство! Дайте тогда имъ какую хотите матку, всякую примутъ, а нѣтъ матки, дайте пластинку съ молодой червою, и въ минуту все стихнетъ; есть возможность воспитать матку. Всѣ пчелы сейчасъ войдутъ въ улей, всѣ рады и счастливы. Откроешь улей, уже не слышишь того продолжительнаго шума, знакомаго пчеловодамъ, по которымъ узнается безматокъ. А какая сила характера у пчелъ! Кромѣ невозможности получить матку на мѣсто погибшей и неоставившей яичекъ или молодой червы, и одолѣвающей ихъ силу мотылицѣ нѣтъ такого горя, которое могло бы повергнуть ихъ въ отчаяніе. Напр., упалъ улей и оборвались пласты, но матка и порядочная сила пчелъ живы. Посмотрите, какъ онѣ въ такомъ горѣ начнутъ спасать свой домъ и свое имущество. Какіе тамъ въ мигъ найдутся инженеры и архитекторы, какъ сообразятъ онѣ, съ чего начать дѣло, что скорѣе спасать, что нужно уничтожить, что укрѣпить, какъ спасти по возможности черву! Чтобы спасти одну часть ея, надо другую высосать и выбросить; на все у нихъ готовь совѣть; смотришь и удивляешься ихъ мудрости. Вотъ разскажу вамъ, что видѣлъ я, пишущій эти строки. Въ 1862 году въ одинъ изъ моихъ простыхъ ульевъ, колодъ-лежаковъ, зимовавшихъ на дворѣ, забрались мыши, и было ихъ тамъ порядочное количество. Весной, когда я открылъ затворъ, онѣ разбѣжались, и только одна скрылась между сотами. Я слышалъ, какъ жалили ее пчелы, какъ она пищала, но на дно она не упала, а такъ и осталась вверху до 1867 г.; значитъ въ теченіи пяти лѣтъ улей не разбирался. Но мнѣ пришлось переселиться въ другое мѣсто, и я выбралъ этотъ улей на медъ. Когда вынуты были изъ него всѣ соты, что же оказалось? Пчелы не въ состояніи были вытащить зажаленную мышь, и потому, чтобы она не разложилась, облѣпили ее всю съ хвостикомъ смолой. Въ этомъ гробѣ она засохла, какъ египетская мунія, а для пчелъ стала совершенно безвредною. Удивительное дѣло, какъ внушено имъ знаніе законовъ природы!

На сколько удивительна смышленность пчелъ, на столько же удивительна ихъ *любовь къ своему роду* и отвага, съ которою онѣ встрѣчаютъ всякаго врага, грозящаго принести имъ какой либо вредъ. Любовь къ своему роду замѣчается у нихъ особенно во время голода. Видя, что свои запасы меду подходятъ къ концу, онѣ дѣлятся послѣдними его каплями. Пчелы, сидящія близко къ меду, язычками передаютъ тѣмъ, что сидятъ подальше, по очень маленькой порціи, подавая только побольше корму маткѣ. Когда же послѣдняя ячейка съ медомъ уже искормлена онѣ высасываютъ, если есть, червy и ея соками поддерживаютъ жизнь уже только одной матки и той кучки пчелъ, которая ее окружаетъ. Матка послѣдняя умираетъ отъ голода. Откроешь такой улей, не слышишь въ немъ никакого шума, вся жизнь замерла, чуть-чуть двигаютъ крылышками матка и нѣсколько пчелъ. Если это случилось только вчера или третьяго дня, если пчелы еще *не выставили язычковъ, въ нихъ еще есть жизнь*. Обогрѣть пчелокъ въ теплой комнатѣ, скропить ихъ нѣсколькими каплями теплой сыты, и онѣ оживаютъ: начинаютъ кормить и грѣть одна другую, шумя крылышками, но прежде всего кинутся спасать матку. Тогда скропить ихъ еще слегка, а когда оживутъ, затворить въ ульѣ, и ночью дать имъ уже не сыты, а густого меду, и опять начнется жизнь. И вся забота пчелинаго семейства заключается въ такомъ охраненіи отъ гибели *цѣлаго*, при чемъ единицы совершенно подчиняютъ свою жизнь обществу.

Какой прекрасный примѣръ и для человѣка!

Пчелы чрезвычайно любятъ чистоту. Онѣ терпѣть не могутъ ничего нечистаго, вонючаго, сырости и плѣсени. Но во время продолжительной зимовки набирается много нечистоты. Въ нихъ самихъ скопляется нечистота отъ съѣденнаго меду и перги, и если температура въ ульѣ несоотвѣтственная, т. е. или слишкомъ жарко или слишкомъ холодно, онѣ больше ѣдятъ и принуждены выпустить изъ себя нечистоту въ ульѣ, опачкивая себѣ крылья, отъ чего становятся неспособными къ лету. Иногда вся вощина, за исключеніемъ небольшаго куска, гдѣ сидитъ матка, испачкана, ячейки же забиты мертвыми пчелами. Это большое горе для пчелъ. Ему, впрочемъ, подвергаются обыкновенно только семейства, потерявшія матку, или тѣ ульи, гдѣ осталось съ осени иного незабрушеннаго меду; такой медъ киснетъ и производитъ у пчелъ поносъ. Бываетъ поносъ и отъ плохой зимовки, какъ выше сказано. Но если у больныхъ пчелъ есть матка и порядочная сила, онѣ, дождавшись теплыхъ весеннихъ дней, прежде всего, очистившись, постараются высушить испачканныя ячейки, а затѣмъ сгрызутъ и выбросятъ ихъ; *) то же сдѣлаютъ онѣ съ заплѣснѣвшею вощиной. Первое дѣло ихъ на веснѣ—очистить ульи отъ всего грязнаго и лишняго; онѣ добываютъ изъ ячеекъ трупы и выносятъ ихъ вонъ. Иногда двѣ-три пчелы вмѣстѣ тащатъ трупъ, взлетаютъ съ нимъ на воздухъ и по инстинкту стараются бросить его подальше отъ пасѣки. Это дѣлается ими потому, что, когда онѣ живутъ въ дикомъ состояніи, медвѣдь или человѣкъ, увидя мертвыхъ пчелъ близъ дерева, можетъ догадаться, что здѣсь живутъ пчелы. Во время плохой зимовки появляется на вощинѣ много плѣсени, особенно легко плѣснѣетъ въ ячейкахъ перга, которую онѣ, производя тогда крыльцами шумъ и тепло, высушиваютъ и выбрасываютъ,—это самый тяжелый для нихъ трудъ. Если онѣ не въ состояніи вытянуть заплѣснѣвшую и затвердѣвшую въ ячейкѣ пергу, то прикрываютъ ее плотно воскомъ.

*) Удивительно! Въ нашей Кіевской губерніи я въ первый разъ ввдѣлъ, что пчелы довольно сильныя въ продолженіи всего лѣта не начинали даже чистить епачканныя ячейки, а когда явился главный взятокъ, наполняли ихъ медомъ. Ни въ Галиціи, ни въ Германіи я этого не видалъ.

Рабочія пчелы даютъ человѣку поучительный примѣръ *разумнаго хозяйства.* У нихъ правило: не терять ни минуты времени; онѣ отдыхаютъ только тогда, когда нечего дѣлать. Но въ рабочее время нѣтъ у нихъ отдыха ни днемъ, ни ночью; глаза, крылья, клещики и ножки ихъ постоянно въ движеніи, потому что есть работа. Посмотрите, какъ утромъ, когда только взойдетъ солнце и обогрѣется воздухъ, онѣ поспѣшно летать на работу, какая толкотня у летковъ, какая дѣятельность внутри улья! Одни грѣютъ черву, другіи кормятъ ее, третьи массой висятъ, производя вощину, иныя служатъ маткѣ, другія валиваютъ смолой скважинки, прилетающія съ поля складываютъ свою ношу—медъ и пергу въ ячейки (пергу укладываютъ плотно, какъ люди творогъ въ боченокъ), на леткахъ карауль смотритъ во всѣ стороны; словомъ, всѣ заняты и пользуются временемъ, а время золото. Но перемѣнится погода, пойдетъ дождь, тогда вся работа уже только внутри улья, съ червою, особенно спѣшатъ пчелки, пользуясь свободнымъ временемъ отъ работы въ иолѣ, забрушать (печатать) медъ.

Какъ хорошія хозяйки, пчелы не терпятъ у себя лѣнтяевъ, даже собственныхъ пчелъ слабыхъ, а если онѣ калѣки и т. п., то по-спартански выбрасываютъ ихъ вонь, а трутней, какъ только миновала въ нихъ надобность, прогоняютъ, чтобы эти дармоѣды не уничтожали ихъ трудовыхъ запасовъ.

Одно, за что люди не особенно любятъ пчелъ, это ихъ ядовитое жало. Но это необходимое для нихъ оружіе. Не будь его, трудно было бы удержаться пчелиному роду: ребята не дали бы имъ покоя, и воры крали бы безопасно съ пасѣкъ. И въ этомъ видимъ премудрость Создателя, оградившего сладшій и столь полезный медъ отъ хищенія злаго человѣка. Но пчелы жалятъ только тѣхъ, кто не умѣетъ съ ними обращаться. Иди къ пчеламъ смѣло, не дыши на нихъ, не стучи въ улей, а если хочешь ихъ лучше осмотрѣть, пусти въ улей немного дыма, пчелы испугаются и не станутъ жалить. Самое лучшее—открывать ульи тогда, когда вся старшая пчела на работѣ въ полѣ, именно въ теплое время дня. Рано утромъ и особенно поздно вечеромъ или во время вѣтреной погоды пчелы крѣпко жалятъ. Есть люди, которые могутъ умереть отъ двухъ, трехъ пчелиныхъ жаль, а другіе совершенно нечувствительны къ ужалешію пчелъ, у нихъ даже не пухнетъ гѣло отъ укола. Лучшее средство противъ пчелинаго ада моча, нашатырь или аммоніякъ, находящійся тоже въ мочѣ. Прежде всего надобно поскорѣе вынуть жало. Жизненная сила жала изумительна. Оно можетъ пролежать въ меду въ бочкѣ всю зиму, а весной, разогрѣвшееся, ужалитъ въ языкъ человѣка, когда онъ ѣстъ медъ. Это я испыталъ на себѣ.

Третій родъ пчелъ,—это *трутень.* Онъ толше и чернѣе всѣхъ и славно летаетъ въ воздухѣ, но рѣшительно ничего не работаетъ. Онъ вуженъ только для молодыхъ матокъ, а когда молодая матка уже станетъ червить, пчелы выгоняютъ трутней въ летокъ и не впускаютъ ихъ обратно домой, а оставшуюся въ ульѣ массу трутней сгоняютъ внизъ, чтобы уморить ихъ тамъ голодомъ. Иногда трутни сидятъ на забрушеяныхъ медовыхъ сотахъ, но, имѣя очень слабые клещики, не могутъ открыть меду и умираютъ съ голоду.

Очень важная задача въ дѣлѣ пчеловодства состоитъ въ томъ, чтобы въ ульяхъ было какъ можно меньше трутней. Въ простыхъ ульяхъ трудно воспрепятствовать пчеламъ въ размноженіи трутней, потому что нельзя изъ нихъ вынуть пластовъ. По старому ученію простыхъ пчеловодовъ, былъ обычай на весиѣ *подламывать* вощину, обычай разумный, но только слѣдуетъ подламывать не пчелиную, а одну

трутневую вощину. Обыкновенно же подламываютъ и пчелиную, а это весьма худо, потому что пчелы, поновляя узу (молодая вощина), строятъ иногда на мѣсто пчелиныхъ пластовъ трутневые и разводитъ множество трутней. Другое дѣло, если подламывается, а еще лучше подрѣзывается вощина для налѣпки на новыя рамы. Въ раіочныхъ ульяхъ можно ограничить размноженіе трутней до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ, замѣняя трутневые пласты пчелиными. Это очень важно, такъ какъ трутней нужно въ пасѣкѣ очень немного, а, предоставленныя природѣ, пчелы производитъ ихъ въ нѣсколько тысячъ разъ больше, чѣмъ нужно, въ ущербъ запасамъ меду. Легко можно себѣ представить, сколько меду безполезно истребляетъ такая масса дармоѣдовъ еще въ видѣ червы, а затѣмъ, выйдя изъ ячеекъ, еще въ продолженіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ! Каждый разъ, отправляясь на проигру, т. е. въ каждый день теплой погоды, каждый трутень беретъ полный пузырекъ меду величиною съ малую горошину. Притомъ еще множество вощины, въ которую пчелы налили-бы меду, занято трутневой червой въ теченіи 24 дней самаго большаго взяточнаго времени, и пчелы, не имѣя мѣста для помѣщенія меду, праздно лежатъ на ульяхъ. Въ рамочныхъ ульяхъ очень удобно срѣзывать головки трутневой червѣ и тѣмъ очищать ячейки для меду. Можно это сдѣлать и въ простыхъ дуплянкахъ очень острымъ ножемъ, разумѣется, поелѣ ухода старой матки съ роемъ. Это самый лучшій способъ, лучше всѣхъ ловушекъ, устраиваемыхъ иногда простыми пчеловодами для ловли трутней.

Какъ всякія другія жпвотныя, и пчелы бываютъ разныхъ породъ или расъ. Наиболѣе распространена въ Европѣ—это наша простая, т. н. *черная* пчела, которая размножилась у насъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, вѣроятно, изъ святой земли — Сиріи и Палестины. Она привыкла къ холодному климату и отлично выдерживаетъ наши долгія зимы. Ее встрѣчаемъ мы и далеко на сѣверѣ въ Петербургской и даже Олонецкой губерніяхъ и въ Финляндіи, гдѣ такое короткое лѣто, и тамъ она водится не хуже, чѣмъ на югѣ.

У нашей черной пчелы замѣчается то хорошее качество, что она *мало склонна къ грабежу*, и что, зная нашъ климатъ, она вылетаетъ изъ улья только при температурѣ выше 10 градусовъ по Реомюру; поэтому она мало теряетъ силы отъ холода. Но и эта наша домашняя порода не вездѣ одинакова. Въ степной полосѣ пчелы бываютъ нѣсколько больше и свѣтлѣе, въ лѣсахъ онѣ мельче и чернѣе ц при томъ болѣе склонны жалить. Это происходитъ отъ того, что въ лѣсахъ въ т. назыв. бортяхъ пчелъ не выбиваютъ, вощина въ нихъ пе мѣняется въ теченіи 20 и болѣе лѣтъ (даже до 40 лѣтъ). В[illegible] такой старой вощинѣ накопляется множество пчелиныхъ рубашечекъ, которыи каждая пчелка, выходя изъ ячейки, оставляетъ въ ней. Отъ этого ячейки становятся все короче и уже, такъ что и пчелы выходятъ изъ нихъ меньшія, чѣмъ тѣ, которыи воспитываются въ новой двухлѣтней пли трехлѣтней вощинѣ и которая бѣлаго, желтоватаго или свѣтло-коричневаго цвѣта, какъ это водится на пасѣкахъ южной Россіи, гдѣ обыкновенно двухлѣтшіе, трехлѣтніе ульп выбиваются на медъ.

Вторая въ новѣйшее время болѣе распространенная въ Европѣ порода — это *итальянская* или лигурійекая пчела. Родина ея сѣверная Италія и южная Швейцарія. Она красивѣе нашей, чуточку меньше, и звукъ ея лета тоньше, такъ что ее въ воздухѣ можно отличить отъ нашихъ пчелъ по этому звуку; первыя два кольца брюшка сверху свѣтлокрасныя, а матки бываютъ еще красивѣе, почти совсѣмъ свѣтлыя. Итальянскія пчелы вмѣстѣ съ хорошими свойствами пмѣютъ п дур-

ныя, препятствующія ихъ размноженію. Хорошее свойство ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ весьма прилежно собираютъ медъ и не изроиваются, какъ наши черныя пчелы. Итальянскій улей весьма рѣдко даетъ третяка, а только обыкновенно отпускаетъ первака или самое большее вторака въ обыкновенной не слишкомъ богатой медомъ сторонѣ. Итальянскіи пчелы уничтожаютъ трутней *сейчасъ* послѣ того, какъ замѣтятъ яички молодой матки, не смотря даже на самый большой взятокъ, между тѣмъ какъ наши пчелы держатъ ихъ съ видимымъ убыткомъ меду до совершеннаго прекращенія взятка. Это все качества хорошія; теперь перейдемъ къ дурнымъ свойствамъ итальянокъ. Во 1-хъ, онѣ отчаянныя воровки и бушуютъ въ своей и во всѣхъ пасѣкахъ, смѣло нападая и на хорошіе ульи, гдѣ и гибнуть во множествѣ. Во 2-хъ, онѣ не разбираютъ, какова температура наружнаго воздуха и летаютъ даже въ холодъ (ниже 10 град. Реомюра), когда наши пчелы смирно сидятъ и не трогаются изъ ульевъ. Этому научилъ ихъ южный климатъ, гдѣ поелѣ холодныхъ ночей бываютъ жаркіе дни и гдѣ онѣ, вылетая еще въ холодное время дня, могутъ разсчитывать на скорое отепленіе воздуха, и гдѣ именно только утромъ бываетъ взятокъ, который при жарѣ дня прекращается. Оттого итальянки теряютъ у насъ много силы, рои ихъ меньше нашихъ и осенью не въ состояніи защитить того множества меду, которое у нихъ обыкновенно бываетъ: онѣ тогда подвергаются нападенію другихъ пчелъ. Въ плохія лѣта у меня итальянскіе ульи были гораздо меднѣе, чѣмъ самые сильные ульи черныхъ пчелъ; но ихъ алчность къ чужому добру истребляетъ ихъ, и онѣ переводятся, уступая мѣсто нашимъ чернымъ пчеламъ. Впрочемъ, любители разныхъ породъ должны знать, что чрезвычайно трудно на нашихъ пасѣкахъ сохранить чистоту заграничной породы, такъ какъ трутни и матки разныхъ породъ смѣшиваются, и уже въ четвертомъ или пятомъ поколѣніи теряются всѣ лучшія качества чужихъ породъ. Что итальянскія пчелы меньше жалять, чѣмъ наши, какъ утверждаетъ любитель ихъ Дзержонъ, я не замѣтилъ, напротивъ, по моему, онѣ жалятъ больше обыкновенныхъ нашихъ пчелъ.

Лучшею породою, наиболѣе намъ симпатичною, является порода *кавказской пчелы*. Она похожа на итальянскую, только не такъ свѣтло окрашена на первыхъ двухъ кольцахъ, но натура у ней добрая. Она тоже весьма малоройна и чрезвычайно медна, какъ итальянская, но при этомъ не воровата и почти не жалитъ. По крайней мѣрѣ тѣ кавказскія пчелы, которыхъ я видѣлъ въ Кіевѣ, отличались этими качествами. Я переселялъ изъ дуплянки кавказскихъ пчелъ въ рамочный улей, вопреки всякимъ правиламъ, уже поздно вечеромъ, и ни одна пчела никого не ужалила, а этого не могло бы случиться въ такую пору дня съ простыми пчелами, когда всѣ старыя пчелы находятся дома.

Самая красивая, но и самая злая пчела—это *египетская*. Она меньше нашей пчелы на столько, что на 5 ея вчелиныхъ ячеекъ идетъ нашихъ четыре, значитъ она меньше нашей пчелы на $^1/_5$. Два верхнія кольца ея красныя, какъ и у итальянской пчелы, и на видъ она чрезвычайно привлекательна, но не дай Богъ приступить къ ней безъ сѣтки. Жалитъ прямо въ глаза, съ страшнымъ ожесточеніемъ. Знаменитый пчеловодъ Фогель старался ее акклиматизировать, но тщетно. Я видѣлъ ее въ 1871 году на выставкѣ въ Килѣ (Шлезвигъ). Мы любовались ею черезъ стеклянную перегородку, но когда Фогель открылъ летокъ, онѣ бросились на насъ съ такимъ бѣшенствомъ, что всякій спасалъ себя бѣгствомъ. Въ новѣйшее время говорить и пишутъ еще о *крайнской* породѣ, которая тоже имѣетъ хорошія свойства, менѣе жалитъ и немногоройна. Она сѣраго цвѣта. Я ее держалъ, но не за-

мѣтилъ особенной разницы между втой и нашей пчелою. Въ Краинѣ пчеловодство находится *въ самомъ цвѣтущемъ состояніи*, лучше, чѣмъ гдѣ либо въ остальной Европѣ, *благодаря доброму примѣру духовенства и учителей*. Среди словенцевъ встрѣчаются наибольшіе любители пчеловодства.

Кроиѣ этихъ породъ есть еще нѣсколько другихъ, напр., кипрская, южноазіатская, африканская и проч., которыя не разведены въ Европѣ, вслѣдствіе ихъ дурныхъ для нашего климата свойствъ. Впрочемъ, достаточно и перечисленныхъ породъ, которыя хотя и не нужны намъ, такъ какъ наша пчела очень хороша, но для любителей и *для науки пчеловодства* необходимы. Напр., если замѣнить сегодня, положимъ 1 мая, простую матку итальянскою, то 21 мая, открывши улей, увидимъ, что всѣ выбивающіяся изъ ячеекъ молоденькія пчелки будутъ уже итальянской породы. Когда же разведутся и итальянскіе трутни, которые на пластахъ окажутся только 4-мя днями позже и въ свое время въ воздухѣ, то нѣкоторыя молодыя черныя матки въ разныхъ ульяхъ будутъ производить уже полуитальянскихъ пчелъ, съ *однимъ* только краснымъ кольцомъ; итальянскія же молодыя матки только тогда будутъ производить чисто итальянскихъ пчелъ, если случайно облетаются съ итальянскими трутнями.

Если, положимъ, 21 мая вывелись первыя итальянскія пчелки въ ульѣ, то на дворѣ онѣ появятся для перваго облета только около 9-го или 10-го дня и только черезъ два-три дня онѣ уже станутъ носить обножку въ улей. Черезъ 6 недѣль послѣ перваго выхода итальянскихъ пчелокъ, *черныхъ* будетъ уже очень мало и даже можетъ быть не будетъ ни одной: значитъ, что лѣтомъ пчела живетъ только до 6 недѣль, иногда даже гораздо меньше, напр., при частыхъ вѣтрахъ, когда пчелы сильно гибнуть въ полѣ. Въ нашихъ южнорусскихъ губершіяхъ гибель пчелъ удивительная! Можно себѣ представить, что въ прошломъ 1889 году пчелы пытались три раза строить маточники и всѣ три раза матки въ нихъ гибли по причинѣ убытка пчелъ на ужасныхъ вѣтрахъ. Въ одинъ день въ іюнѣ самыя сильныя семейства погибли до послѣдней летающей пчелки, осталась въ ульяхъ только молодая еще не лѣтавшая пчела. Только среди лѣсовъ, гдѣ менѣе опасны вѣтры, она можетъ жить 8 и болѣе недѣль. Кромѣ вѣтра, при большомъ взяткѣ, много пчелъ гибнетъ оттого, что у нихъ истрепываются крылья. Тогда можно увидѣть много пчелъ здоровыхъ, но крылья у нихъ до того истрепаны, что онѣ падаютъ на землю и не могутъ взлетѣть.

Такимъ образомъ, ученые наблюдатели, заводя заграничныя расы, наглядно убѣждаются въ вѣрности данныхъ, приводимыхъ наукою относительно жизни пчелъ.

Для Россіи желательно было бы разведеніе кавказской породы, отличающейся еще лучшими качествами, чѣмъ наша обыкновенная черная пчела. Но это возможно только при извѣстныхъ условіяхъ. Для того, чтобы развести чистую породу кавказской пчелы естественнымъ путемъ, необходимо, чтобы пасѣка находилась гдѣ нибудь въ степи, и чтобы не менѣе, какъ на 5 верстъ вокругъ не было ни одной чужой пасѣки. Въ сосѣдствѣ же съ другими пасѣками возможно развести кавказскихъ матокъ чистой породы только искусственно, а именно въ концѣ августа. Когда въ другихъ пасѣкахъ трутни уже истреблены пчелами, нужно обезматочить кавказскій улей съ трутнями и изъ червы его вывесть много матокъ въ маленькихъ улейкахъ. Это дѣлается такъ. Въ вощину вставляется кусокъ молодой кавказской червы, затѣмъ изъ разныхъ ульевъ набирается по немногу молодой пчелы и на двухъ-трехъ рамкахъ ставятъ ихъ въ улеекъ; пчелы строятъ маточники, а черезъ

14 дней уже готовы натки. Отъ одного улья можно получить такихъ матокъ 30 и больше. Когда выйдутъ молодыя матки, черныхъ трутней въ пасѣкѣ уже не будетъ (развѣ въ какомъ безматкѣ, который раньше нужно уничтожить), а будутъ только искусственно задержанные кавказскіе трутни; и натки, облетѣвшись съ ними, выйдутъ чистой породы. Ихъ можно раздать сильнымъ ульямъ вмѣсто черныхъ матокъ. Есть еще и другой способъ: надо молодыхъ кавказскихъ матокъ и ульи съ кавказскими трутнями продержать во время теплой погоды въ погребѣ и поставить ихъ на ихъ мѣста только поелѣ 4 часовъ вечера, когда прочіе трутни уже переиграли; тогда скропить ихъ немного теплою сытой, пчелы станутъ проигрывать, вылетятъ и матки и трутни, и тогда получимъ чистую кавказскую породу.

Но всѣ эти совѣты годятся только для большихъ любителей пчеловодства; для обыкновенныхъ пчеловодовъ достаточно разумно хозяйничать съ тѣми простыми пчелами, какія есть у него.

3. Кое-что изъ практики пчеловодства.

Пойдемте въ насѣку. Научимся кое-чему практичному.

Солнце уже обогрѣло, осушило землю, во всей природѣ пробудилась жизнь. Первый въ лѣсахъ зацвѣтаетъ орѣшникъ (лещина), но иногда въ это время еще не растаяли снѣга, поэтому и пчелы мало пользуются имъ. А скучно имъ епдѣть въ омшанникахъ или другихъ закрытыхъ мѣстахъ, когда онѣ уже чувствуютъ весну. Но лучше опоздать съ выставкой ульевъ, чѣмъ поторопиться. Весна обманчива, и потому въ первые дни она иногда бываетъ убійственна для пчелъ. Пригрѣетъ солнышко, пчелы двинулись въ поле, но вдругъ подулъ сѣверный вѣтеръ, и милліоны ихъ гибнуть, ульи ослабѣваютъ, некому прикрыть и обогрѣть черву. Поэтому старый пасѣчникъ Ѳома говорилъ: «я не тороплюсь съ выставкой, а когда пчелы безпокоятся въ омшанникѣ, я беру кропило и кроплю ихъ ночью водою, отъ этого онѣ совершенно успокоиваются въ темнотѣ и не шумятъ. Я знаю: имъ нужна вода для разведенія меду для червы. А выставляю я ихъ тогда, когда уже зацвѣтетъ ива по лѣсамъ, а по лугамъ латачъ (одуванчикъ)». И старый Ѳома правъ. Тогда уже меньше пчелъ теряется, потому что воздухъ теплѣе. Хуже бываетъ съ пчелами, зимующими на дворѣ. Онѣ теряютъ много силы по выше приведеннымъ причинамъ, потому-то онѣ и позже роятся. Выставлять пчелъ нужно ночью; рано утромъ выходятъ онѣ на летки посмотрѣть на Божій свѣтъ. Какая у нихъ охота летѣть на цвѣты, принести свѣжаго меду, свѣжей пыли съ цвѣтовъ, да и водицы для червы!

Но прежде всего нужно имъ очиститься поелѣ 7 мѣсяцевъ зимняго ареста. Мы уже знаемъ, что онѣ выбрасываютъ изъ себя нечистоту, но не всѣ одинаково. Посмотрите на пчелъ сильныхъ, здоровыхъ, хорошо перезимовавшихъ: онѣ маленькія, нетолстыя, въ нихъ мало нечистоты; въ ульяхъ ихъ сухо, нѣтъ никакой сырости, и изъ летковъ пахнетъ пріятно. Онѣ дремали всю зиму, мало двигались, мало ѣли меду. А вотъ въ другомъ ульѣ на леткѣ пчелы почернѣвшіи, толстыя, волочатъ за собой тяжелый животъ, наполненный нечистотами. Онѣ выходятъ на летокъ и выпускаютъ изъ себя нечистоту на улей, иная взлетитъ, а многіи съ запачканными крыльями надаютъ на землю и погибаютъ. Бѣдныя! Но если у тебя только одинъ или два улья, и есть больныя пчелы, и ты видишь, что онѣ очистились, упавши на землю, а взлетѣть не могутъ, потому что то или другое крыльцо запачкано,—окажи имъ милость, возьми ихъ, обмой водой крыльца, и онѣ, ветре-

пенувшись и обсушившись на солнцѣ, полетятъ. Ну и спасъ ты имъ жизнь. Но въ большой пасѣкѣ часто оказывается нѣсколько такихъ ульевъ. Эти ульи или плохо зимовали, или нѣтъ у нихъ матки. Если на зимовкѣ пчеламъ жарко, онѣ безпокоятся, ихъ мучитъ жажда, которую онѣ, не имѣя воды, утоляютъ медомъ, переполняются имъ, а онъ плохо переваривается въ ихъ желудкахъ и вызываетъ поносъ. Если имъ слишкомъ холодно, онѣ, чтобы согрѣться, шумятъ и истребляютъ много меду: опять бѣда, тоже поносъ. Только тѣ пчелы остаются здоровыми, которыя находятся въ самомъ центрѣ гнѣзда при маткѣ. А нѣтъ матки, онѣ тоже безпокоятся, раэлазятся по улью, шумятъ и тоже болѣютъ. Самое лучшее, если зимой температура въ пчельникѣ не выше 6 градусовъ Реомюра; если же въ омшанникѣ теплѣе, а пчелы шумятъ, надо кропить водой. Правда, пчелы и на дворѣ отлично зимуютъ, но только если у нихъ громадная сила, тогда онѣ холода не боятся и при самыхъ большихъ морозахъ могутъ произвести теплоту въ ульѣ до 18 градусовъ Реомюра, такъ что гнѣздо походитъ на печку, у которой грѣются пчелки, даже дальше сидящія. Но гдѣ сила мала, тамъ непремѣнно происходитъ порча вощины и гибель. Впрочемъ, очень вредна для зимующихъ на дворѣ пчелъ и оттепель, побуждающая ихъ къ вылету; тогда онѣ массами гибнутъ и отъ снѣговъ и отъ воробьевъ, не находящихъ тогда другихъ насѣкомыхъ.

Итакъ, при первомъ облетѣ пчелъ надо наблюдать, какъ пчелы очищаются, и при томъ дѣлать это, накрывшись платкомъ, чтобы пчелы не испачкали нашихъ шляпъ и одежды. Хозяйки въ первый день лета пчелъ пускай не вывѣшиваютъ бѣлья, потому что пчелы его испачкаютъ.

Вотъ мы стоимъ на пасѣкѣ и смотримъ на каждый улей. Видимъ: въ одномъ и другомъ ульѣ летки испачканы, кучи пчелъ снаружи. Развѣ онѣ такъ сильны? Нѣтъ. Другія сильныя пчелы жужжатъ въ леткахъ, радуются веснѣ, но не выходятъ на улей. Значитъ, въ тѣхъ ульяхъ что-то не ладно. Изъ летка слышенъ непріятный запахъ. Пчелы въ ульѣ гудятъ разными голосами—диссонансомъ. Навѣрное у нихъ погибла матка. Вечеромъ, открывши улей, посмотрпмъ на нихъ и убѣдимся, такъ ли. Въ рамочныхъ ульяхъ все увидимъ ясно.

До полудня большинство пчелъ очистилось, теперь онѣ чистятъ свои избы. Работа идетъ усиленная. Едва ли въ какомъ ульѣ обойдется безъ труповъ, безъ плѣсени. Гдѣ пчелы чистятъ улей, выноситъ трупы, плѣсень и пр., тамъ навѣрное есть матка. Только тѣ, гдѣ матокъ нѣтъ, сидятъ поелѣ очистки смирно, ихъ не привлекаетъ къ себѣ улей, потому что онѣ сироты, видятъ свою гибель, такъ и охоты нѣтъ напрасно работать. Взлетитъ какая нибудь пчела безматка, поблуждаетъ вокругъ и прилетитъ обратно, но не идетъ прямо въ летокъ, а садится на улей, раздвинетъ крылья, стоитъ и думаетъ, идти или не идти. Вотъ признакъ безматка. А гдѣ матка въ ульѣ, тамъ пчела съ поля прямо летитъ въ летокъ, не останавливается, развѣ тогда, когда трудно протѣсниться.

Какая радость для пчеловода, когда онъ уже пъ первый день увидитъ пчелъ, летящихъ съ обножкой! Чудесное дерево ива! Садите ее, пчеловоды, гдѣ только можете. Она царица весенняго взятка. Но есть ея два рода, равно какъ лозы и вербы—мужескій и женскій. Мужескій цвѣтетъ толстыми кистями желтаго цвѣта, наполненными ароматной пылью и еще болѣе ароматныиъ медомъ. Когда Господь благословитъ тепломъ на цвѣтъ ивы, ульи наполняются медомъ. Женскіе экземпляры некрасивы, крохки и мало полезны. Женскую иву можно узнать весной по зеленымъ кисточкамъ, а лѣтомъ эти кисточки покрываются пухомъ и опадаютъ.

Гдѣ пчелы густо вдутъ съ обножкой, не надо и смотрѣть, есть ли матка въ ульѣ, она тамъ навѣрно; гдѣ нѣтъ матки, тамъ въ теплый день пчелы тоже вдуть на иву, вербу или лозу, но приноситъ обножку маленькую, иногда только на одной ножкѣ.

Вечеромъ необходимо помочь пчелаиъ, очистивъ наши рамочные ульи. На полу набралось зимой болѣе или менѣе труповъ и разнаго сора. Въ хорошо зимовавшемъ ульѣ будетъ труповъ очень мало, и они сухіе, такъ что между пальцами растираются въ пыль. Пчелы открывали медъ и крышечки сбрасывали внизъ. Выметемъ все, пересѣемъ на рѣшетѣ и вощины перетопимъ, а другой соръ выбросимъ подальше за пасѣку. Пчеловодъ не только въ первый день, но и постоянно до самой осени долженъ чистить ульи и подметать черезъ каждые три или четыре дня, пока пчелы не наполнятъ собой весь улей. Тогда онѣ уже сами до ройки подметаютъ. Поелѣ ройки становится ихъ меньше, опять нужно подметать. Отъ нечистоты въ ульѣ заводится нотылица, кормящаяся сперва соромъ, а вто опасный врагъ пчелъ, когда доберется до червы.

Теперь осиотримъ подозрительные ульи. Мы открыли ихъ. Непріятная вонь. Видинъ: рамы запачканы. Пчелы лазятъ по всему улью, не держатся кучи, какъ въ здоровыхъ ульяхъ. Ударимъ ладонью объ улей, пчелы зашумятъ и шумятъ долго и громко. *Это знакъ безматка.* Здоровый улей зашумятъ, но сейчасъ и затихнетъ. Разберемъ улей. Вытянемъ нѣсколько рамъ. Вездѣ безпорядокъ. Медъ и тутъ и тамъ, а не кругообразно, какъ въ здоровыхъ ульяхъ. Вынули три-четыре рамы, вотъ и гнѣздо. Посиотримъ, какого рода у насъ безматокъ; потому что безматки могутъ быть различнаго рода. Бываетъ *чистый* безматокъ, т. е., такой, въ которомъ нѣтъ никакой матки, и *нечистый*—съ плохой маткой. *Чистый* безматокъ самый лучшій. Его узнаемъ потому, что на пластахъ *надъ ячейкой съ пергой* (помните: *надъ ячейкой съ пергой) построенъ маленькій полуматочникъ.* Мы увидѣли такой маточникъ, и уже не пужно намъ дальше искать. Мы знаемъ, что въ ульѣ нѣтъ *никакой* матки. Но у улья порядочный запасъ меду и особенно перги, которая у безматковъ сверху имѣетъ блестящій видъ. Рамы только по краямъ испачканы, иногда бываютъ даже совершенно чисты. Стоитъ поправить его.

Посиотримъ другой неблагополучный улей. Почему онъ запачканъ? Тоже безматокъ? Нѣтъ. Открываемъ улей; вотъ пчелы зашумѣли и утихли; но пчелъ мало. Значить, матка есть. Почему же онъ плохъ? А вотъ почему: пчелы поздно осенью гдѣ-то нашли медъ, вѣроятно, уворовали, наполнили имъ соты, но не могли пхъ забрушить (запечатать), потому что осенью онѣ уже не производятъ воска, медъ скисъ, и отъ него явился у вихъ поносъ. Пчелъ погибло иного, весь нолъ покрытъ ими, и всѣ онѣ толсты, какъ пьявки. Но матка есть, и черва есть, хотя ея и немного; черва крытая, пчелиная, гладкая, какъ доска. Видно, здоровая матка.

Тогда чистому безматку, у котораго много пчелъ, дадимъ эту матку и рамки съ червою, а пчелокъ поздно вечеромъ подсыплемъ какому нибудь слабому сосѣду. Матку можемъ дать *чистому* безматку *совершенно безопасно*, потому что *чистый* безматокъ *всякую матку охотно приметъ*. Можно сдѣлать и иначе. У безматка возьмемъ крайшія рамы и изъ слабаго улья вставимъ въ самую середину гнѣзда рамы съ маткой, червой и молодой на нихъ сидящей пчелой. Можемъ также, если захотимъ, взять матку въ руку и пустить ее на раму съ пчелами безматка. Пріятно видѣть, какъ онѣ ее примутъ. Ни одна пчела не бросптся на нее; ее окружать, зашумятъ отъ радости, сойдутся къ ней, станутъ ее лизать и кормить. Тогда зало-

жимъ имъ рамы, не очень испачканныя, сметемъ всѣхъ пчелъ съ лишнихъ рамъ (онѣ охотно сойдутъ къ маткѣ), съузимъ гнѣздо и закроемъ улей. А запачканныя раны изъ обоихъ ульевъ, перегнавъ ночью оставшихся слабыхъ пчелъ въ сосѣдній улей, раздѣлимъ сильнымъ ульямъ для осушки и очистки. Здоровыя, сильныя пчелы въ другихъ ульяхъ исполнятъ наше приказаніе скоро и аккуратно. Будетъ однимъ ульемъ меньше, но все будетъ въ порядкѣ. Безматокъ, получивъ матку, сдѣлается хорошимъ ульемъ, а такъ какъ у него есть запасъ меду и особенно перги, то матка начнетъ сильно червить; пчелы, очистивъ улей, пойдутъ охотно массами въ іюле, и все будетъ отлично.

Но не всегда такъ легко исправить безматокъ. Бываютъ, какъ сказано, безматки *нечистые*, т. е. такіе, въ которыхъ матка есть, но такая, что лучше бы ея совсѣмъ не было. Матка, не оплодотворенная или потерявшая способность правильно червить, васѣваетъ трутневыя яички, изъ которыхъ, какъ выше сказано, выходитъ *горбатая черва*. Пчелы видятъ, что при такой маткѣ предстоитъ имъ гибель, но поправить дѣла не могутъ. Онѣ строятъ надъ трутневой червой маточники, иногда очень длинные, но изъ этого никакого толку не выходитъ, потому что въ нихъ трутневыя личинки, которыя часто еще и загниваютъ. А всетаки онѣ уважаютъ и эту плохую матку и не примутъ другой, хотя бы самой лучшей, пока та жива. Въ простомъ ульѣ поправить такое семейство просто невозможно, потому что хотя бы и можно было выгнать плохую матку, но никакъ нельзя очистить гнѣзда отъ множества горбатой червы. Въ рамочномъ ульѣ первое дѣло убить плохую матку и бросить ее между пчелъ или убитую вложить въ клѣточку, чтобы всѣ пчелы убѣдились, что она уже околѣла. Но другой матки еще *нельзя сейчасъ* дать пчеламъ потому, что онѣ, къ сожалѣнію, надѣются еще на свои маточники, въ которыхъ находится трутневая черва; поэтому всю черву нужно устранить и только спустя двое сутокъ дать имъ матку. Только въ исключительныхъ случаяхъ, если пчелы станутъ сильно безпокоиться и бѣгать по улью, можно это сдѣлать и раньше. Въ тапія минуты общаго безпокойства пчелы безматка принимаютъ всякую матку, даже дѣвственную; во раннею весною дѣвственныхъ матокъ еще нѣтъ. Если нѣтъ свободной старой матки для поправки безматка, тогда въ первые дни весны трудно помочь. Можно вчеламъ заложить раму съ яичками и червой, взятою изъ хорошаго улья, но тутъ нужно разсчитать, будутъ ли къ тому времени уже трутни и стоитъ ли поправлять такимъ способомъ безматокъ. Подумаемъ: молодая матка выйдетъ только черезъ 14 дней; пока она оплодотворится, пройдетъ недѣля; изъ яичекъ, которыя она насѣетъ, выйдутъ пчелы только черезъ 3 недѣли, а онѣ пойдутъ въ поле только почти черезъ 2 недѣли; всего вмѣстѣ пройдетъ 8 недѣль, пока будетъ польза отъ матки; а за это время сколько потеряемъ пчелъ безматка! Не лучше-ли перегнать его съ запасомъ меда и перги къ здоровому улью—сосѣду и получить отъ него ранній хорошій рой? Убѣдившись на практикѣ, я полагаю, что самое лучшее не церемониться съ нечистыми безматками на веснѣ, а перегонять ихъ въ сосѣдніе ульи. Если же намъ хочется непремѣнно поправить ихъ, давъ имъ черву, тогда надо разсчитать, будутъ ли трутни уже летать черезъ 16 или 17 дней. Если трутневая черва уже крыта, тогда смѣло можемъ заложить въ безматокъ раму съ пчелиной червой, а если еще никакой крытой трутневой червы нѣтъ, то это безполезно, потому что молодая матка, которую выгрѣютъ пчелы, пропадетъ, если только въ какой либо другой пасѣкѣ не будетъ уже трутней. Правда, можно такой безматокъ поправить еще такъ, что поелѣ того, когда первая молодая матка потеряется,

дать ему опять раму съ червой, а пока онъ выведетъ вторую матку, уже навѣрно будутъ въ ульяхъ трутни. Но это безполезная трата времени и силы другихъ ульевъ; это все равно, что взять рубль изъ одного кармана и перекладывать его въ другой и третій, а всетаки рубль отъ этого не увеличится, оставаясь тѣмъ-же рублемъ.

Поэтому со всякими, особенно нечистыми, безматками самое лучшее не возиться, если нѣтъ свободныхъ матокъ въ ослабѣвшихъ ульяхъ (какихъ въ порядочной пасѣкѣ, собственно говоря, и не должно быть), а не теряя времени и пчелъ, *соединить ихъ съ сосѣдними ульями*, подсыпая пчелъ ночью, т. е. сметая ихъ перомъ съ рамъ; тамъ при маткѣ онѣ принесутъ гораздо большую пользу роями и медомъ, чѣмъ въ своихъ ульяхъ въ качествѣ слабыхъ и ненадежныхъ.

Оставлять же безматковъ, какъ говорится, на Божью волю, не только безполезно, но и вредно. Богъ не дѣлаетъ чудесъ ради невѣжества или лѣни человѣка. Безматокъ, предоставленный самъ себѣ, подверженъ нападешію пчелъ, онѣ ударять на него, а послѣ, разохотившись, и на другихъ пчелъ, и можетъ произойти большой убытокъ. Если даже на безматокъ и не нападутъ другія пчелы, появится мотылица, она покроетъ вощину и испортить ее совершенно, и пчелы пропадутъ, да кромѣ того—мотылица бросится и на другіе ульи. Только рѣдко удается продержать безматокъ до раннихъ роевъ, какъ это дѣлаютъ крестьяне, но и они испытали, что и хорошій рой, всыпанный въ улей-безматокъ, уходитъ изъ него, когда, осмотрѣвшись, увидитъ, что гнѣздо испещрено горбатой червой и мотылица уже одолѣла его.

Послѣ первой очистки пчелъ и ульевъ въ первый день весны, послѣ исправленія безматковъ, которые только рѣдко въ хорошихъ пасѣкахъ бываютъ, первою заботою пчеловода будетъ не допустить на пасѣкахъ нападa. Поэтому онъ не будетъ раскрывать ульи днемъ, а откроетъ ихъ только въ теплый вечеръ; особенно осторожно будетъ обращаться съ медомъ, если придется подкормить пчелъ, чтобы нигдѣ не упала капля меду, чтобы замазанной медомъ рукой не тронуть улья, что немедленно привлекло бы хищниковъ. Голоднымъ ульямъ онъ немедленно дастъ одну забрушенную раму изъ улья, богатаго медомъ, или намажетъ пустую раму патокой наполняя ею ячейки, что ночью пчелы уберутъ и обсушатъ. Если же сверхъ ожиданія нападеніе всетаки произойдетъ, онъ въ самомъ зародышѣ уничтожить его, изелѣдуя причину.

Надо жить въ мирѣ съ сосѣдями-пчеловодами, объяснивъ имъ, какъ взаимно остерегаться нападовъ. Пока нѣтъ богатаго взятка, летки должны быть сильно съужены, всѣ скважинки, какія только могутъ быть, особенно въ простыхъ ульяхъ, тщательно замазаны глиной, чтобы не давать пчеламъ повода къ нападу. А окажется онъ, надо устранить всѣ тѣ причины, о которыхъ мы уже упоминали. Но все должно быть сдѣлано разумно, благовременно, безъ гнѣва, побратски.

Въ странахъ, гдѣ пчелы въ первые дни весны не скоро находятъ взятокъ, особенно цвѣточную пыль, очень полезно давать имъ пшеничную муку, мелко смолотую. Самое лучшее постелить гдѣ нибудь на солнцѣ скатерть, положить пласты вощины и посыпать ихъ мукой. Но это надо уетроить подальше отъ пасѣки, не менѣе 100 шаговъ. Пчелы массою станутъ на ножки набирать муку и удержатся отъ воровства.

Какъ только явится весною лучшій взятокъ, проходить и опасность нападa; обыкновенно прекращается онъ уже съ цвѣтеніемъ вербы. Тогда пчелы уже оставляютъ муку. Чѣмъ теплѣе воздухъ, тѣмъ болѣе меду на цвѣтахъ. Пчеловодъ видитъ, какъ

пчелы несутъ съ поля обильный взятокъ, а вмѣстѣ съ нимъ растутъ и его надежды. Откроетъ улей, порадуется, видя уже подсѣвшихъ, т. е. плотно закрывшихъ всѣ соты и висящихъ цѣпочками до самаго дна улья пчелъ. Еще болѣе пчеловодъ порадуется, когда на краяхъ сотовъ появится уже свѣжая уза, т. е. новое продолженіе сотовъ. Теперь пора уже подумать о рояхъ и дѣлать приготовленіе къ нимъ, нужно устранить изъ ульевъ по возможности всю трутневую вощину, вырѣзывая ее въ простыхъ ульяхъ острымъ крючкомъ, а въ рамочныхъ замѣняя трутневыя рамы пчелиными, если онѣ есть въ запасѣ; если же ихъ нѣтъ, а матки начинаютъ уже въ трутневыхъ рамахъ насѣвать яички, то вырѣзывать трутневыя вощины, чтобы хотя замедлить разведеніе трутней.

Самое главное для пчеловода—это перемѣнить старый методъ пчеловодства на новый. Но дѣло это не для каждаго легко и исполнимо. У насъ есть свои предубѣжденія, свои привычки, и мы любимъ слушать стариковъ, а старики только съ трудомъ убѣждаются въ пользѣ всего новаго. Такова сила привычки, такъ дорого намъ преданіе отцовъ.

Но отложимъ на время наши предубѣжденія и безпристрастно сравнимъ старые ульи съ новыми. Мы должны согласиться съ простыми пчеловодами, что не въ ульѣ дѣло, а во взяткѣ и положеніи пасѣки. Въ бѣдной, маломедной мѣстности ничего не сдѣлаешь и съ самымъ хорошимъ ульемъ; въ медоносной сторонѣ пчелы нанесутъ массу меду и въ простой улей, но въ благопріятное для взятка время. Такъ, въ простыхъ бортяхъ—стоякахъ и лежакахъ, какъ и малороссійскихъ дуплянкахъ, въ старину имѣли—и до спхъ поръ имѣютъ—массы воску и меду и удивительно быстро увеличивали свои пасѣки. Значитъ, нельзя сказать, что эти ульи, имѣющіе свою почти двухтысячелѣтнюю исторію, плохи.

Но почему же, спросимъ себя, пчеловоды заводятъ теперь другого рода ульи, а почтенные старые оставляютъ? Это дѣлается по весьма важнымъ причинамъ. Разберемъ ихъ.

Наша старая лѣсная борть, выдолбленная изъ толстой колоды, представляетъ улей теплый, просторный, но тяжелый. Онъ любитъ стоять на одномъ мѣстѣ. Впустивъ въ него рой, ты долженъ вручить его доброй матери-природѣ, а самъ ему мало чѣмъ можешь помочь, развѣ въ плохую весну покормишь его, а лѣтомъ, когда Богъ благословитъ, придешь съ ножемъ и подрѣжешь снизу соты съ медомъ. Таковъ борть-стоякъ; а немножко лучше его борть-лежакъ, въ который можно заглянуть чрезъ оба затвора (колодезьки) и немного больше увидѣть. Въ бортяхъ, особенно лежакахъ, бываетъ много меду, но медъ, лежачій въ головѣ, не обновляется, развѣ только въ плохіе годы; въ хорошее лѣто онъ остается не тронутымъ и сахарится. Это убытокъ для пчелъ, потому что онѣ не умѣютъ растворить сахаръ водой, только во время голода высасываютъ немного жидкаго меду, а сахаръ выбрасываютъ и выносятъ вонъ. Подрѣзывая стоякъ всегда только снизу, лежакъ только съ одного конца (а иначе едва ли возможно, такъ какъ въ головѣ не мѣсто трутневой вощинѣ), мы беремъ у пчелъ дорогую, *новую*, чистую вощину, а оставляемъ имъ самую старую, въ которой много ячеекъ, не очищенныхъ отъ твердой перги, закрытой воскомъ. Старыя ячейки при томъ узки отъ накопившихся пчелиныхъ рубашекъ и мало вмѣщаютъ меду. Это—одно зло. А если потеряетъ борть матку? Какъ ее исправить? На авось? Иначе нельзя: или впустимъ матку, или заложимъ кусочекъ молодой червы. Но если въ ульѣ плохая матка или трутовка, чѣмъ тутъ поможемъ? Пчелы убьютъ всякую хорошую матку, убьютъ и выгрѣтую

молодую, пока остается въ живыхъ плохая старая матка, которую изъ такой борти только съ трудомъ можно выкурить вмѣстѣ съ пчелами, чтобы поймать и задавить ее. Въ борти не помѣшаешь пчеламъ строить трутневую вощину, не уничтожишь трутневой червы и только съ трудомъ сдѣлаешь искусственный рой—отводокъ.

Почти такія-же неудобства и старыхъ дунлянокъ, только дуплянка потому лучше, что можно въ ней больше увидѣть, хотя тоже не много и не точно; кромѣ того, преимущество дуплянки передъ бортью состоитъ въ томъ, что она легка, можно ее переставлять, перевозить и пр.

А между тѣмъ человѣку хочется видѣть и изучить все, что дѣлается въ ульѣ, чтобы имѣть возможность помочь природѣ и получать отъ пасѣкъ больше дохода, чѣмъ хозяйничая обыкновеннымъ способомъ. Вотъ иотому и придумали ульи четырехугольные, съ подвижными сотами. Сначала дѣлали рамы толстыя, по наставленію женевскаго пчеловода Франца Гюбера; потомъ Даержонъ сложилъ болѣе удобный улей съ ливейками; наконецъ Берлепшъ иридумалъ рамы, но не толстыя, а очень легкія, удобныя, и пчелы съ тѣхъ поръ вполнѣ подчинены волѣ человѣка. Пчела должна строить соты не такъ, какъ попало, какъ бывало въ простыхъ ульяхъ, а ровныя, какъ доска, чтобы каждый сотъ можно было вынуть и увидѣть, что въ немъ дѣлается и, взявъ его, замѣнить другимъ, и вся пасѣка теперь, какъ одинъ улей. Пчела должна исполнять ириказанія человѣка. Не хочу, чтобы матка насѣвала трутневыя яички,—возьму у ней трутневые пласты; вотъ ей и некуда класть ихъ. Прикажу пчеламъ строить вощину,—поставлю между двумя полными рамами пустую; пчелы не выносятъ пустоты въ гнѣздѣ и сейчасъ застроятъ раму свѣжею вощиной. Хочется мнѣ, чтобы пчелы носили только медъ,—устраню матку, или отгорожу ее рѣшеткой, и онѣ носятъ медъ. Могу ли я сдѣлать все это въ простомъ ульѣ? Нѣтъ; только кое что сдѣлаетъ сама природа.

Въ рамочномъ ульѣ не страшенъ безматокъ, не страшна мотылица, не страшенъ голодъ; менѣе страшна и самая гибельная язва—гнилецъ. Въ немъ все могу исправить: голодному дамъ раму съ медомъ отъ другого, богатаго, и не нужно кормить в пачкаться съ медомъ; слабаго улья теперь уже не можетъ быть, потому что изъ слабаго я въ нѣсколько минутъ сдѣлаю сильный, прибавивъ ему доспѣлую уже черву изъ спльнаго семейства, мотылицу очищу благовременно, не дамъ ей одолѣть семейства; гнилецъ замѣчу въ самомъ его началѣ и не доведу до крайнвсти; но главное—изъ рамочнаго улья я получу вдвое, втрое и даже вчетверо больше меду, чѣмъ изъ простого, потому что я не уничтожаю вощины, пока не наберется ея у меня столько, что я могу наполнить ею всѣ ульи моей насѣки. Эти рамы съ готовою вощиною составляютъ для меня капиталъ. Только тогда, когда у меня такъ много рамъ, что нѣтъ уже для нихъ мѣста въ ульяхъ, топлю *сѣлжую* вощину на воскъ, потому что прошлогодняя прочнѣе новой при *опрастываніи* сотовъ на медометѣ.

Рамка и медометъ—вотъ два главныя изобрѣтенія человѣческаго ума въ области пчеловодства, съ которыми необходимо познакомиться всякому пчеловоду настоящаго времени, и стыдно даже не знать ничего объ этихъ изобрѣтеніяхъ или смѣяться надъ ними.

Однако возвратимся теперь опять въ пасѣку. Стало уже гораздо теплѣе. Сила вездѣ въ ульяхъ увеличилась, но главнаго взятка еще нѣтъ, онъ наступитъ позднѣе. Гдѣ лѣса, порубки, луга, липы, тамъ раньше, а гдѣ только поля, тамъ вся

надежда на гречиху. А теперь, въ маѣ и іюнѣ, надо заботиться пчеловоду о червѣ. Чѣмъ больше червы, тѣмъ больше надежды на роп и медъ. Но пчелъ уже много, онѣ требуютъ много пищи и для себя, а еще больше для молодой червы. Наступитъ день—другой безвзяточный, откуда достать пищи столькимъ язычкамъ и брюшкамъ? Вотъ теперь наступаетъ время кормленія пчелъ, такъ называемаго кормленія *на черву*, значитъ въ разсчетѣ на увеличеніе силы ульевъ. Матка насѣваетъ яички по мѣрѣ теплоты въ ульѣ, зависящей отъ количества пчелъ, *и по мѣрѣ взятка.* Прекращается взятокъ, она тоже начинаетъ меньше червить. Поэтому пчеловодъ кормитъ теперь всѣхъ пчелъ не потому, что онѣ голодны, а чтобы обмануть ихъ и матку. Онѣ получаютъ вечеромъ теплую сыту, не зная, откуда она берется, и имъ кажется, что эта сыта принесена съ поля, и даютъ онѣ маткѣ обильную пищу, чтобы она побольше насѣвала яичекъ. Этимъ пріемомъ пчеловодъ достигаетъ своей цѣли. Весь улей заполняется червой, и сила ежедневно прибываетъ огромная.

Но при кормленіи пчелъ сытой надобно соблюдать величайшую осторожность. Объ этомъ знаютъ и старые пчеловоды, что ранней весной пчелъ кормить сытой вредно. У нихъ многовѣковая практика выработала такое правило: не корми пчелъ сытой раньше цвѣта плодовыхъ деревьевъ; это значитъ—не кормить до тѣхъ поръ, пока воздухъ достаточно не вагрѣется такъ, чтобы пчелы не гибли, когда сыта, вечеромъ ими принятая, возбудитъ ихъ на слѣдующій день летать подальше за взяткомъ. Если тогда воздухъ не достаточно теплый, а онѣ, не находя вблизи взятка, пролетятъ далеко, положимъ въ тѣнистые лѣса, гдѣ по ущельямъ лежитъ еще снѣгъ или ледъ, и солнце не грѣетъ, спрятавшись за тучп, то иногда бываетъ такъ, что изъ ста пчелъ возвратится домой менѣе половины, или только небольшой процентъ, и черва уже крытая остапется открытой п множество ея гибнетъ. Сытой можно кормить только тогда, когда можно надѣяться на слѣдующій день или на теплую тихую погоду, илп на дождь. Именно, когда тучи закроютъ небо, и дождь угрожаетъ, и воздухъ охлаждается, и нѣтъ надежды па вылетъ пчелъ, самое удобное время кормить ихъ сытой. Чѣмъ меньше у пчелъ стараго меду, тѣмъ крѣпче должна быть сыта. Обыкновенно варится сыта такъ, чтобы одна часть чистаго меду приходилась на четыре части воды; но пчеламъ, бѣднымъ собственнымъ медомъ, лучше дать болѣе крѣпкую сыту: на одну долю меду три илп даже двѣ доли воды.

Кормить можно обыкновеннымъ способомъ, въ корытцахъ, только вечеромъ, когда пчелы уже совершенно успокоились. Давать имъ сыту раньше заката солнца нельзя, потому что онѣ, думая, что взятокъ въ полѣ, вылетаютъ леткомъ п летаютъ до темной ночи, прп чемъ многія погибаютъ, если слѣдующій день будетъ съ дождемъ или холодомъ.

Нѣкоторые пчеловоды дѣлаютъ въ головѣ улья дыру, въ которую и вставляется жестяное корытце съ кормомъ; такъ можно съ удобствомъ кормить пчелъ и во время дождя или холода, даже днемъ, задвинувъ лишь летокъ и открывъ устроенный внизу вентиляторъ.

Вообще въ холодную, вѣтрянную весну кормленіе очень полезно, но чтобы сила не терялась, надобно летки держать открытыми ночью, а днемъ задвинуть, открывъ внизу вентиляторы съ проволочной сѣткой. Только такимъ способомъ можно сберечь пчелъ, предназначенныхъ на погибель на вѣтрахъ, до главнаго взятка. Но при этомъ необходимо наблюдать, не вредно ли такое закрытіе летка. Если очень сильныя пчелы являются массою при вентиляторѣ, ища выхода, и если сѣтка венти-

лятора окажется *теплой* и пчелы неистово шумятъ, тогда надобно кропить вентиляторъ холодной водой и кропить обильно, а пчелы слижутъ воду и утихнутъ. Если же и отъ этого не усмирятся, необходимо пустить ихъ леткомъ.

Чрезвычайно полезно давать пчеламъ сыту съ разбитыми *свѣжими* яицами. Когда сыта настолько уже охлаждена, что можно ее наливать пчеламъ, бери столько совершенно свѣжихъ яицъ, чтобы на четыре стакана пришлось одно, в бѣлки и желтки сбей съ сытою. Но такую сыту давай не чаще, какъ черезъ два дня, и увидишь, какой будетъ успѣхъ въ червленіи, какая здоровая выйдетъ черва. Это рекомендуется особенно тамъ, гдѣ былъ гнилецъ и находятся слабыя пчелы, плохо червящія, также тамъ, гдѣ пчелы боролись съ мотылицей и потеряли много червы. Нѣкоторые рекомендуютъ молоко, которое не безполезно, но слѣдуетъ предпочитать яица, за великую пользу которыхъ я могу поручиться многолѣтней практикой.

При разумномъ кормленіи пчелъ въ теплое время и при непусканіи ихъ въ ненадежное время, особенно въ вѣтренные дни, сила въ ульяхъ скоро увеличивается, и пчелы дѣлаютъ приготовленія къ роенію.

Теперь вопросъ, ждать ли роевъ, пока они выйдутъ сами, т. е. *самородныхъ*, или дѣлать *искусственные*? Самородные рои имѣютъ свои удобства, но представляютъ много и неудобствъ. Нечего и говорить, что лучше, когда пчелы сами раздѣлятся природнымъ своимъ инстинктомъ, да и пріятно видѣть, когда выходитъ рой, особенно первакъ! Въ ульѣ, на краяхъ сотовъ, уже множество маточниковъ, и какъ только пчелы уже примутся закрывать ихъ, это знакъ, что онѣ готовятся къ рою. Онѣ тогда не даютъ маткѣ обыкновенной пищи, а даютъ очень скудную, чтобы въ ея яичникахъ не образовывалось больше яичекъ, тяжесть которыхъ дѣлаетъ ее неспособною къ лету. Когда уже два-три маточника закрыты, а погода стоитъ теплая, пчелы обнаруживаютъ большое движеніе въ ульѣ. Молоденькія пчелки и трутни начинаютъ переигрывать, чтобы запомнить мѣсто родного улья. Нѣкоторые пчеловоды, даже ученые, писали, что передъ выходомъ роя пчелы при леткѣ пляшутъ. Такъ думаютъ и наши крестьяне. Да, дѣйствительно можно видѣть пляшущихъ пчелъ, но не только передъ выходомъ роя, а и въ другое время, на ульѣ и на пластахъ внутри. Но это бываетъ иногда смертельная пляска. Возьмите такую пляшущую пчелку въ руку и осмотрите ее тщательно, и вы увидите на ней насѣкомое бураго или чернаго цвѣта, которое всасывается въ нее и тѣмъ ее убиваетъ. Она въ судорогахъ пляшетъ, стараясь ножками освободиться отъ врага, но ей это рѣдко удается. Такія насѣкомыя (meloë variegatus) особенно часто находятся на цвѣтѣ скабіозы и эспарцета, откуда они бросаются на пчелъ и переходятъ съ убитой ими на другихъ здоровыхъ, иногда даже на матку. Я нашелъ разъ семь такихъ насѣкомыхъ на маткѣ, мучившихъ ее, и на днѣ улья была масса пчелъ, убитыхъ ими. Это можете замѣтить въ іюнѣ мѣсяцѣ на днѣ улья, гдѣ находятся между соромъ такія погибшія насѣкомыя. Но это мимоходомъ, а теперь продолжимъ нашъ разсказъ.—Выходитъ «музыканты»-трутни и громко гудятъ, идетъ авангардъ, а затѣмъ масса пчелъ, будто невидимая сила бросаетъ ихъ изъ летка; затѣмъ изъ улья выталкиваютъ матку. Осмотритъ она летокъ, взовьется въ воздухѣ, облетитъ улей сверху и снизу, отлетитъ подальше и, наконецъ, пропадаетъ въ роѣ. Теперь идетъ арріергардъ, и вотъ уже всѣ охотники къ перемѣнѣ жилища въ воздухѣ! Нѣсколько минутъ рой гуляетъ, но пора и отдохнуть. Пчелы всѣ тяжелыя, наполненныя медомъ, измучены давкой при выходѣ изъ летка, ищутъ отдыха и избираютъ себѣ для этого мѣстечко на вѣтви дерева или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Въ эту густую массу, руководясь шумомъ,

летптъ и матка. Снимаемъ рой въ ройницу, видимъ—все благополучно. Позволимъ ему совершенно успокоиться, чтобы онъ собрался въ густую массу, и тогда жестянымъ полонникомъ черпаемъ его и сыплемъ въ предназначенный улей. Пчелы, имѣющія матку, скоро пойдутъ вверхъ улья. Когда уже всѣ собрались, затворяемъ улей, очистивъ перомъ его края отъ пчелъ, а оставшіяся еще пчелки занюхаютъ матку леткомъ и обсядутъ его. Ждемъ другого, третьяго роя. Да, нѣтъ ничего пріятнѣе пчеловоду, какъ подобный сборъ роевъ!

Но не всегда дѣло идетъ такъ гладко; бываютъ при этомъ и разныя непріятныя случайности. Вышла изъ улья матка, упала, крылья у ней плохи, она запуталась въ травѣ, пчелы ищутъ ее въ воздухѣ, а не найдя, возвращаются домой. Между тѣмъ улей переполненъ, некуда уже складывать меду, сидятъ пчелы праздно на ульѣ, а вѣдь до выхода вторака осталось 9 дней, и эти дни драгоцѣннаго времени пропали даромъ, а это весьма много значитъ для роя.

Кромѣ того, собирать натуральные рои тамъ, гдѣ въ пасѣкѣ только нѣсколько ульевъ, еще не бѣда; но пожалуйте въ пасѣку, гдѣ ульевъ 100, 200 или 300 штукъ. Во всѣхъ сильныхъ ульяхъ уже есть маточники, уже вышло и нѣсколько роевъ, но случился дождь въ теченіи трехъ-четырехъ дней, выходъ роевъ пріостанавливается. Но вотъ пригрѣло солнце, по всей пасѣкѣ такъ и посыпались рои, никто не можетъ сказать, сколько ихъ и изъ какихъ ульевъ. Сразу выйдетъ 50 или больше. Выходятъ перваки съ старыми матками, выходятъ втораки съ молодыми. По пасѣкѣ кружится и шумитъ цѣлая туча пчелъ, садятся онѣ то здѣсь, то тамъ огромными массами; пчеловодъ стряхиваетъ однѣхъ, а другія салятся. Онъ сыплетъ рои въ ульи, но куда ни взглянетъ, на полу ульевъ свалка. Пчелы давятъ матокъ и не идутъ вверхъ въ улей. А сказать вамъ, что тамъ происходитъ въ этомъ хаосѣ? Послушайте.

Молодыя матки, которыхъ со втораками выходитъ множество, страшные враги старыхъ матокъ. Онѣ охотятся на нихъ, и гдѣ только молодая матка попадетъ на старую, тамъ старая навѣрное погибла. Пчелы же отъ старой матки по этому терпѣть не могутъ молодыхъ матокъ и убиваютъ ихъ, но въ такомъ множествѣ матокъ и жалящихъ пчелъ имъ трудно спасти старыхъ матокъ. Пришлось ниѣ однажды видѣть такую ройку поелѣ трехдневнаго дождя. Изъ болѣе чѣмъ 50-ти роевъ едва составилось три улья. Вообще, когда одновременно идутъ рои перваки, втораки, да еще и третьяки, старыя матки обыкновенно всегда погибаютъ. Посмотрите въ большой пасѣкѣ во время ройки вечеромъ, какъ подъ крышками или шапками ульевъ сидятъ изгнанныя молодыя матки и ночуютъ тамъ, дожидаясь слѣдующаго дня, и сколько вреда онѣ нанесутъ первакамъ-роямъ! Вотъ неудобства естественной ройки.

Потому понятно, что пчеловодъ, имѣющій, положимъ, всего четыре улья, можетъ въ благопріятное лѣто получить изъ нихъ роевъ двѣнадцать и больше. Въ 1858 году я имѣлъ изъ 11 старыхъ, слабыхъ семействъ 48 громадныхъ роевъ! Но въ такой прогрессіи не увеличиваются пчелы въ большихъ пасѣкахъ. Уже изъ ста ульевъ трудно получить сто колодъ роевъ, изъ 300 еще труднѣе получить 300 даже въ самыя хорошія лѣта, потому что рои смѣшиваются, и множество старыхъ, самыхъ надежныхъ для червленія матокъ падаетъ жертвами. Но чтобы такія большія пасѣки увеличивать въ такой же прогрессіи, если есть къ тому надобность, можно этого достигнуть только при помощи отводокъ.

Бываютъ при природномъ роеніи еще и другія неудобства. Иногда рой, вышедшій изъ улья, взвивается высоко въ воздухъ и улетаетъ, иногда онъ сядетъ на

высокое дерево, на недоступное мѣсто, и пчеловодъ долженъ оставить его своей судьбѣ за невозможностью снять его. И при природномъ роеніи необходимо по цѣлымъ днямъ караулить пасѣку, и напрасно терять хозяину крестьянину много самаго драгоцѣннаго для другихъ хозяйственныхъ занятій времени, а рой выходитъ иногда нечаянно, когда его простой пасѣчникъ не ожидаетъ, иногда онъ караулитъ его цѣлыми недѣлями, а онъ не выходитъ. Въ моей долголѣтней практикѣ я имѣлъ рои необыкновенно рано, утромъ въ 5 часовъ, а однажды вышелъ у меня громадный парой (рой отъ первака) въ 7 часовъ вечера, когда въ пасѣкѣ уже никого не было. Такое постоянное безпокойство и трата времени надоѣдаютъ простымъ пчеловодамъ, и потому у нихъ мало охоты къ заведенію пасѣкъ.

Поэтому гораздо лучше дѣлать искусственные отводки—во-первыхъ, потому, что можно ихъ дѣлать раньше, когда угодно и когда нужно, не торопясь, а такъ сказать—между дѣломъ; во-вторыхъ, потому, что при искусственномъ отводкѣ молодыя матки не мѣшаютъ вамъ; ни одна матка, хотя и съ плохими крыльями, ни одинъ рой отъ насъ никуда не уйдетъ, не надо за нимъ лазить по деревьямъ, иногда съ опасностью жизни. Если искусственно отведемъ хотя бы однихъ перваковъ, то вторакн пусть себѣ и смѣшиваются—это безвредно. Тогда не будетъ никакой свалки пчелъ, и можемъ ихъ раздѣлять, какъ угодно. Сдѣлать отводокъ или искусственный рой въ рамочномъ ульѣ—дѣло, требующее не болѣе четверти часа времени. Изъ стараго улья взять матку и двѣ—три рамы съ червой и медомъ, а вмѣсто взятыхъ рамъ дать новыя, только съ начатками вощины, передвинуть улей старый и поставить новый такъ, чтобы, гдѣ стоялъ старый, было пустое мѣсто, а по бокамъ его стояли старый улей съ одной, а новый съ другой стороны, и такъ раздѣлить пчелу, чтобы въ старомъ ульѣ было достаточно силы грѣть и кормить черву, а въ новомъ покрыть соты—и дѣло кончено. Въ одинъ день вмѣстѣ съ помощникомъ можно сдѣлать 20 и 30 отводковъ, по мѣрѣ увеличивающейся силы въ ульяхъ и взятка въ полѣ. А у кого двѣ пасѣки, тамъ дѣло еще проще. Набери пчелъ съ матками въ ящикъ, закрытый съ одной стороны сѣткой, и вези въ другую пасѣку за 3 версты, тамъ посади въ улей съ начатками вощины, и безъ всякихъ хлопотъ наполнишь свою пасѣку ранними отводками. Пока начнутъ идти самородные рои, твои отводки уже обстроятся, а старые ульи наполнятся медомъ.

Теперь вошли въ употребленіе и въ дупляночныхъ пасѣкахъ отводки, въ пользѣ которыхъ убѣдились уже крестьяне. Когда они только замѣтятъ, что пчелы поновили уже вощину и являются уже трутни, а время теплое обѣщаетъ взятокъ, они изгоняютъ рои насильственно поочередно, сперва изъ самыхъ сильныхъ ульевъ, а послѣ изъ приходящихъ въ силу, такъ, что ни одного природнаго роя не пускаютъ, и всѣ отводки или ставятъ на половинѣ лета, или перевозятъ въ поле, именно въ мѣста съ богатѣйшимъ взяткомъ. Это дѣло простое и легкое, но въ простыхъ дуплянкахъ одна бѣда, что нельзя такъ воспользоваться взяткомъ въ то время, когда онъ самый богатѣйшій, какъ это бываетъ въ рамочныхъ ульяхъ при медометѣ. Послѣдствіемъ неподвижности сотовъ въ дуплянкахъ бываетъ переполненіе выроившихся ульевъ медомъ и неспособность ихъ къ здоровой зимовкѣ; если они оставляются на зиму, медъ въ нихъ сахарится и напрасно занимаетъ только мѣсто въ ульѣ; если же хотимъ его взять, не остается ничего, какъ только уничтожить пчелъ, окуривъ ихъ сѣрой, если не найдемъ для нихъ мѣста по другимъ сосѣднимъ ульямъ.

Старый обычай выбиванія пчелъ въ дуплянкахъ нельзя назвать разумнымъ; но онъ былъ необходимъ, пока неизвѣстны были рамочные ульи и медометъ, или

центробѣжка. По старой системѣ пчеловодъ получалъ только разъ въ годъ, осенью, медъ и при этомъ уничтожалъ свои лучшія пчелиныя семейства, потому лучшія, что въ выроенныхъ ульяхъ бываютъ обыкновенно молодыя, только что оплодотворенныя матки, самыя надежныя. Но такъ учила его практика. При обильномъ цвѣтеніи гречихи старые ульи поелѣ ухода старой матки наполнялись медомъ сверху до низу, какъ сказано выше. Пока молодая матка собралась червить, уже на сотахъ осталось незалитымъ только самое маленькое пространство. Меду бывало много, пчелъ мало. Пчелы очень медныя не только плохо зимуютъ, но и на весиѣ не скоро приходитъ въ силу именно потому, что у нихъ мало мѣста для развода червы. Такъ училъ опытъ, и на разводъ оставлялись ульи, главнымъ образомъ рои, въ которыхъ было больше червы и больше свободнаго пространства, т. е. больше пчелъ, а меньше меду. Вотъ причина, почему выбиваніе пчелъ было необходимо. Но при рамочныхъ ульяхъ и медометахъ выбиваніе пчелъ совсѣмъ излишне, особенно тамъ, гдѣ мѣстность медная и сила пчелъ бываетъ небольшая.

Бываютъ пчеловоды, относящіеся съ такою любовью къ пчеламъ, что они ни подъ какимъ условіемъ не допускаютъ окурниванія пчелъ сѣрой, считая это варварствомъ. Кому же можетъ быть пріятно лишать жизни такое трудолюбивое, умное и такое милое животное?! Вотъ они и научаютъ такъ: лучше не разводить такую массу пчелъ, чѣмъ готовыхъ уже убивать. Но такое ученіе не практично. Главная задача всякаго пчеловода состоитъ именно въ разведеніи по возможности большей массы пчелъ, чтобы онѣ были готовыми до главнаго взятка. А какой же смертный можетъ предвидѣть, какое будетъ время взятка? Но когда мы развели по нашему долгу массу пчелъ, Богъ посылаетъ на время взятка засуху съ молніей или двѣ—три недѣли дождя. Взятокъ прошелъ, въ пасѣкѣ мало меду. Оставить всѣхъ пчелъ безъ запасовъ меду, всѣ погибнутъ зимой. Въ 1860 году, въ странѣ, гдѣ я жилъ, поелѣ ужаснаго лѣта уцѣлѣлъ у крестьянъ, оставившихъ пчелъ на волю Божію, только ничтожный процентъ отъ зимы; а раціональный пчеловодъ, окурившій половину ульевъ лѣтомъ и подкормившій взятымъ отъ окуренныхъ медомъ другую половину, спасъ ее, и вощина у него осталась чистая для роевъ, когда у простыхъ пчеловодовъ она пошла на ломъ, такъ какъ ячейки ея были наполнены мертвыми пчелами. — Нельзя безусловно послѣдовать и такому совѣту, чтобы изгнавъ пчелъ изъ улья, на медъ предназначеннаго, нагонять на сосѣдній, такъ какъ при этомъ бываетъ опасность для матки въ то позднее время, а переполненіе ульевъ пчелами на зиму бываетъ очень вредно. Самое лучшее—посредственная сила.

Разумный пчеловодъ, имѣя уже рамочные ульи и большой запасъ готовыхъ рамъ, наполняетъ ими всѣ свои ульи. Во время главнаго взятка онъ пользуется ими безъ отдыха. Въ большой пасѣкѣ пасѣчнику въ эту горячую пору мало остается времени даже для сна. Надо торопиться вынимать рамы, наполненныя медомъ, пока пчелы ихъ не забрушатъ. Медометъ, или центробѣжка, это—цилиндръ или бочка съ четырехстороннею клѣткою внутри; стѣны этой клѣтки заснованы веревочною сѣткою, и вдоль ихъ вставляются рамки съ медомъ; клѣтка этой бочки посредствомъ веревки или блока приводится въ вращательное движеніе, и медъ брызжетъ изъ сотовъ по стѣнкамъ бочки, въ первый разъ съ одной стороны сотовъ, а во второй—съ другой. Медъ изъ бочки выпускается краномъ въ стѣнѣ бочки или дырою, закрываемой пробкой. Опорожненные соты опять вставляются въ ульи. Поелѣ двухъ дней взятка они опять полны, и такъ можно опрастывать ихъ раза четыре или пять, даже десять и болѣе. Но если пчелы уже успѣли запечатать медъ, то нужно

острымъ ножемъ, загнутымъ подъ угломъ, срѣзать покрышки; это уже отнимаетъ больше времени, иногда и опасно, особенно при концѣ взятка. Пчелы же брушатъ соты болѣе всего во время дождя. При продолжительномъ богатомъ взяткѣ пчеловодъ получитъ при помощи медомета вообще въ трп—четыре раза больше меду, чѣмъ пзъ простыхъ ульевъ, и при томъ освободитъ ульи, предназначенные на развода отъ излишка меду, иснужнаго имъ и только препятствующаго маткѣ въ насѣваніи яичекъ на слѣдующую весну. Но и при этомъ должна быть большая осмотрительность, чтобы не было убытка при прекращеніи взятка и не пришлось пчеловоду пзъ бочки обратно давать медъ пчеламъ, слишкомъ ограбленнымъ.

Кто еще увеличиваетъ пасѣку и имѣетъ для этого соотвѣтственное мѣсто и время, для того излишне окуривать сѣрой или выбивать пчелъ; въ хорошіе годы онъ можетъ пзъ ульевъ, предназначенныхъ только на медъ, раздѣлить ночью пчелъ по сосѣднимъ ульямъ, взявъ ихъ матку. Окуриваніе сѣрой пчелъ допускается только въ мѣстностяхъ маломедныхъ, гдѣ вообще силы въ ульяхъ бываетъ много, такъ что увеличеніе этой силы прибавкой другихъ пчелъ было бы вредно при зимовкѣ ульевъ въ омшанникѣ. Пчеловодъ не можетъ предвидѣть, какой будетъ главный взятокъ; онъ, какъ сказано, разводитъ много червы, а когда взятокъ окажется скуднымъ, тогда является необходимость спасать побольше семействъ и жертвовать пчелами. Въ такихъ случаяхъ нельзя не окурпть ненужныхъ пчелъ, чтобы не погибли и остальныя, не особенно богатыя медомъ.

Пчеловодъ долженъ умѣть примѣняться къ мѣстности и взятку, и опытъ покажетъ ему, какъ и что полезнѣе. Чтобы получить побольше меду, пчеловоды теперь вводятъ ганемановскую рѣшетку, которою во время главнаго взятка отгораживается на двухъ-трехъ пластахъ матка отъ остальныхъ пластовъ, предназначенныхъ на медъ. Рѣшетка эта сдѣлана такъ, что сквозь скважины ея можетъ пройти рабочая пчела, но не можетъ пройти матка. Это изобрѣтеніе весьма полезно. Впрочемъ, многіе пчеловоды просто уничтожаютъ матокъ на время главнаго взятка, а пока пчелы воспитаютъ молодую мать и она начнетъ червить, онѣ пользуются медометомъ, отбирая у пчелъ почти весь медъ до тѣхъ поръ, пока стоитъ постоянная погода и пока продолжается главный взятокъ. Но такое убиваніе матокъ, какъ и ганемановская рѣшетка, препятствуетъ вымножешю молодыхъ пчелъ, и осенью являются такіе улья съ малымъ количествомъ пчелъ, хотя и богатые медомъ. При такихъ обстоятельствахъ окуриваніе пчелъ сѣрой было бы безразсудно, такъ какъ многомедному улью очень желательно получить побольше пчелъ, которыми онъ не богатъ.

Разумный пчеловодъ, прежде всего, постарается изучить теорію и практику пчеловодства изъ книгъ по пчеловодству, которыхъ теперь очень много издано по весьма доступнымъ цѣнамъ, а также изъ собственнаго опыта. Онъ не пожалѣетъ денегъ и построитъ по возможности дешевые, но хорошіе ульи, чтобы хозяйничать не слѣпо, а сознательно, съ знаніемъ дѣла и поэтому съ большею для себя пользою. Онъ будетъ все, о чемъ пишутъ, испытывать, а изберетъ то, что окажется наиболѣе лучшимъ и практичнымъ для страны, въ которой онъ живетъ.

На зиму онъ постарается оставить своимъ пчеламъ достаточный запасъ меду и въ августѣ убѣдится въ доброкачественности всѣхъ матокъ. Устраивать пчелъ на зиму онъ будетъ тоже по обычаю своей страны, которымъ никогда нельзя пренебрегать. Самая надежная зимовка въ хорошемъ холодномъ и совершенно темномъ омшанникѣ. Въ теплыхъ ульяхъ и бортяхъ пчелы хорошо зимуютъ на дворѣ, вредно имъ только бываетъ тогда, когда бываетъ большая оттепель и теплые солнечные дни, кото-

рые побуждаютъ ихъ къ вылету зимою. Борти можно передѣлать въ рамочные ульи или построить рамочные ульи изъ толстыхъ досокъ и замѣнить ими простые борти.

Въ омшанникѣ нужно беречь пчелъ отъ мышей, вылавливая ихъ. Если въ омшанникѣ станетъ очень тепло, ночью провѣтривать его, а подъ весну *безпокоящихся* пчелъ кропить водой. Это очень полезно. Если же онѣ сидятъ смирно, не трогать ихъ совершенно. Изъ всѣхъ зимовокъ самая лучшая зимовка въ землѣ, она пригодна для всѣхъ климатовъ. Въ *сухой* землѣ роется длинная яма въ родѣ канавы, въ нее вставляются ульи, и канавка прикрывается досками, а затѣмъ послѣ соломой или сосновыми иглами, чтобы не допустить сырости, а все сверху присыпается толстымъ слоемъ земли на подобіе крыши, покато въ обѣ стороны, что имѣетъ видъ ямы, въ которой зимуетъ картофель. Температура тамъ совершенно равномѣрна, темнота полная и совершенный покой, не заберется туда мышь, и пчелы почти спятъ тамъ всю зиму, употребляя очень мало меду; никогда не страдаютъ желудкомъ и выходятъ на веснѣ очень здоровыми. Это я испыталъ въ теченіе многолѣтней моей практики. Для пчелъ совершенно достаточно того воздуха, который находится между ульями и стѣнками канавы. Тамъ онѣ между прочимъ и вполнѣ безопасны отъ пожара. Можно ихъ весной, когда еще холодно, продержать подольше до наступленія постояннаго тепла, хотя бы и до конца апрѣля, пока не явится уже взятокъ. Совѣтую попробовать.

Теперь остается намъ еще поговорить о разнаго рода врагахъ пчелъ.

3. Враги пчелъ.

Пчелы имѣютъ много враговъ.

Первымъ считается *холодъ*. Какъ происходящія изъ теплаго климата, пчелы не переносятъ холода, къ которому онѣ не могутъ привыкнуть, подобно другимъ животнымъ или человѣку. Пчелы могутъ выдержать и тяжелыя зимы, но подъ условіемъ, чтобы температура внутри улья не очень понижалась и чтобы у нихъ было теплое гнѣздо,—такое, въ которомъ пчелы могутъ производить теплоту до 18° Реом., нужную для выгрѣванія червы. Подъ гнѣздомъ разумѣются пласты съ небольшими запасами меду, настолько широніе и длинные, чтобы пчеламъ, между ними сидящимъ, возможно было отдѣлить своими тѣлами внутреннюю теплоту отъ болѣе холодной температуры улья или воздуха. Если пласты (относительно рамы съ пластами) длинны и довольно широки, то въ центрѣ ихъ, гдѣ обыкновенно матка зимуетъ, образуется какъ бы печка, огрѣвающая и тѣхъ пчелъ, которыя на дальнихъ рамахъ или пластахъ, такъ что имъ и самаго большаго холода нечего бояться. Темнота же въ центрѣ зависитъ отъ многолюдности семейства. Чѣмъ сильнѣе въ ульѣ семейство, тѣмъ лучше будетъ зимовка пчелъ,—разумѣется, при достаточныхъ запасахъ меду.

Если же пчелы не успѣли себѣ построить широкаго и глубокаго гнѣзда, то имъ некуда спрятаться, и тогда холодъ дѣйствуетъ на нихъ вредно, хотя бы у нихъ и былъ достаточный запасъ меду,—онѣ страдаютъ отъ холода, послѣдствіемъ котораго бываетъ запереженіе и смерть семейства. Запереженіе же происходитъ отъ того, что не имѣя возможности имѣть нужную теплоту отъ самой многолюдности и глубокаго гнѣзда, онѣ производятъ искусственную теплоту треніемъ крыльевъ и воздуха, при чемъ потребляется большое количество пищи, т. е. меду.

Какъ вредно дѣйствуетъ холодъ весною, знаетъ каждый пчеловодъ. Ежели послѣ теплаго дня вдругъ подуетъ холодный вѣтеръ, пчелы не могутъ залетѣть до-

мой, и множество ихъ падаетъ на землю и пропадаетъ, если до истеченія 24 часовъ воздухъ не нагрѣется настолько, чтобы онѣ опять могли летать; по истеченіи 24 часовъ, если воздухъ и нагрѣется, пчелы остаются мертвыми.

Противъ холода должны быть построены ульи изъ теплаго матеріала, преимущественно изъ соломы или гнилаго дерева (порохна). Ульи изъ обыкновенныхъ досокъ должны быть обложены соломой. Въ ульяхъ изъ прессованной соломы пчелы никогда не страдаютъ зимой отъ холода, и весною, даже въ случаѣ потери многихъ пчелъ, на дворѣ червя не такъ застуживается, какъ въ деревянныхъ ульяхъ.

Вторымъ ужаснымъ врагомъ пчелъ является *вѣтеръ*, именно всякій вѣтеръ—и холодный, и теплый, но болѣе вреденъ теплый. Когда холодный вѣтеръ дуетъ, пчелы или вовсе не летаютъ или только летаютъ немногія смѣлыя, но и тѣ пропадаютъ; а такъ какъ во время холоднаго вѣтра понижается температура и внутри улья, то пчелы воздерживаются отъ полета по той причинѣ, что нужно имъ толстымъ слоемъ своихъ тѣлъ грѣть черву. Но когда дуетъ теплый вѣтеръ (югозападный) и при немъ бываетъ взятокъ, пчелы вылетаютъ массою въ поле, иногда далеко, за взяткомъ и пропадаютъ, потому что пчела найдетъ свой улей только на разстояніи 3-4 верстъ; когда же вѣтеръ отнесетъ ее далѣе на одну версту, она уже не попадетъ домой, и вечеромъ ульи окажутся ослабѣвшими, съ непокрытою червой. Очень часто бываетъ, что послѣ теплаго, погоднаго, но вѣтренаго дня вся пасѣка представляется какъ будто вымершей, и на слѣдующій день прежде сильныя пчелы вовсе не летаютъ, хотя погода великолѣпная и взятокъ богатѣйшій. Послѣ такой катастрофы надобно опять ждать, пока изъ червы не выйдетъ новое поколѣнье молодыхъ пчелъ и опѣ пойдутъ въ поле, и пасѣка заново оживаетъ. Ужасны южно-русскіе вѣтры, препятствующіе развитію пчеловодства. Ухаживаешь тщательно за пчелами, кормишь ихъ и грѣешь по возможности, и твои усилія вѣнчаются успѣхомъ. Въ мѣсяцѣ апрѣлѣ ты уже видишь массу пчелъ, онѣ и поновять узу, замѣтишь уже и трутневую черву и маточники, но въ одно прекрасное утро милліоны твоихъ пчелъ бросились за взяткомъ; поднимается вѣтеръ, собственно буря, и ты видишь, что мало пчелокъ возвращается къ леткамъ, вечеромъ посмотришь внутрь и съ болящимъ сердцемъ увидишь, что вся выхоленная тобою и выкормленная черва, стоившая множества меду, пропала безъ слѣда. Мѣсяцъ май и даже іюнь для пчеловодовъ на югѣ Россіи—мѣсяцы тяжелыхъ мученій и испытаній. Напрасны всѣ труды. А когда іюль покажетъ теплые дни, ты желалъ бы имѣть хотя столько пчелы въ ульяхъ, сколько ея было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Рои твои будутъ крошечные; меду изъ гречихи, положимъ, будетъ много, если Богъ дастъ Свою небесную росу; но ты получишь только десятую долю того, что ты имѣть бы, если бы хозяйничалъ въ странѣ, закрытой отъ безпрестанныхъ вѣтровъ. Вотъ и причина, почему пчеловодство на югѣ Россіи только въ исключительно благопріятныхъ мѣстахъ процвѣтаетъ, вообще же—даже въ упадкѣ.

И здѣсь является вопросъ: можно ли обезпечить пасѣку отъ этого самаго вреднаго врага, отъ вѣтровъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень труденъ. Единственнымъ средствомъ является такое устройство ульевъ, чтобы можно не пускать пчелъ при холодной или ненадежной погодѣ. Въ ульѣ, или въ должеѣ, или въ полу, долженъ быть вентиляторъ съ проволочною сѣткой, который можно, по усмотрѣнію пчеловода, закрывать, когда благопріятствуетъ погода, или открывать, когда во время ненадежной погоды закрывается летокъ. Такъ удавалось мнѣ часто сберечь сплу пчелъ, которая непре-

мѣнно погибла бы на вѣтрахъ. Надобно смотрѣть на баромстръ или по собственному опыту предвидѣть погоду. Если нчелы сильны, ямъ дается утромъ рано, до затворенія, жидкая холодная сыта, чтобы онѣ не придушились и не высосали червы отъ жажды. Можно ихъ тоже раньше затворенія скропить холодной водой ва крайнихъ рамахъ, на которыхъ нѣтъ червы. Но не всегда это помогаетъ. Бываетъ такъ, что сбережешь силу разъ, другой и третій, а вѣтеръ всетаки возьметъ свое; когда ты ожидаешь погоды, она вдругъ измѣнится и сразу погубитъ большую массу сбереженныхъ пчелъ. Гораздо безопаснѣе открывать вентиляторъ въ вѣтренные дни, чтобы принудить пчелъ не улетать изъ улья, а грѣть большой массою черву.

Когда же весною погода измѣнится, наступятъ чувствительные холода в не предвидится скоро теплая погода, тогда самое лучшее, не жалѣя труда, спрятать всѣ ульи въ погребъ или омшанникъ, обозначивъ въ пасѣкѣ точно, по нумерамъ, мѣста, на которыхъ они стояли, и вынести ихъ опять въ теплое время. Въ погребѣ или оншанникѣ можно ихъ кормить, сколько угодно и сколько нужно, теплою сытою, что побудитъ матку къ сильному червленію, и черва, бывшая уже ввизу, и которая на дворѣ, на холодѣ пропала бы, сохранится.

Третьимъ большимъ врагомъ пчелъ является *мотылица*. Она достаточно извѣстна всѣмъ пчеловодамъ, особенно хозяйничающимъ въ болѣе тепломъ климатѣ. О ней мы упоминали уже выше, теперь скажемъ еще нѣсколько словъ.

Мотылица вредна преимущественно только слабымъ семействамъ, если у нихъ много вощины, именно старой, темной, составляющей ея любимую пищу. Поэтому не слѣдуетъ никогда оставлять слабымъ семействамъ большаго количества пустой вощины, а лишь столько, сколько пчелы могутъ собою закрыть. Если же отъ этого охладилось бы ихъ гнѣздо, слѣдуетъ тщательно наблюдать за такой вощиной, чтобы не забрался въ нее мотылчный червь, улей же тщательно очищать отъ всякаго сора и отрубей вощины, падающихъ на дно, въ которыхъ скоро зарождается мотыличный червь, ужасно быстро растущій. Еще лучше, если есть другія сильныя семейства, взять у нихъ одну или двѣ рамы съ готовою прикрытою червою, уже доспѣвающею въ ячейкахъ, и вставить слабому семейству, если на это позволяетъ температура воздуха и если есть ичелъ хоть столько, чтобы онѣ кое какъ закрыли собою черву. Когда молодая пчела выйдетъ изъ червы, слабое семейство дѣлается крѣпкимъ и уже не легко впустить мотылицу.

Но бываетъ иногда, что мотылица заберется и въ самый сильный улей. Пчелы не замѣтили, когда мотылчная бабочка влетѣла леткомъ или какою либо скважинкой и насѣяла въ ячейкахъ яичекъ, изъ которыхъ выгрѣли пчелы мотыличную черву. Когда откроешь улей и возьмешь въ руки раму, увидишь, что среди червы будетъ много открытыхъ ячеекъ, изъ которыхъ видны головки бѣлыхъ еще или бурыхъ пчелокъ. Это знакъ, что эти ячейки уже попорчены мотылицей, но что пчелы ее убрали и по обыкновенію вытащили изъ улья. На нѣкоторыхъ же ячейкахъ замѣтишь будто опухоль, тянущуюся по прямой линіи или углами, а когда пальцемъ дотронешься до этой опухоли, изъ подъ нея выпадетъ мотыличный червь. Онъ и безъ того на солнцѣ выпадаетъ. Тогда нужно убрать всю мотылицу, забравшуюся въ черву, въ противномъ случаѣ она, оставаясь въ ячейкахъ, обмотаетъ много червы на днахъ своей паутиной, будто пришьетъ ее къ ячейкамъ. Пчелы, такъ прпшитыя, не могутъ выйти изъ ячеекъ и погибаютъ. Когда же такую несчастную ичелку вытащишь изъ ячейки, то замѣтишь, что она—калѣка, ужасно изморена, крылышки не развиты, ноги кривыя, и пчелы по-спартански сами выбрасыва-

ютъ такихъ изъ ульевъ. Въ сильно замотыличенныхъ ульяхъ почти вся черва пропадаетъ такимъ образомъ; мотылицѣ уже никто не мѣшаетъ дѣлать разрушенія, и вся вощина обращается въ клубокъ паутины съ массою червы и бабочекъ всякаго возраста. Мотылица можетъ и сверху улья забраться въ вощину. На заголовкѣ (колодезнѣ) простыхъ ульевъ мотыличный червь вертитъ дыру, какъ шиломъ, и чрезъ нее опускается на соты. Если онъ выведется позднею осенью, онъ въ скважинѣ улья превратится въ коконъ, перезимуетъ въ немъ даже на морозѣ и оживетъ когда весною воздухъ потеплѣетъ.

Пчелы ужасно боятся мотылицы; но удивительно, что онѣ только иногда ее убиваютъ на червѣ, если она выйдетъ изъ своихъ ходовъ; если же не выйдетъ, онѣ ее не трогаютъ. Только на днѣ улья, гдѣ она зараждается въ сорѣ, онѣ ставятъ караулъ изъ кучки пчелъ, чтобы не допустить ее вскарабкаться вверхъ въ вощину.

Если мотылица весною уже одолѣваетъ пчелъ, то онѣ, не видя никакого выхода, если у нихъ есть матка, убираются изъ улья, выходя съ роемъ. Рои такіе называются мотыличными и ни за что не осядутъ въ ульѣ, когда ихъ поймаютъ, но охотнѣе соединяются съ другими семействами въ ближайшей пасѣкѣ.

Если пчеловодъ помѣститъ рои въ новый улей, положимъ—въ рамочный, съ налѣпками, и тамъ будетъ гдѣ нибудь хоть одинъ коконъ мотылицы, рой переночуетъ обыкновенно въ ульѣ и будетъ огрызывать коконъ; но такъ какъ онъ очень твердъ, то рой оставляетъ улей, взлетаетъ высоко и уходитъ вонъ изъ пасѣки. Также въ дуплянкахъ и другихъ простыхъ ульяхъ часто бываетъ, что рой уходитъ, потому что въ стѣнахъ улья въ дырочкѣ или скважинкѣ находится коконъ, наполняющій пчелъ страхомъ.

Изъ насѣкомыхъ есть еще другіе враги пчелъ, но менѣе опасные. Шершень ловитъ пчелъ въ воздухѣ и забирается иногда и въ улей; осы во время теплыхъ лѣтъ нахально лѣзутъ въ ульи за медомъ, но пчелы мужественно отражаютъ ихъ напоръ. Чтобы помочь пчеламъ, хорошо повѣсить при леткѣ бутылки, наполненныя сахарной водой или жидкой сытой,—въ ихъ шейки осы лѣзутъ и потопаютъ тамъ сотнями. Есть насѣкомое малюсенькое, но въ нѣкоторыхъ странахъ убивающее массы пчелъ. Оно бураго или чернаго цвѣта, длиною въ два миллиметра и называется Meloë variegatus, живетъ на цвѣтѣ скабіозы и иногда эспарцета. О немъ сказано уже выше, на стран. 70. Есть еще малюсенькое насѣкомое—пчелиная вошка, она едва замѣтна глазомъ, перебѣгаетъ очень быстро ячейки и мнѣ кажется, что она содѣйствуетъ появленію гнильца. Удивительно, что она находится иногда даже и въ сильныхъ семействахъ.

Четвертымъ врагомъ пчелъ является цѣлый міръ птицъ. Присмотритесь, какъ, ходитъ по лугамъ аистъ и какъ онъ ловитъ пчелъ и другихъ насѣкомыхъ на цвѣтахъ. Воробей большой врагъ пчелъ, особенно весной, когда каждая пчелка многоцѣнна. Большая компанія воробьевъ садится тогда по деревьямъ, заборамъ или плетнямъ возлѣ пчельниковъ и уничтожаетъ массу трудолюбивыхъ пчелокъ. Воробей считаетъ самымъ большимъ лакомствомъ трутневую черву, которой пчеловодъ срѣзываетъ головки во время главнаго взятка и выбрасываетъ или заставляетъ пчелъ высасывать и выбрасывать. Тогда воробьи очищаютъ пчельникъ отъ такой червы и насыщенные ею оставляютъ пчелъ въ покоѣ; вообще воробей, находящій другую пищу, пчелъ мало трогаетъ. Но самымъ жестокимъ врагомъ пчелъ изъ міра пернатыхъ считается и дѣйствительно есть ласточка. Одно семей-

ство этой птицы уничтожаетъ въ продолженіи лѣта десятки тысячъ пчелъ, и ульи представляютъ печальный видъ, гдѣ выводится большое количество ласточекъ. Ежедневно каждый улей платитъ тяжелую дань жизнію этихъ полезныхъ насѣкомыхъ, а истреблять ласточекъ считается у насъ грѣхомъ. Уже древніе наблюдатели природы знали вредъ ласточки, и поэтъ Виргилій жалуется на „Niobe pectus signata cruentum", т. е. на ласточку съ кровавой (красной) грудью, какъ на жестокаго врага пчелъ. Пчелы знаютъ этого врага, и часто видно, что когда ласточка прилетитъ на пчельникъ на охоту, за ней пускаются въ погоню пчелы, отъ которыхъ она спасается скорѣйшимъ летомъ.

Къ врагамъ пчелъ, самымъ большимъ и опаснѣйшимъ, слѣдуетъ причислить и человѣка съ его невѣжествомъ и злобой. Какъ варварски онъ обращается съ пчелами въ случаяхъ нападка или при уничтоженіи цѣлыхъ семействъ во время собиранія меда, это общеизвѣстно. И хотя окуриваніе пчелъ сѣрой является иногда необходимымъ, именно въ пасѣкахъ старой системы, однако разумный пчеловодъ старается по крайней мѣрѣ ограничить такое пчелоубійство до минимума. Я испыталъ на большихъ дуплянкахъ совѣтъ достопочтеннаго о. Успенскаго, чтобы осенью вырѣзывать пчеламъ медъ изъ головы и, не уничтожая семейства, дать имъ ниже другую колодезну изъ тонкой шалевки, выстеливая пустое мѣсто между двумя колодезнями сѣномъ, и опытъ показалъ, что такіи семейства зимовали отлично и одни изъ первыхъ роились.

Верхомъ же варварства считается отравленіе пчелъ съ злобною цѣлью произведенія гнильца. Насколько менѣе вреденъ медвѣдь, любитель меду, которому удается иногда выдрать пластъ изъ борти, въ сравненіи съ такимъ человѣкомъ, который уничтожаетъ съ намѣреніемъ цѣлыя пасѣки, плоды многолѣтнихъ трудовъ своего ближняго и тѣхъ безвинныхъ добрѣйшихъ работницъ, служащихъ человѣку!

4. Болѣзни пчелъ.

Пчелиныя семейства подвержены разнороднымъ болѣзнямъ, причиной которыхъ бываютъ или неумѣнье пчеловодовъ, или независящія отъ нихъ неблагопріятныя обстоятельства.

Въ нашемъ климатѣ пчеламъ приходится не вылетать изъ улья въ продолженіи шести, иногда даже семи мѣсяцевъ, а иногда и того больше. Чтобы онѣ могли здорово провести такое продолжительное время, нужно имъ не только достаточное количество корма (меду и перги), но и воздухъ долженъ быть здоровый, безъ сырости, температура ни слишкомъ высокая, ни холодная, а умѣренная, соотвѣтствующая большей или меньшей силѣ семействъ.

Медъ, которымъ питаются пчелы зимой, долженъ имѣть въ себѣ достаточное количество воды, безъ которой пчелы не могутъ жить, и бываютъ случаи, что отъ недостатка воды въ меду пчелы страдаютъ *жаждою*. Это бываетъ именно тогда, когда зимой въ ульѣ слишкомъ большое количество пчелъ, производящихъ теплоту,— иногда бываетъ такая жара, что вода изъ меду превращается въ паръ, а медъ въ ячейкахъ густѣетъ до того, что когда откроешь ячейку, онъ тянется длинной нитью и когда засохнетъ, ломается какъ стекло.

Не находя воды въ медѣ, жаждущія пчелы безпокоятся, шумятъ и тѣснятся въ отверстьямъ улья, изъ котораго въ отчаяніи, какъ бѣшенныя, вылетаютъ, а въ ульѣ остается только матка съ небольшой кучкой пчелъ. Разбирая такой улей,

увидишь ячейки, наполненныя или засахаренными крупицами, или густымъ зажареннымъ медомъ, изъ которыхъ высосана вся жидкость.

Жаждой болѣютъ преимущественно пчелы, зимующія въ недостаточно холодныхъ омшанникахъ или другихъ теплыхъ мѣстахъ, — *если сила семействъ въ ульяхъ черезъ-чуръ большая.* А бываетъ она большой послѣ жаркихъ и безвѣтренныхъ мѣсяцевъ августа и сентября и въ странахъ, уже отъ природы закрытыхъ отъ вѣтровъ. Нѣкоторые неопытные пчеловоды, хозяйничая въ простыхъ дуплянкахъ, жалѣя истреблять пчелъ сѣрой, думаютъ получить очень сильныя семейства изъ соединенія двухъ—трехъ семействъ въ одно; но если вѣтеръ еще осенью не уничтожитъ порядочнаго количества пчелъ, танія семейства подвергаются зимой опасности жажды и ужаснаго ослабленія, если не совершенной гибели.

Жаждущимъ пчеламъ можно пособить тѣмъ, что—когда войдемъ въ омшанникъ и замѣтимъ безпокойствіе въ ульяхъ и пчелъ чернаго цвѣта, летающихъ и ходящихъ,—не медля окропить ихъ порядочно холодной водой, которую онѣ сейчасъ уберутъ, и спокойствіе возстановится. Спустя нѣсколько дней, опять надобно кропить, особенно когда уже приближается весна и въ ульяхъ находится уже множество молодыхъ пчелъ, увеличивающихъ и безъ того сильныя семейства.

Бываютъ случаи, что въ странахъ, гдѣ обыкновенно въ зимовку идетъ большая сила пчелъ, въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ весь нолъ въ омшанникахъ бываетъ покрытъ толстымъ слоемъ погибшихъ пчелъ, черный цвѣтъ которыхъ свидѣтельствуетъ, что онѣ погибли отъ жажды. На югѣ Россіи, гдѣ вѣтры почти весь годъ безпрестанно дуютъ, очень рѣдко бываетъ переполненіе пчелами ульевъ, напротивъ—здѣсь преобладаютъ малолюдныя семейства, только рѣдко покрывающія всю вощину. Танія семейства обезпечены отъ зимовой жажды въ холодномъ омшанникѣ.

Болѣзнь противуположная жаждѣ есть *поносъ*. Причины ея слѣдующія:

1. Много не забрушеннаго меду, который приходитъ въ броженіе и дѣлается нездоровымъ для пчелъ. Если взятокъ, напр. на поздней гречихѣ или на верескѣ, продолжается по конецъ августа или до сентября мѣсяца и вдругъ температура воздуха до того понизится, что пчелы уже не могутъ производить воску и забрушить ячейки съ медомъ, тогда медъ остается открытымъ. Иногда бываетъ его такъ много, что пчеламъ для зимовки въ пустой вощинѣ, т. е. на гнѣздо, остается очень мало пространства, и если сила пчелъ не большая, то пчеламъ бываетъ холодно. Нездоровый кормъ производитъ поносъ. Пока возможно, пчелы по инстинкту своему сдерживаютъ въ себѣ нечистоту и предпочитаютъ даже вылетѣть изъ улья, чтобы не пачкать вощины и другъ дружку, но только часть удаляется, а прочія выпускаютъ изъ себя калъ и пачкаютъ имъ стѣны улья и ячейки, отъ чего производится извѣстная пчеловодамъ непріятная вонь отъ такъ называемаго „*запорженія*“. Это бываетъ иногда причиной гибели цѣлыхъ пасѣкъ.

По пути въ Карпатскія горы я заѣхалъ въ 1860-тыхъ годахъ къ одному священнику, у котораго была славная пасѣка въ ульяхъ Дзержона громадныхъ размѣровъ. Въѣхавъ во дворъ, я увидѣлъ мѣсто, гдѣ стояла прежде пасѣка, засѣянное кукурузой. Страна надъ рѣкой Свѣчей великолѣпная, будто сотворена для пчеловодства. Тамъ бываютъ уже на день св. Георгія рои; главный взятокъ—изъ бѣлаго клевера, который самая природа насѣваетъ такъ густо, что отлоги (толоки) бѣлѣются будто засѣянныя гречихой, а послѣ по лѣсамъ цвѣтетъ пропасть малины,

крушины и разныхъ медоносныхъ растеній.—Священникъ о. Ѳома былъ славнымъ медоваромъ и, разумѣется, пристрастнымъ любителемъ пчелъ. Поздоровавшись, я спросилъ его, гдѣ его пасѣка въ настоящее время. Онъ взялъ меня за руку и повелъ въ громадный сарай и, указавъ нѣсколько сотъ ульевъ превосходно устроенныхъ, сказалъ: вотъ что осталось послѣ моей пасѣки! Я удивился и спросилъ: не гнилецъ ли загостилъ къ вамъ?—Нѣтъ, говоритъ, но *„октябрская спадь“*.

Въ Карпатахъ растетъ прелестное хвойное дерево, по мѣстному названію *„ялица“*, походящее на русскую *„ель“* (которая тамъ называется смереской). Въ Россіи я нигдѣ не замѣтилъ ни одной „ялицы“ и удивлялся, что лѣсоводы не развели ее въ тѣхъ странахъ, гдѣ растетъ ель. Это дерево строевое, огромныхъ размѣровъ, ровное и самое пріятное на видъ. Лѣса изъ такой ялицы окружали мѣстность, о которой пишу, и село *Балучи подорожны*. Поздняя спадь на такой ялицѣ была причиной гибели такой чудесной пасѣки. О. Ѳома имѣлъ обыкновеніе оставлять на зимовку 200 штукъ избранныхъ ульевъ, прочія семейства окуривалъ и получалъ изъ нихъ медъ. Тогда не было еще тѣхъ двухъ важныхъ изобрѣтеній, которыми пользуются нынѣшніе пчеловоды, именно: рамъ и медомета. Оставивъ 200 ульевъ (по мѣстному названію „насѣнниковъ“), онъ замѣтилъ, что въ первыхъ дняхъ октября послѣ необыкновенно въ то время жаркаго дня и теплой ночи пчелы очень рано утромъ бросились тучами на лѣсъ. Вечеромъ открывъ ульи, увидѣлъ онъ, что всѣ пласты (снозовые подвижные) переполнены были медомъ до послѣдней ячейки. Это безпокоило его, но что же дѣлать? Когда бы былъ медометъ, дѣло вышло бы превосходно. Вечерами можно было опрастывать соты и получать десятки пудовъ меду. Но такъ какъ медомета еще не было, то помочь горю не было никакой возможности. Оставалось развѣ одно: уничтожить всѣ семейства и взять весь медъ. Но къ тому не хватило у о. Ѳомы отваги. Медъ жидкій пришелъ въ броженіе, а уже зимой оказалось, что вся пасѣка погибла; остались только соты запачканные, непріятно воняющіе. Этакія [illegible] бываютъ въ Галичинѣ довольно часто. Если онѣ бываютъ лѣтомъ, то слава Богу! живешь лѣсомъ, а изъ липъ, кленовъ, орѣшины дуба и ялицы капаетъ медъ, ну и замажешь имъ платье. Тогда пчелы еще до восхода солнца уже всѣ въ лѣсу, шумъ въ пасѣкѣ необыкновенный, пока солнышко не осушитъ меду на листьяхъ. Но осенняя спадь прежде была убійственная, отъ нея не было спасенія. Въ настоящее время она менѣе страшна, хотя всетаки не безопасна, потому, что въ осеннее время опрастываніе сотовъ требуетъ большого опыта и осторожности, чтобы не вызвать нападa, особенно при большомъ количествѣ ульевъ, и чтобы не разрушать сдѣланнаго пчелами порядка сотовъ и приклейки смолой, очень важной для здоровой зимовки.

2. Второй причиной запереженія пчелъ—холодная зимовка, когда семейство не многолюдное, а гнѣздо состоятъ изъ короткихъ сотовъ, особенно при свѣжей вощинѣ. Старая вощина теплѣе. Пчелы страдающія отъ холода стараются производить теплоту треніемъ крыльевъ и воздуха, тогда онѣ шумятъ, не отдыхая, какъ должно быть, полусномъ, и принимаютъ большое количество меду въ желудки, отъ чего производится и большое количество нечистотъ.

Запереженіе можно отчасти лечить только устраненіемъ причинъ, отъ которыхъ оно произошло. Осенью надобно осмотрѣть всѣ ульи, чтобы узнать, нѣтъ ли въ нихъ много незабрушеннаго меду. Въ каждомъ ульѣ найдется непремѣнно

часть такого меду, и это не вредно, но если его слишкомъ много, тогда при хорошихъ запасахъ меду въ ульѣ самое лучшее замѣнить два-три полные сота пустою чистою вощиною, если она есть въ запасѣ, или такою, въ которой сверху есть хоть по немногу забрушеннаго меду. Въ крайнемъ случаѣ можно прибѣгать къ опрастыванію сотовъ въ медометѣ, если температура не слишкомъ низка, позволяющая перомъ обметать пчелъ изъ сотовъ, тщательно наблюдая, чтобы матка не упала на дно улья или на землю. Если на дворѣ холодъ, можно перенести улей въ нежаркую комнату, и тамъ обметать пчелъ и опрастывать соты, и опять класть каждый на свое мѣсто. Тогда остается въ ульяхъ только забрушенный медъ. Въ комнатѣ надобно продержать пчелъ пока всѣ не взойдутъ снизу на вощину, а тогда поставить ихъ на прежнее мѣсто въ пчельникѣ.

3. Запереніе пчелъ можетъ произойти также оттого, если пчелы на зимовкѣ въ сараяхъ, на чердакахъ и пр. не имѣютъ совершеннаго покоя, гдѣ онѣ въ постоянной тревогѣ отъ шума, стука и свѣта. Чувствуя опасность, онѣ переполняются медомъ, открывая забрушенный, который поелѣ портится и производитъ поносъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ зимуютъ пчелы въ прохладныхъ мѣстахъ, и, страха ради отъ поврежденія мышами, затворяютъ имъ и летки; тогда сильнѣйшія семейства гибнутъ и отъ жажды и отъ поноса, оставляя по себѣ запачканную вощину, а обыкновенно и мотылицу.

Но самою ужасною болѣзнью, которой подвергаются пчелиныя семейства, является *гнилецъ*, пчелиная чума. Жертвою ея падаютъ ежегодно милліоны семействъ и нельзя сказать, что наука открыла уже достовѣрное средство для ея леченія.

Правда, находятся въ пчеловодныхъ журналахъ и нѣкоторыхъ сочиненіяхъ статьи съ разными средствами для леченія гнильца, но все это относится развѣ только къ удаленію его, но никакъ не къ леченію. Никто не изобрѣлъ и никогда не изобрѣтетъ средства противъ разложенія и гніенія трупа; дѣло только въ томъ, чтобы его убрать, чтобы онъ вредно не дѣйствовалъ на окружающихъ его людей. Гнилецъ есть трупъ пчелиной или трутневой червы, имѣющій такое свойство, что онъ заражаетъ другую черву, и пчелы не имѣютъ возможности убрать ее и освободиться отъ нея. Изслѣдованіенъ гнильца занимались многіе ученые, особенно докторъ Прейсъ, который и доказалъ, что гнилецъ составляетъ огромная масса микроскопическаго гриба Echinococcus alvearius, который совершенно похожъ на грибы опеньки. Я имѣлъ случай видѣть въ Берлинѣ микроскопъ д-ра Прейса, увеличивающій въ 300 разъ, и видѣлъ грибы гнильца въ трехъ его стадіяхъ: въ началѣ его появленія на трупѣ червы, въ развитіи его и созрѣніи; первый желтаго, второй коричневаго, а третій чернаго цвѣта.

Гнилецъ—болѣзнь извѣстная и простымъ пчеловодамъ, такъ какъ жертвой его падаютъ цѣлыя пасѣви. Невѣрно, будто гнилецъ появляется съ введеніемъ подвижныхъ сотовъ и рамочной системы. Въ старыхъ книгахъ упоминается объ уничтоженіи громадныхъ насѣвъ гнильцеиъ. Это болѣзпь престарая, только не въ каждой странѣ она появлялась.

Нѣкоторые пишутъ, какъ выше сказано, о *леченіи* гнильца, но это просто увлеченіе. Съ гнильцемъ боролся первый теперь живущій авторитетъ пчеловодства Иванъ Дзержонъ. Благодаря ему, міръ пчеловодовъ познакомился ближе съ сею ужасною болѣзнью.

По его ученію, есть два рода гнильца: добро - и злокачественный. Доброкаче-

ственный происходить отъ простуды и лечится самими пчелами, и только въ экстренныхъ случаяхъ нужно содѣйствіе пчеловода, такъ какъ при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ доброкачественный гнилецъ превратиться въ злокачественный, именно тогда, когда очень много червы застудилось, и пчелы не въ силахъ скоро ее убрать. Злокачественный происходить отъ отравленія и тогда онъ рѣшительно неизлечимъ, а только устранимъ при тщательномъ уходѣ пчеловода.

Средствомъ къ леченію пчелъ, зараженныхъ гнильцомъ, называютъ салициловую кислоту; но мнѣнія о такомъ леченіи иногда расходятся между собою. Оно всегда пособляетъ въ самомъ началѣ, когда гнилецъ еще не достигъ послѣдней степени. И я боролся съ злокачественнымъ гнильцемъ, происшедшимъ отъ отравы, два года, и могу описать мои наблюденія и способъ его устраненія.

Въ 1873 году на веснѣ я переселился верстъ за 100 на другой приходъ и привезъ съ собой 424 превосходныхъ семействъ. Они казались совершенно здоровыми послѣ путешествія и развивались очень надежно. Но я заболѣлъ глазами и впродолженіе нѣсколькихъ недѣль не могъ видѣть моей пасѣки. Злобная рука подбросила отравленный медъ, и мой пасѣчникъ доложилъ мнѣ, что пчелы не весело летаютъ, и что нѣкоторыя семейства даже воняютъ. Когда я пріѣхалъ въ пасѣку и открылъ нѣсколько ульевъ, я замѣтилъ среди червы на пластахъ большее или меньшее количество ячеекъ коричневато цвѣта, которыя были не выше уровня пластовъ, какъ здоровая пчелиная черва, а напротивъ, ниже его. Въ донышкахъ замѣтны были маленькія дырочки, и я видѣлъ, какъ пчелы, наткнувшись на такую ячейку, вдругъ отскакивали отъ нея будто съ отвращеніемъ и страхомъ. Открывъ такія ячейки, я видѣлъ въ нѣкоторыхъ зеленую, въ нѣкоторыхъ коричневую, а въ нѣкоторыхъ черную жидкость, которая тянулась какъ нить. Но удивительно—въ числѣ 424 ульевъ не всѣ были заражены, и были такіе ряды, въ которыхъ половина ульевъ и больше остались невредимыми. Были ульи, въ которыхъ почти половина червы загнила, а были и такіе, въ которыхъ всего только нѣсколько ячеекъ было гнилыхъ. Въ одномъ ульѣ была всего только одна гнилая ячейка. Это служило вѣрнымъ доказательствомъ, что пчелы были отравлены. Если была бы другая причина гнильца, были бы всѣ семейства больныя; а такъ заболѣли только попавшія на отравленный медъ.

Не дай Богъ никому познакомиться съ такимъ врагомъ! Весна тогда была хорошая, взятокъ обильный Самая страшная была гніющая трутневая черва. Были и маточники съ гнилой червой. Въ менѣе зараженныхъ ульяхъ я пробовалъ вырѣзывать острымъ перочиннымъ ножикомъ гнилую черву, но дня черезъ два—три оказалось, что явилась опять гнилая черва въ другихъ мѣстахъ. Необходимо было принять радикальныя средства, именно: устранить изъ ульевъ всю черву до послѣдней ячейки. Сильнѣйшія пчелы начали строить новую вощину, матки начали насѣвать яички. Зараженные пласты съ червой я перетопилъ на воскъ. Со страхомъ дожидался я первой закрытой червы, и когда она явилась, я замѣтилъ, что во многихъ ульяхъ опять таки явился гнилецъ, хотя уже въ меньшемъ количествѣ. Я выжигалъ раскаленной проволокой зараженныя ячейки, не уничтожая другой червы, такъ какъ и безъ того сила въ ульяхъ вслѣдствіе потери такой массы червы уменьшалось. Когда пошелъ дождь и взятокъ прекратился, я кормилъ пчелъ сахарной сытой, на большой стаканъ которой разбивалъ по одному свѣжему яйцу. Это

послужило къ обильному червленію матокъ, и черва явилась болѣе надежная. Надобно прибавить, что ульи, даже рамы, зараженныя гнильцемъ, я предварительно выжигалъ соломой. Гнилая черва являлась рѣже и рѣже, но число моихъ ульевъ упало ниже половины, такъ какъ надобно было соединять, вслѣдствіе громадной потери червы, по два и три семейства въ одно. Уничтожалъ я именно тѣхъ матокъ, гдѣ являлся еще гнилецъ, соединяя пчелу съ здоровой маткой. Дзержонъ учитъ, что матка не переноситъ гнильца, и, по моему опыту, вѣрно; но у меня бывали случаи, что казалось, что она переносила. Одну такую матку, въ семействѣ которой было нѣсколько гнилой червы, я вложилъ на зимовку въ новый улей, гдѣ матка потерялась, и удивительно — на слѣдующую весну онъ оказался съ гнильцемъ. Но могла быть и другая причина, не матка. Всѣхъ живыхъ ульевъ осталось у меня на зиму только сто; въ слѣдующемъ году еще въ нѣкоторыхъ являлся гнилецъ и прекратился только съ осенью. На третьемъ году была вся пасѣка уже совершенно здоровой.

Злокачественный гнилецъ дѣлается тогда только ужасно заразительнымъ, когда онъ уже засохнетъ въ ячейкахъ.

Злокачественный гнилецъ можно узнать по слѣдующимъ признакамъ:

1. Онъ не является сразу на цѣлыхъ пластахъ и очень рѣдко даже на двухъ сосѣднихъ ячейкахъ, а разбросанъ среди здоровой червы.

2. Онъ не бываетъ никогда въ червѣ *еще незакрытой*, но закрытая черва гніетъ именно во время перехода изъ личинки въ куколку. Только что умершую черву можно тогда видѣть стоящую въ ячейкѣ не головкою вверхъ, какъ обыкновенно, а напротивъ, *головкою внизъ*. Черва, переживъ періодъ перехода въ куколку, уже не гніетъ, а выходитъ здоровой.

3. Скоро послѣ смерти, черва превращается въ желто-зеленую тянущуюся массу, заполняющую часть ячейки, которая поелѣ двухъ недѣль засыхаетъ и чернѣетъ внизу одной стороны ячейки.

4. Когда уже гнилецъ засохнетъ, пчелы его не добываютъ изъ ячеекъ. я прекращаютъ совершенно постройку новой вощины, развѣ только исключительно во время богатаго взятка, когда у нихъ еще большая сила. Но тогда при засохшемъ уже гнильцѣ смертность червы увеличивается такъ, что гибнетъ ея болѣе трети. Тогда улей весь воняетъ.

Иначе является доброкачественный гнилецъ. Причиной его бываетъ *только* простуда. Когда въ ульяхъ и внизу пластовъ является уже много червы закрытой и незакрытой, и температура вдругъ перемѣнится до того, что пчелы должны перейти выше, а черву оставить открытой, тогда умираетъ черва; но признакомъ доброкачественнаго гнильца есть именно то, что умершая черва *синѣетъ и чернѣетъ*, а не переходитъ, какъ при злокачественномъ гнильцѣ, въ зеленую или бурую массу. Когда воздухъ обогрѣется, и пчелы спустятся внизъ, онѣ добываютъ изъ ячеекъ почернѣвшую черву незакрытую и выбрасываютъ, то же дѣлаютъ съ закрытой, если она еще не разлилась. Если же разлилась, онѣ сушатъ ее, и тогда очищаютъ отъ нея ячейки.

Такой гнилецъ безвреденъ; переходитъ ли онъ когда либо въ злокачественный, хотя объ этомъ пишутъ, мнѣ не извѣстно. Доброкачественный гнилецъ случается довольно часто. Его можно узнать по чернымъ крупинамъ или пластинкамъ, лежащимъ на днѣ улья. Когда разотремъ такую пластинку, онъ воняетъ; но пчелы, очистивши отъ него ячейки, остаются здоровыми.

5. Кое-что объ ульяхъ.

Въ книгахъ по пчеловодству много пишется о разныхъ системахъ ульевъ, но до сихъ поръ еще не рѣшено, которая система самая лучшая. Одна годится для однѣхъ странъ, другая для другихъ, что зависитъ отъ климатическихъ условій и отъ матеріала, которымъ разныя страны могутъ пользоваться безъ особенно большихъ расходовъ. Въ виду этого врядъ ли можно придумать улей, который имѣлъ-бы всѣ хорошія качества для всѣхъ странъ и климатовъ.

Въ одномъ только согласны всѣ образованные пчеловоды, въ чемъ все болѣе начинаютъ убѣждаться и не ученые, а именно—что старая система съ неподвижными пластами хуже новой, которая доставляетъ возможность видѣть внутри улья все до малѣйшей подробности и имѣть пчелиныя семейства въ своей власти, такъ что пчелы принуждены заниматься по указу пчеловода, а не по своему инстинкту, который иногда бываетъ для нихъ гибельнымъ. Хочетъ пчеловодъ, чтобы семейства роились, онѣ роятся, не желаетъ онъ роевъ,—можетъ не пустить ни одного. Такъ какъ непомѣрное размноженіе трутней, когда семейства слѣдуютъ только своему инстинкту, бываетъ иногда для нихъ гибельнымъ, то пчеловодъ можетъ и долженъ устранить изъ улья трутневую вощину, и пчелы не теряютъ ни времени, ни меду на кормленіе трутней, но когда въ ульѣ не будетъ матки, насѣвающей яички, тогда онъ воспользуется рамами съ трутневой вощиной, которую тогда пчелы наполнятъ медомъ.

Новая система съ вощиной въ рамкахъ доставляетъ гораздо больше меду и можно получить изъ одного и того же улья медъ разныхъ сортовъ, каждый сортъ отдѣльно, смотря по времени его уборки, по времени цвѣтенія разныхъ медоносныхъ деревьевъ и травъ, напр. медъ изъ акаціи или бѣлаго клевера, малины и крушины, самый бѣлый; медъ изъ липы желтоватый и самый ароматный, не менѣе цѣнный, изъ цвѣтныхъ луговъ и наконецъ медъ изъ гречихи и вереска. Послѣдній сортъ считается ниже другихъ, но для зимовки пчелъ онъ не хуже другихъ, если пчелы его забрушатъ.

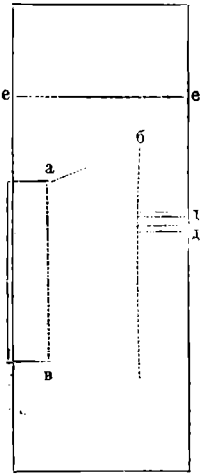
Новая рамочная система даетъ возможность лечить разныя болѣзни пчелъ и устранять ихъ недостатки. Очень легко исправить въ рамочномъ ульѣ безматка, но очень трудно въ старыхъ ульяхъ-бортяхъ или даже дупляикахъ. Очень легко истребить въ рамочномъ ульѣ мотылицу, но очень трудно и даже невозможно сдѣлать это въ простомъ ульѣ. Очень легко соединить два-три семейства въ рамочныхъ ульяхъ съ ихъ медомъ во время голода въ одно, что невозможно въ простыхъ. И гнилецъ, этотъ бичъ пчеловодства, можно устранить въ рамочныхъ ульяхъ, конечно съ потерей; чо въ простыхъ ульяхъ онъ истребляетъ иногда цѣлыя громадныя пасѣки, такъ какъ о немъ узнаетъ пчеловодъ только поздно, обыкновенно уже тогда, когда онъ достигъ уже самой опасной степени и уже зловоненъ.

Придетъ время, и оно уже не далеко, когда старая система уступитъ мѣсто новой; но это достигнется только постепенно, съ успѣхомъ просвѣщенія въ простомъ народѣ. Чтобы убѣдиться въ пользѣ новой системы, присмотримся къ первобытнымъ ульямъ, въ которыхъ ведется у насъ въ Россіи пчеловодство, и увидимъ, много ли въ нихъ хорошихъ и много ли дурныхъ качествъ.

Ближе къ сѣверу и на самомъ сѣверѣ Россіи господствуетъ еще старая *колода*, выдолбленная, съ длиннымъ отверстіемъ съ боку, называемымъ должеей, съ цѣльной головой и дномъ; дупло колоды доступно только чрезъ эту должею. Такая колода обыкновенно не очень толста и потому бываетъ не очень тепла, а между тѣмъ предназначена къ зимовкѣ на дворѣ на морозахъ, достигающихъ зачастую градусовъ 30 Рео-

мюра и болѣе. На зиму пчеловоды окутываютъ иногда такіе ульи соломой, мхомъ или чѣмъ нибудь другимъ. Пчелъ не окуриваютъ сѣрой, а медъ только подрѣзываютъ. Въ этихъ странахъ, богатыхъ лѣсами, очень легко можно было бы перейтп отъ старой системы къ новой.

Въ средней полосѣ Россіи, именно въ литовскихъ губершяхъ, на Полѣсьѣ, господствуетъ *борть*, преимущественно стоячая, изрѣдка только лежачая. Въ этой мѣстности есть суевѣріе, что пчела не любитъ жить вблизи человѣческихъ жилищъ, а любитъ глушь лѣсовъ, свободу и боится вмѣшательства человѣка въ ея хозяйство. Поэтому на Полѣсьѣ не найдешь у крестьянина обыкновенной пасѣки, а если хочешь видѣть пчелъ, то нужно идти въ лѣса, далеко, и тамъ увидишь на огромныхъ соснахъ ульи огромной величины или отдѣльно стоящіе, или по два вмѣстѣ; но видѣть ихъ вблизи невозможно, такъ какъ и владѣлецъ ихъ видитъ ихъ только однажды въ годъ, въ мѣсяцѣ сентябрѣ, когда онъ подрѣзываетъ изъ него медъ. Но когда покажутъ вамъ стоящій дома порожшій экземпляръ такого улья, вы съ удивленіемъ будете на него смотрѣть. Вы увидите колоду чрезвычайно толстую, отъ 2 до 2½ аршинъ въ длину, и отъ 1¼ до 1½ аршинъ въ діаметрѣ. Въ ней есть должея, но не такая, какъ въ сѣверныхъ колодахъ, не въ верхней, а болѣе въ нижней части улья. Открывъ ее, вы увидите, что внутренняя вмѣстительность дупла совершенно не соотвѣтствуетъ величинѣ колоды. Фигура 1 дастъ вамъ понятіе о полѣсской борти. Вотъ ея перерѣзъ:



Фиг. 1.

Вмѣстительность дупла *а*, *б*, *в*, *г*; *д*, *д*,—два маленькіе летка, пробуравленые или такъ, какъ на фиг. 1, или горизонтально съ собою.

Вшедшій въ такой улей рой застраиваетъ сейчасъ верхній уголъ *а—б*, и спускается съ постройки вощины внизъ до *в—г*; но это бываетъ только въ теплые и обильные медомъ годы. Пчеловодъ подрѣзываетъ ежегодно гораздо большую половину улья, иногда оставляетъ пчеламъ только самый верхній уголъ (!), подрѣзываетъ не только медъ, но и пустую вощину для получешя воска, слѣдовательно онъ уничтожаетъ тѣмъ важное пчелиное гнѣздо, не понимая, сколько вреда онъ причиняетъ семейству, которое послѣ такой варварской операщи не имѣетъ хорошаго теплаго мѣста для зимовки. Летки въ такихъ ульяхъ очень малы, такъ что въ нихъ съ трудомъ входитъ кончикъ мизинца. Можно себѣ представить, какая давка бываетъ при немъ лѣтомъ и сколько убытка отъ этого происходитъ. Пчелы, вылетѣвшія за взяткомъ, возвращаются съ нимъ поспѣшно, но увы! въ улей забраться и сложить ношу невозможно. Тамъ бываетъ точно такъ же, какъ у насъ на почтахъ по большимъ городамъ, гдѣ, принесши заказное или денежное письмо, надобно иногда часъ или полтора дожидаться очереди. Въ такомъ же положеніи находятся и пчелы: прилетѣвши, онѣ застаютъ летокъ заторможеннымъ пчелами. Въ этихъ леткахъ есть собственно мѣсто для прохода двухъ пчелъ, одной выходящей и другой приходящей. Дожидающіяся входа пчелы лежатъ безъ дѣла на ульѣ, теряя самое драгоцѣнное время, но пчеловодъ - невѣжда радуется тому, что его улей, какъ медвѣдь шубой, покрытъ пчелой. Спроси его, почему онъ дѣлаетъ такіе маленькіе летки, и онъ скажетъ тебѣ: это для того, чтобы птица—кузнецъ не выѣдала зимой пчелъ.

А того онъ не сообразить, что въ ульѣ, имѣющемъ такіе маленькіе летки, зимою бываетъ жара, и пчелы, тѣснясь къ летку, именно очень легко могутъ попасть въ клювъ кузнеца. Посмотрите на уголъ внизу *в—г*, и вы удивитесь. Можетъ ли быть лучшій притонъ для мотылицы? А пчеловодъ на Полѣсьѣ никогда не очищаетъ улья, потому что это связано съ большими затрудненіями. Такой улей поднятый на высокое дерево (иногда 4—5 саженей), стоитъ тамъ на выступѣ въ видѣ стола, а ниже этого стола есть еще другой столъ, чтобы къ улью не забрался любитель меду медвѣдь. На сосну надо лѣзть такъ называемой лѣзвицей изъ веревки, что затруднительно и опасно, и потому частое посѣщеніе ульевъ невозможно. Потеряетъ рой матку, мотылица безпрепятственно лѣзетъ со дна, гдѣ она покойно воспиталась, вверхъ и совершенно покойно ведетъ дѣло разоренія. Осенью находитъ бортникъ улей пустой, съ больнимъ шаромъ паутины и иногда съ гнѣздомъ шершней и прочихъ насѣкомыхъ. Не понимая, какъ это случилось, онъ взваливаетъ вину на нехорошія глаза враговъ-завистниковъ.

Ничего безумнѣе быть не можетъ такого улья. Спросите полѣщука, зачѣмъ онъ тащитъ наверхъ исполинской сосны такую массу дерева, вѣсомъ до 10-ти и больше пудовъ. Развѣ нельзя отпилить вверху дерева, какъ на фиг. *е—е* указано и этимъ деревомъ затопить печку? Чѣмъ оно пособляетъ семейству? И сколько полѣсскихъ пчеловодовъ поплатилось жизнью за эту систему! Отецъ настоящаго священника въ Скрыгаловѣ, Мозырскаго уѣзда, любитель пчеловодства, но придерживавшійся старыхъ преданій, упалъ при вывѣнчиваніи улья изъ сосны и превратился въ безобразный комъ тѣла и костей. То же случается часто и теперь, а почему? Я спрашивалъ полѣщуковъ, зачѣмъ тащить улей такъ высоко, и получилъ отвѣтъ: затѣмъ, чтобы пчела съ высоты видѣла, куда ей летѣть за взяткомъ. Что же можно на это сказать? И повѣритъ ли онъ и приметъ ли лучшій совѣтъ? Никогда. Но все откроетъ только свѣтъ науки. Въ другихъ странахъ колоды и борти бываютъ устроены если не хорошо, то сносно. Ихъ не помѣщаютъ по деревьямъ, но держатъ при своихъ усадьбахъ, или если и по лѣсамъ, то въ назначенныхъ на это пасѣкахъ. У нихъ колодезни подвижныя, утвержденныя на линейкахъ и летки такіе, что по надобности можно ихъ съузить и расширить. Они годятся для зимовки на дворѣ. Въ нихъ, если ихъ такъ устроить, чтобы соты висѣли ребромъ къ долженѣ, можно много видѣть; изъ нихъ можно выгнать отводокъ или только матку и легко помочь семейству во всякомъ случаѣ. Одно только невозможно: пользоваться медометонъ, что очень важно.

То-же можно сказать и с дуплянкахъ. Дуплянки и въ старомъ своемъ видѣ были гораздо удобнѣе колодъ и бортей, потому что въ нихъ можно видѣть многое, что закрыто въ колодѣ или борти.

Въ настоящее время пчеловоды стремятся къ тому, чтобы вмѣсто старыхъ неудобныхъ ульевъ завести повсемѣстно новые, съ подвижными рамами. Три большіи изобрѣтенія, которыя дѣлаются извѣстными уже и простому люду, поставятъ пчеловодство очень высоко, именно: рама, медометъ и искусственная вощина. Рама изобрѣтена была еще въ прошломъ столѣтіи французомъ Франсомъ Гюберомъ, ее введъ въ свою насѣку русскій пчеловодъ Прокоповичъ, а въ 1860-хъ годахъ священникъ Долиновскій. Славою перваго пчеловода въ мірѣ пользуется Иванъ Дзержонъ, нынче 80-лѣтній, но бодрый старикъ, ксендзъ католическій въ Силезіи. Онъ введъ въ пчеловодство научную систему и устроилъ улей своей системы, хотя безъ рамъ, а только на линейкахъ, но открылъ всѣ тайны

пчеловодства и поставилъ его на нынѣшнюю его высоту. Его систему усовершенствовалъ Берлешпъ изобрѣтеніемъ очень удобныхъ рамъ, а другіе пчеловоды вводятъ уже свои системы рамокъ, ббльшихъ или меньшихъ, смотря по силѣ ихъ роевъ и богатству взятка въ мѣстности. Какъ безсмертны имена изобрѣтателей подвижныхъ пластовъ и рамокъ, такъ въ почтеніи у пчеловодовъ будетъ имя маіора Грушки, изобрѣвшаго столь многоцѣнную центробѣжку, по нашему—медометъ. Но на этомъ еще не остановился разумъ человѣка. Онъ осмѣлился подражать матери-природѣ и выдѣлывать искусственно ячейки пчелы цѣлыми пластами, состоящими изъ среднихъ стѣнокъ, къ которымъ достраиваютъ пчелы боковыя стѣнки.

Для мыслящаго и любящаго природу человѣка не можетъ быть ничего пріятнѣе и милѣе, какъ наслаждаться чудесами этого мікрокосма (міра въ маленькомъ размѣрѣ). Когда полюбишь его, особенно ты, добрый русскій крестьянинъ, то не будетъ для тебя никогда скуки. Весной и лѣтомъ ты сядешь при твоихъ ульяхъ любоваться трудолюбіемъ этихъ разумныхъ животныхъ, ройка будетъ для тебя днями радости, жатва меду наградою за твои труды; отъ пчелъ сдѣлаешь себѣ пріятный и здоровый напитокъ и не пойдешь въ кабакъ, гдѣ люди иногда забываютъ, что они созданы по образу и подобію Божію и падаютъ иногда ниже неразумнаго скота. Ты не пойдешь къ пьяницамъ, а скажешь съ псалмопѣвцемъ Давидомъ: *«Коль возлюбленна селенія твоя Господи силъ! Желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни, сердце мое и плотъ моя возрадовастъся о Бозѣ живѣ. Ибо птица* (а вотъ и пчела) *обрѣте себѣ храмину, идѣже положитъ птенцы своя: олтари твои Господи силъ, Царю мой и Боже мой!...* И зимой ты станешь выдѣлывать себѣ ульи, рамы и пр. и съ радостью будешь ты дожидаться весны, чтобы привѣтствовать на тепломъ солнышкѣ здорово перезимовавшихъ твоихъ милыхъ работницъ.

И это тоже родъ богослуженія, такъ какъ всѣ творешія Божіи—алтаря Его, при которыхъ мы славимъ и величаемъ Его святое и поклоняемое имя.

Прочь лѣнь и пьянство, съ кабаками, съ скверными пѣснями и разговорами! Не одному доброму обычаю слѣдуетъ поучиться намъ отъ пчелъ. Возлюбимъ Бога въ дѣлахъ Его, какъ Онъ щедръ и милостивъ, и какъ премудро для нашего добра Имъ все устроено!

Оканчивая свою книгу позволяю себѣ замѣтить, что объ устройствѣ самыхъ лучшихъ рамочныхъ ульевъ будетъ подробно написано въ прилагаемомъ къ «Церковнымъ Вѣдомостямъ» Календарѣ на 1891 годъ. Меня посѣтилъ одинъ почтенный мѣщанинъ изъ Галиціи, и былъ столь любезенъ, что сдѣлалъ миѣ соломенный четырехсемейный улей на очень просто устроенномъ станкѣ, который можно по истинѣ назвать *золотымъ* ульемъ. Въ немъ будутъ работать четыре семейства, и можно смѣло спросить, есть ли что болѣе удобно, болѣе прочно, болѣе здорово для пчелъ устроеннаго за цѣну дѣйствительно ничтожную, такъ какъ такой притомъ еще красивый, улей для одного семейства обойдется деиевле рубля, не считая работы и соломы. Этотъ улей понравился нашимъ крестьянамъ и уже многіе строятъ его для роевъ будущаго лѣта. Ближе Кіева живущіе пчеловоды могутъ его видѣть при школѣ въ Братской Борщаговкѣ, и я очень радъ буду слышать о немъ ихъ мнѣнія. Теперь большее вниманіе обращено на англо-американскіе ульи.

Протоіерей Іоаннъ Наумовичъ.

ШЕЛКОВОДСТВО.

Кто не знаетъ, что такое шелкъ? Я думаю, нѣтъ ни одного села, гдѣ бы не знали, что такое шелковая лента, шелковый платокъ; а ужъ какъ хочется имѣть ихъ, про этотъ грѣхъ и говорить нечего. Особенно у дѣвушекъ глаза разбѣгаются на шелкъ; да и не удивительно: такой добротной, такой красивой, такой блестящей матеріи нѣтъ другой на свѣтѣ; зато и цѣнится дороже всякой другой. Есть мѣста, гдѣ жители какъ, крещенные, такъ и некрещенные, чуть-ли не всѣ до одного добываютъ шелкъ, какъ для своего собственнаго употребленія, такъ и на продажу. Не въ диковину у нихъ встрѣтить и сорочку шелковую у мужчины и нарядъ шелковый у женщины. Щеголять-то они щеголяютъ, да и о карманѣ своемъ не забываютъ. Вотъ, напримѣръ, французы, итальянцы — страхъ сколько денегъ на этомъ шелкѣ зарабатываютъ. Нѣмецъ тоже не отстаетъ—наровитъ намъ его спустить и понлины не боится—200 руб. съ пуда. Да и что удивительнаго? Цѣна по товару. Да, одна цѣна на рожь, другая на пшеницу; а сахаръ—тотъ еще дороже. Ну, да только шелкомъ пріятнѣй заниматься. Хозяйственное это дѣло, да еще и какое хозяйственное! Одно дѣло—землю не портить, не истощаетъ, а еще красить, да дѣлаетъ ее доходною; а другое дѣло—самый что ни есть бѣдный и тотъ можетъ заниматься. То есть такое хозяйственное дѣло, что и сказать нельзя.

Вотъ, напримѣръ, какъ разсказываютъ въ одной нѣмецкой книжкѣ про нѣсколько французскихъ волостей, гдѣ земля у жителей была такая плохая, что они ничего другаго нѣ могли и придумать, какъ нищенствовать да воровать. Еще въ 1770 году горы между Роной и Лоарой, въ южной Франціи, были не обработаны, и жители ихъ находились въ совершенно одичаломъ состояніи. Ни полиція, ни сила оружія не могли удержать ихъ въ порядкѣ; никакія религіозныя убѣжденія на нихъ не дѣйствовали. Они являлись съ заряженными пистолетами въ рукахъ и на танцы, и въ трактиры, и въ церковь. Ни одинъ путешественникъ не могъ считать себя безопаснымъ въ ихъ краѣ: разбои, грабежи и убійства были тамъ въ порядкѣ вещей. Полунагія жечщины и дѣти, неиытыя, нечесанныя, безнравственныя, одичалыя, бродили около хижинъ, лукаво подсматривая, нищенствуя и вовсе не желая чѣмъ-нибудь заняться. Но уже 40 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ все перемѣнилось. Мужчины бросили свое оружіе, женщины и дѣти сдѣлались чистоплотными, все стало трудиться. Удобныя дороги вьются по горамъ, богатыя деревни занимаютъ мѣсто прежнихъ безобразныхъ хижинъ, вездѣ видна зажиточность, домовитость, прилежаніе и хорошіе нравы. И откуда же такая перемѣна? Все это сдѣлали одинъ только лотъ яичекъ шелковичнаго червя и одно шелковичное дерево. Одинъ добрый человѣкъ научилъ этихъ дикарей шелководству, и этотъ страшный обезславленный край сдѣлался хорошимъ мѣстомъ, на которое любо посмотрѣть.

Что и говорить, и у насъ не безъ добрыхъ людей. Еще митрополитъ Петръ Могила и самъ занимался шелководствомъ, и людей училъ этому дѣлу. Можетъ быть, съ тѣхъ поръ еще и шелковица осталась въ святой лаврѣ. Святой жизни

былъ человѣкъ: и вѣру защищалъ, и школы заводилъ, и прибыльному хозяйству училъ. Да, тяжелыя времена тогда были, очень тяжелыя. Приходилось и вѣру свою защищать, и имущество, и даже жизнь женъ и дѣтей своихъ. И долго такъ было. Тутъ, какъ говорится, не до жиру—быть бы живу. А тамъ настала панщина. Тоже для шелководства дѣло не сподручное. И дѣйствительно, какъ добрые людп ни хлопотали, чтобы дѣло это пошло въ ходъ—ничего не выходилб. Вотъ развѣ только недалеко отъ Кіева, верстахъ въ пятидесяти, внизъ по Днѣпру, въ мѣстечкѣ Триполье, да въ селахъ, что лежатъ около Триполья, шелкомъ занимаются. Тутъ и до сихъ поръ чуть не въ каждой семьѣ добываютъ шелкъ, а войдешь въ праздникъ въ церковь—шелковыя намиткп такъ и сіяютъ на молодицахъ. А въ Обуховѣ такъ и матерію шелковую соткутъ. Хорошій ткачъ тамъ живетъ. Тоже вотъ Жуковцы, Веремье, Вптачевъ, Стайки, Щербаневка, Красное, Стрѣтовка и другія села вокругъ Трпполья давно уже занимаются шелкомъ и многіе тамъ хорошо зарабатываютъ. Къ нѣкоторымъ «шелкунамъ» я самъ заходилъ и спрашивалъ про ихъ заработокъ; не жалуются. Нѣкоторые зарабатываютъ рублей по 20, по 30 и больше; а то смотришь—иная себѣ на намиточку спроможется, и то довольна; собрала-бы, говорить, и больше, да горе такое: шелковицы своей нѣтъ, а развести, посадить не догадалась. Посмотрѣлъ я на это дѣло, посмотрѣлъ, какъ въ Триполи и шелкъ мотаютъ. Научился кое-чему, да вижу, что еще мало. Самому, вйдите, хотѣлось приняться за дѣло. Человѣкъ я грамотный, заглянулъ въ книжку, въ одну, въ другую, въ третью; чѣмъ больше читаешь, тѣмъ больше узнаешь, тѣмъ еще больше знать хочется. Была какъ-то (всемірная) выставка у нѣмцевъ; а у меня деньжонокъ немножко собралось. Дай, думаю, съѣзжу къ нѣмцамъ, посмотрю, какъ у нихъ тамъ дѣло ведется. Они уже на немъ и зубы проѣли; кому и знать, какъ не пмъ; а мы только начинаемъ этимъ дѣломъ заниматься. Ну, и дѣйствительно, не пожалѣлъ денегъ, п увидѣлъ, что прежде всего ведется честно, чисто п аккуратно, а аккуратность тутъ первое дѣло; а другое — узналъ, что въ книжкахъ пишутъ по этому дѣлу правду; точь въ точь описано все такъ, какъ слѣдуетъ быть по правилу. Ну, думаю, у нѣмцевъ научился, давай же и землякамъ разскажу. И самъ написалъ цѣлую книжку—«О шелководствѣ» называется. Не все же нѣмцамъ калачи ѣсть. Да и то сказать: дѣло такое, что заниматься пмъ въ одиночку — толку не будетъ. Товаръ это такой, что по малости его не продашь; гуртовой товаръ; надо, чтобы цѣлое село, нѣсколько селъ занимались, тогда и купецъ будетъ.

Такъ откуда же шелкъ берутъ? Если сказать, такъ другой и не повѣрить—отъ червей. Кто не знаетъ гусени? Кто не знаетъ, что она выводится изъ тѣхъ яичекъ, которыя кладутся мотыльками? Возьмемъ, напр., мотылька—капустницу, его знаетъ каждый; кладетъ онъ яичкп свои на нижней сторонѣ капустныхъ листьевъ. Какъ только пзъ яичекъ этихъ выйдутъ червячкп, гусень, такъ и пойдетъ она крошить листъ, а тамъ смотришь—и пропала вся капуста. То же бываетъ и съ грушами, и съ яблонями, и со сливами. Да и на какое дерево только не нападаетъ гусень или червь? И на каждомъ деревѣ, на каждой огородинѣ живетъ свой червь. Зайдешь въ дубовый или сосновый лѣсъ и смотришь: въ иной годъ, какъ есть, голый стоитъ; и все это мотыльки надѣлали со своими яичками, изъ которыхъ вышла гусеница. Хлѣбу тоже не мало достается отъ гусеницы; да есть и такая, что и одежи не пожалѣетъ; молью называется. Та больше отъ нечистоты заводится, да отъ спертаго воздуха; а станешь хату провѣтривать, да на солнышко одежину вывѣшивать, такъ и моль не заведется; а если завелась какая, то и та пропадетъ: не

надо ни перцу, ни табаку, ни далматскаго порошку, которымъ отъ моли одежу пересыпаютъ. Такъ вотъ есть гусень вредная, а есть и полезная. Вредную истребляютъ всячески, но никто ее столько не истребляетъ, какъ птицы, этотъ лучшій другъ человѣка; безъ нихъ въ иной годъ совсѣмъ было-бы плохо. Страсть, сколько червей, да бабочекъ, да мошекъ изводятъ птицы. Тамъ, гдѣ это хорошо знаютъ, такъ даже нарочно разводятъ птицъ: для скворцовъ (шпаковъ) устраиваютъ скворешницы, а для мелкихъ птичекъ вмѣсто обыкновенной огорожи изъ плетня разводятъ вокругъ садовъ и огородовъ живую изгородь изъ кустарниковъ. И ни изъ чего нельзя сдѣлать такой прочной, хорошей, густой и полезной живой изгороди, какъ изъ шелковицы. Въ такой густой изгороди мелкой пташкѣ настоящее житье; чуть коршуна или кобчика она завидѣла, какъ сейчасъ и шмыгъ въ кустъ; ищи ее тамъ.

Но кромѣ мотыльковъ, что летаютъ днемъ, есть и такіе, что летаютъ только ночью: это бабочки ночныя. Эти тоже не лучше дневныхъ, не меньше дѣлаютъ вреда, да, на спасенье человѣку, и на нихъ Богъ послалъ грозу—ночныхъ птицъ. Но никто изъ нихъ, кажется, столько ихъ не истребляетъ, какъ летучія мыши (кажанъ костокрылый). Мѣстами ихъ водится множество; никому они никакого зла не дѣлаютъ, но неразумные люди, не зная, какую пользу онѣ оказываютъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по какой-то непонятной злости, почти истребили ихъ—и остались безъ лѣса, такъ какъ червей столько развелось, что лѣсъ нѣсколько лѣтъ оставался голымъ и засохъ; да и скота пропало много, такъ какъ вся трава въ лѣсу усѣяна была волосками отъ линявшихъ гусеницъ и скотъ переболѣлъ. Этихъ мышей тоже оберегаютъ какъ отъ кошекъ, такъ и отъ тѣхъ мальчишекъ, которые, по глупости своей, думаютъ, что они доброе дѣло дѣлаютъ, когда убиваютъ ихъ, а того и не знаютъ, что убиваютъ себѣ же на бѣду.

Такъ вотъ между этими ночными вредными бабочками есть одинъ родъ очень полезный и называется онъ *шелковичнымъ* или *тутовымъ шелкопрядомъ*, а называется такъ потому, что гусеница или червь питается *только* листьями шелковицы (тутоваго дерева), и передъ тѣмъ, какъ превращаться въ куколку, завивается въ особое гнѣздышко или коконъ, который и вьетъ изъ той паутинки, что выходитъ у него извнутри черезъ ротъ. Паутинка эта и называется шелковиной.

Оттого тотъ, кто хочетъ добывать шелкъ, долженъ прежде развести шелковицу, а разводить ее очень не трудно, нуженъ только доглядъ. По цвѣту ягодъ различаютъ три сорта шелковицы: бѣлую, красную и черную. Листья бѣлой шелковицы черви ѣдятъ охотнѣе, и шелкъ отъ нея получается нѣжнѣе; если же нѣтъ бѣлой, то кормятъ листьями красной и черной.

Хорошее это дерево шелковица, а полезное какое, такъ и сказать нельзя! Во первыхъ—долговѣчное, можетъ расти и двѣсти, и триста лѣтъ, и крѣпкое, какъ желѣзо. Самыя дорогія бочки для вина дѣлаютъ изъ него, такъ какъ оно нисколько не портитъ вкуса вина. Да и для всякаго столярства годится. Изъ ягодъ, которыми такъ любятъ лакомиться дѣти и которыхъ бываетъ такъ много всегда на шелковицѣ, дѣлаютъ и уксусъ, и вино, и водку А кисель какой и изъ свѣжихъ и изъ сухихъ ягодъ, и лѣтомъ и зимой! А пироги съ ягодами! А то квасъ еще дѣлаютъ. Да какой квасъ!

Но ни отъ чего такой пользы нѣтъ, какъ отъ листьевъ. Нѣмцы, такъ тѣ разводятъ шелковицу да и продаютъ листъ шелководамъ. Тамъ вѣдь не такъ, какъ у насъ: земли мало, ну и не зѣваютъ, всякій наровитъ ни на томъ, такъ на другомъ заработать. Да и то правду сказать: у другаго и земли довольно, а случится не-

урожай, ну и шабашъ; клади зубы на полку, а было бы подъ рукой ремесло какое, и панъ себѣ. И разсчетъ у этихъ нѣмцевъ вѣрный. На одной десятинѣ онъ посадить не меньше тысячи деревъ (не считая изгороди изъ шелковицы вокругъ сада, которая тоже даетъ листу не мало). А каждое взрослое дерево даетъ ему три, четыре, а то и пять пудовъ листьевъ. Ну, пусть будетъ только три пуда, да пусть онъ четвертую часть пускаетъ каждый годъ на отдыхъ. Такъ вотъ съ 750 деревьевъ, если собрать только по три пуда листьевъ, и то ихъ наберется 2250 пудовъ. Полагая по гривеннику за пудъ (а продаютъ и дороже), 225 руб. съ десятины возьметъ, заложивши руки въ карманы, да и сѣно подъ деревомъ чего-нибудь да стоитъ. Хотя и шелководу не большой убытокъ, что заплатилъ гривенникъ съ пуда, а все же лучше свою завести: и гривенникъ въ карманѣ, и кланяться не надо. Когда я былъ въ Трипольи, то только и слышалъ: вотъ, еслибъ у насъ была шелковица, сколько бы мы шелку собрали! А отчего же вы, спрашиваю, не посадите? Кто говоритъ—не знаетъ, какъ ее и разводить; а кто говоритъ—и радъ бы посадить, да негдѣ. Ну, думаю себѣ, нѣтъ такого огорода, гдѣ-бы нельзя было посадить два-три деревца, а особенно около хаты; и отъ пожара хорошо: такое густое дерево задерживаетъ и искры, и огонь. Ну, говорю, а кладбище у васъ все засажено деревомъ? Да гдѣ тамъ, говорятъ, и не огорожено, и свиньи тамъ роютъ. Ну не хороши у васъ порядки; это и у нехристей покойниковъ держатъ въ лучшемъ видѣ. И разсказалъ имъ опять такъ, какъ это я видѣлъ у нѣмцевъ. Въ праздникъ, когда грѣхомъ считается для себя и у нихъ работать, соберутся они осенью, а то и весной, и каждый съ заступомъ да съ ведеркомъ воды да съ двумя-тремя деревцами подъ мышкой, и пошли на кладбище; а тамъ каждый къ своей дорогой могилкѣ, и ну ее украшать деревцами; да такъ это украсятъ, что и самому весело, и птичка Божія не нарадуется. А чтобы туда свинья зашла или другая какая скотина — никогда! Ну, спрашиваю у нѣмцевъ, а кто же у васъ листомъ этимъ пользуется? А листъ у насъ, говорятъ, на кладбищѣ общественнымъ считается. Кому нуженъ, тотъ и получаетъ его по сходной цѣнѣ отъ сторожа, а деньги эти идутъ на сторожа и на сторожку для покойниковъ, какіе умираютъ отъ заразной болѣзни. А сторожа молъ выбираемъ изъ хорошихъ людей, что по несчастью какому остался безъ куска хлѣба; и ему польза, и обществу польза, да передъ покойными родителями и родственниками, царство имъ небесное, не грѣхъ и не стыдъ; знаютъ, что и по смерти почитаемъ, какъ сказано въ заповѣди: «чти отца твоего и матерь твою». Ну, думаю себѣ, и у насъ покойничковъ не забываютъ, да только поминаютъ ихъ не добрымъ дѣломъ, а горилочкой, да иной разъ до того допоминаются, что и слушать соромъ. Нечего грѣха таить; согрѣшилъ и я, позавидовалъ нѣмцамъ за ихъ общественные порядки, крѣпко позавидовалъ. Хоть, думаю себѣ, не все то и у васъ хорошо, есть такое, что и у насъ лучше, да какъ вернулся въ свою Кіевщину, такъ сейчасъ къ Трипольскому батюшкѣ и разсказалъ ему про тамошные порядки. Спасибо отцу Михаилу, при первой церковной службѣ онъ и сказалъ обществу про выгоды шелководства, когда оно ведется дружно, и посовѣтовалъ насадить шелковицу такимъ же порядкомъ и въ школѣ, чтобы дѣти пріучалисъ къ этому дѣлу, такъ какъ это самое дѣтское дѣло, и на цвинтарѣ, и на кладбищѣ; а тутъ и сѣмена со мной случились, такъ не только трипольцы, а и изъ другихъ селъ старосты, что пришли на тотъ разъ въ волость, съ радостью поразобрали тѣ сѣмена; да только не знаю, вышло-ли что изъ того или нѣтъ. Одно дѣло захотѣть, а другое сдѣлать. Да и то, сказать правду, такъ не собрать самому

сѣмянъ, когда по селамъ столько ягодъ? А сѣмена вѣдь въ ягодахъ. Выходитъ, что одни не знаютъ даже, что въ ягодахъ и есть сѣмена; кладемъ, говорятъ, въ ротъ, вотъ и все тутъ; а другіе ссылаются на недосугъ, да и въ голову не придетъ, молъ, иодумать объ этомъ.

А между тѣмъ развести шелковицу самое простое дѣло. Уходъ за шелковицей таковъ же, какъ за всякпмъ фруктовымъ деревомъ. Разводится она посѣвомъ сѣмянъ и черенками. Сѣмена со старыхъ деревьевъ предпочитаются сѣменамъ съ деревьевъ молодыхъ. При сборѣ сѣмянъ всего лучше и проще высушивать ягоды въ тѣни, отнюдь не на солнцѣ, п затѣмъ растереть руками. Сѣмена высѣваютъ лѣтомъ цѣлыми ягодами тотчасъ по еборѣ ихъ, а осенью, въ началѣ ноября, и весною, въ половинѣ апрѣля—сѣменами, которыя сперва надо завязать въ холщевую тряпочку и смачивать водой, и когда сѣмена полопаются, тогда сѣять. Удобрять грядокъ не слѣдуетъ, развѣ земля ужь плоха очень. Въ сухую погоду поливать надо каждый вечеръ.

Въ первый годъ всходы слѣдуетъ разрѣдить. Черезъ два года деревца выростаютъ отъ аршина до двухъ и годятся для пересадки какъ въ питомникъ, такъ и на постоянное мѣсто, если оно огорожено. Пересаживать всего лучше осенью, когда спадетъ листъ. Супесокъ, да еще по горкѣ на полдень, считается всего лучше для шелковицы. Такихъ крутыхъ горъ, гдѣ орать почти нельзя, на правой сторонѣ Днѣпра много. Низменности съ землей болотной не годятся вовсе. При посадкѣ деревъ надо смотрѣть, чтобы они были обращены къ солнцу тою же стороною, какъ и въ школѣ или питомникѣ, для чего, прежде чѣмъ выкапывать, надо помѣтить ихъ съ солнечной стороны мѣломъ или масляной краской. Ямки должны быть выкопаны въ аршинъ ширины и высоты и засыпаны за мѣсяцъ до посадки. Передъ самой посадкой въ яму насыпается земли настолько, чтобы деревцо, поставленное на нее корнями, стояло нѣсколько выше и не ниже того, какъ на прежнемъ мѣстѣ, такъ какъ земля осядетъ и деревцо опустится. Корни деревца расправляются по всѣ стороны, а если есть между ними разорванные при перекопкѣ, то такіе острымъ ножомъ или ножницами обрѣзываются, и наблюдается, чтобы земля къ корнямъ ирплегала непремѣнно плотно, для чего на первый разъ полпваютъ, не жалѣя воды. Первый годъ необходимо зорко слѣдить за поливкой деревъ въ сухую погоду и на каждое деревцо расходовать не менѣе ведра. Въ лѣто, не особенно сухое, болѣе 3-хъ или 4-хъ разъ не придется поливать, но уже когда надо, такъ полить безотлагательно, иначе весь трудъ пропадетъ. Чѣмъ земля тяжелѣе, тѣмъ глубже слѣдуетъ взрыхлять ее. Деревья, посаженныя на постоянныя мѣста, недурно удабривать, особенно если земля плохая.

Гдѣ есть уже старыя деревца шелковицы, тамъ можно разводить ее черенками. Для этого, какъ только стаетъ снѣгъ, въ мартѣ нарѣзываютъ молодыя вѣточки длиною въ полъаршипа и цѣлые пучки нхъ, отрѣзанными концами внизъ, конечно, закопываютъ въ тѣннстомъ мѣстѣ; а въ апрѣлѣ, когда глазки шелковицы начнутъ надуваться, вѣточки этп разсажнваютъ на грядкахъ, въ разстояніи четверти одна отъ другой, п притомъ наклонно. Земля прибивается въ черенкамъ довольно плотно и въ сухую погоду каждый вечеръ хорошо ихъ полпваютъ.

Чрезвычайно полезно разводить шелковицу изгородью: для молодыхъ червей листъ съ изгороди лучше, снимается онъ скорѣе и легче и собирается уже на третій годъ. Для изгороди копается канавка въ ½ аршина глубины и ширины. Весной или осенью двухлѣтшія или трехлѣтнія деревца разсаживаются на разстояніи ¾ ар-

шина. Саженцы эти срѣзаютъ на высоту одного или двухъ вершковъ отъ земли и оставляютъ на каждомъ по два сучка, а боковые и наружные *глазки* срѣзываются. Къ осени каждое деревцо даетъ двѣ сильныя вѣтки. Слѣдующей весной правыя, наприм., вѣтки обрѣзаютъ вершковъ на шесть отъ ствола, а лѣвыя оставляютъ цѣльными и затѣмъ тѣ и другія связываютъ между собой мочалой такъ, чтобы онѣ образовали линію, параллельную землѣ. На третью весну перегнутыя вѣтки даютъ много отростковъ. Если окажется мѣсто пустое отъ погибшихъ растеній, то вѣтки съ сосѣднихъ деревцовъ закапываютъ въ землю, оставляя снаружи концы; вѣтки эти дадутъ новые отростки.

Необходимо имѣть еще въ виду, чтобы сборъ листьевъ производился возможно осторожнѣе, не обрывая вѣтокъ, а аккуратно срѣзывая ихъ; также снимать одни листья безъ вѣтокъ для дерева вредно. И непремѣнно слѣдуетъ срѣзывать ножемъ или ножницами, иначе вѣтки будутъ сохнуть и болѣть. Обдергивать руками одни листья тоже не слѣдуетъ; а если не желаютъ рѣзать вѣточекъ, то листья сощипываютъ по одному.

Итакъ развести шелковицу не трудно, какъ не трудно и досмотрѣть ее. Старыя деревья слѣдуетъ обкапывать, и съ осени обкопанное мѣсто можно слегка унавозить. Далеко не такъ легко выкормить какъ слѣдуетъ червей. Еще пять, десять штукъ досмотрѣть не трудно; а какъ только начнешь выкармливать ихъ тысячами, тутъ держи ухо востро. У нѣмцевъ, такъ тамъ даже такой порядокъ: какъ только кто плохо кормитъ червей или не умѣетъ смотрѣть за ними, такъ тому общество не позволяетъ и заниматься шелкомъ. Оно и не трудное дѣло, и занятное очень, да все же надо знать его какъ слѣдуетъ; а потому я и не буду разсказывать объ втомъ дѣлѣ во всей подробности. Пусть уже учитель самъ разскажетъ вамъ или прочитаетъ изъ какого либо руководства о шелководствѣ, а еще лучше, если по такому руководству выведетъ въ школѣ тысячу, другую червей, чтобы сами ученики и листъ для нихъ рѣзали, и кормили, и перечищали ихъ. Одну, другую весну какъ позаймете вмѣстѣ съ учителемъ, такъ тамъ, съ книжкой въ рукахъ, изъ васъ такіе шелководы выйдутъ, что и у нѣмцевъ поискать. А потому разскажу вамъ коротко, какъ за это дѣло приняться; а тамъ уже, кому дѣло это покажется любо да дорого, прямо къ учителю съ поклономъ.

Такъ вотъ у кого есть шелковица или кто можетъ навѣрняка получить листъ шелковицы отъ сосѣда, тотъ долженъ еще зимой позаботиться достать яичекъ шелковичныхъ червей; весной уже поздно будетъ, такъ какъ въ дорогѣ они могутъ оживиться и погибнуть съ голода. Если нѣтъ на примѣтѣ такого шелковода, отъ котораго можно было-бы получить ихъ, то надо написать въ Москву въ Комитетъ шелководства, только зимой — и вышлютъ. Когда получатся яички, то надо держать ихъ въ сухомъ и холодномъ мѣстѣ до того времени, пока не появятся на шелковицѣ молодые листики величиной съ ноготь. Тогда переносятъ яички въ теплую хату. Черезъ день, много черезъ два изъ яичекъ рано утромъ начнутъ выходить червячки. Вотъ тутъ и начинается работа: надо давать имъ самыхъ молодыхъ листочковъ, а такъ какъ листочки эти скоро сохнуть, то надо приносить ихъ почаще — разъ шесть, восемь въ день. При этомъ надо смотрѣть, чтобы въ хатѣ не было ни угара, ни тютюна; отъ того и другого черви сейчасъ погибнуть, а если и проживутъ, то все-таки будутъ плохіе. Надо смотрѣть, чтобы и солнце ихъ не палило; опять закрывать совсѣмъ, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые даже въ Триполи и говорятъ, что это они дѣлаютъ отъ дурнаго глаза, тоже не слѣдуетъ; дурнаго

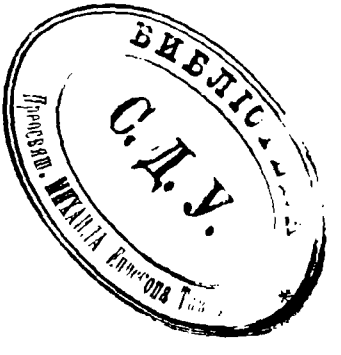
глаза черви не боятся, а темноты не любятъ и болѣютъ безъ свѣта. Самое важное еще не спутать червей, т. е. чтобы выводъ каждаго дня кормился отдѣльно; а то одни будутъ спать, а другіе ѣсть и мѣшать первымъ. Ну, а червь, какъ заснетъ, такъ спитъ долго, цѣлыя сутки, и помѣшать сну его въ это время—бѣда какъ не хорошо, не вынесетъ и заболѣетъ; а заболѣлъ—и пропалъ. *Первый* сонъ бываетъ у червя на шестой день, иногда и раньше. Передъ сномъ онъ меньше ѣстъ, становится вялымъ и наконецъ дѣлается совершенно неподвижнымъ, какъ будто-бы пропалъ. Это и есть сонъ. Проснувшись черезъ сутки, онъ первымъ дѣломъ сбрасываетъ свою старую кожицу, то есть линяетъ; оправляется и принимается за ѣду. На 11-й день засыпаетъ, затѣмъ на 17-й и наконецъ на 24-й день, и каждый разъ послѣ того линяетъ. Все это время до 30-го дня черви растутъ быстро, такъ что становятся въ 9 тысячъ разъ больше, чѣмъ въ день своего рожденія. Понятно, чѣмъ червь становится больше, тѣмъ больше ѣстъ и больше пачкаетъ, а слѣдовательно тѣмъ больше въ это время надо давать ему ѣсть и тѣмъ чаще перечищать. Чѣмъ больше червей, тѣмъ больше и листьевъ имъ дается; съ 20-го дня можно уже давать имъ листъ съ вѣточками; но вѣточки не должны быть больше четырехъ или шести вершковъ. Кромѣ того листъ долженъ быть чистый, безъ пыли, не мокрый, и чтобъ не было на немъ утренней росы, пятенъ, желтизны и проч.; все это будетъ вредить червямъ. Для перечистки кладутъ на червей легонькія сѣти изъ веревочекъ съ такими дырочками, чтобъ червь свободно могъ пролѣзть, а поверхъ сѣтей набрасываютъ вѣточекъ съ листьями. Черви, какъ только послышатъ свѣжій кормъ, сейчасъ на него и переберутся. Затѣмъ сѣти осторожно переносятся на другое мѣсто, а прежнее очищаютъ и всѣхъ слабыхъ червей выбрасываютъ; особенно если попадется больной какой, черный, сгнившій, такъ такого надо сейчасъ выбросить, притомъ осторожно, такъ, чтобы не раздавить его какъ-нибудь. На 31-й день черви становятся меньше, прозрачнѣе, ползаютъ во всѣ стороны, не ѣдятъ и очищаются. Тутъ уже надо не зѣвать, а скорѣе ставить вѣники, которые должны быть заготовлены заблаговременно. Въ этихъ вѣникахъ или коконникахъ и завиваютъ черви свои коконы. Черезъ недѣлю коконы готовы. Остается ихъ разсортировать, т. е. самые лучшіе, съ обоихъ концовъ твердые, плотные оставить на племя, а остальные заморить въ печи. Замариваютъ ихъ обыкновенно послѣ того, какъ испекутъ хлѣбъ, когда въ печи жарко, но не настолько, чтобы могла пригорѣть брошенная туда бумага. Коконы для этого складываютъ или въ плетеныя корзины, обложивъ ихъ бумагой, или въ новые горшки, тоже прикрывъ бумагой сверху. Часа черезъ полтора ихъ вынимаютъ изъ печки, осторожно разрѣзываютъ нѣсколько коконовъ и, вынувъ находящуюся внутри куколку, прокалываютъ ее иглой. Если куколки остаются безъ движенія, то значитъ заморены и нѣтъ опасности, что изъ коконовъ выйдутъ бабочки и испортятъ коконы. Вынутые изъ печи коконы высыпаютъ сначала на рядно, а когда совсѣмъ остынутъ, то выносятъ для окончательной просушки на воздухъ. Отъ времени до времени, пока коконы не будутъ проданы или размотаны, ихъ слѣдуетъ просушивать, но только не на солнцѣ, и оберегать отъ пыли; иначе въ сырую погоду могутъ отсырѣть и заплѣснѣвѣть; тогда и цѣна имъ будетъ грошъ. Коконы отбираютъ на племя только тогда, когда больныхъ червей совсѣмъ не было. А то можетъ случиться такъ, что между племенными коконами попадутся коконы отъ больныхъ червей, тогда и все потомство на будущій годъ окажется больнымъ, и слѣдовательно трудъ шелковода пропадетъ даромъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ завивки коконовъ, опять такя рано утромъ, изъ оставленныхъ на

племя коконовъ начинаютъ выходить бабочки; въ это время ихъ осматриваютъ: всѣхъ уродливыхъ, съ короткими крыльями, безъ пушка и проч., выбрасываютъ. Самку отъ самца легко отличить: самка гораздо толще и всегда неподвижна, а самецъ тоньше и живѣе. Каждая самка наноситъ отъ 400 до 500 яичекъ. Слѣдовательно, для золотника яичекъ, т. е. для 4—6 тысячъ червей надо оставлять отъ 12—15 паръ бабочекъ. Въ этомъ и заключается почти все дѣло, т. е. всей работы—пять шесть недѣль; причемъ настоящей работы дней десять всего, — отъ 20 — 30 дня жизни червей, когда они такъ много ѣдятъ. Въ Кіевской губерніи оживляютъ червей обыкновенно въ началѣ мая и, слѣдовательно, уходъ за ними приходится на время наиболѣе свободное отъ полевыхъ работъ.

Разматываютъ коконы на особыхъ, недорогихъ, рублей въ 15—20, шелкоразмотныхъ машинахъ. Размотать коконъ легко, но размотать такъ, чтобы вышла хорошая, ровная шелковая нить, довольно трудно; для этого надо почти только этимъ и заниматься и много разматывать. Непрерывная шелковина кокона тянется почти на версту, но не вся она идетъ въ размотку, а только средняя ея часть саженъ въ 200.

Втеченіи 5—6 недѣль въ просторной хатѣ можно выкормить рублей на 30—40 коконовъ и яичекъ. Для этого достаточно одной старухи съ мальчикомъ или дѣвочкой, если шелковица подъ рукой, на дворѣ или на огородѣ.

Кому понравилось это дѣло, пусть и берется за него—оно и занимательно, и прибыльно.

Николай Федоровскій.

КРУ "УНБ ім. І. Я. Франка"
025457